

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
СМОЛЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

**ЛАУРЕАТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ АДМИНИСТРАЦИИ
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ**

С ЮБИЛЕЕМ!

ГОСТИ НОМЕРА

НАШЕ ВРЕМЯ

ПОЭЗИЯ СМОЛЯН

**ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ
«ПЕРСОНА»**

ДЕБЮТ

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ПРОЗА ПОЭТА

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАШИ АВТОРЫ

ПОД ЧАСАМИ

№ 17 • КН. 1 • 2018

ББК 84Р7
УДК Р2
П 44

Редакционная коллегия: О.Н. Ермаков, В.В. Макаренков

Составитель тома: В.В. Макаренков

*Редакция не несет ответственности за факты, излагаемые авторами,
в документальных и публицистических статьях*

*Альманах издается за счет средств субсидий
Администрации Смоленской области*

П 44 **Под часами: альманах. Кн. 1** / Смоленское отделение Союза российских писателей. – Смоленск: Свиток, 2018. – 424 с.

ISBN 978-5-9907404-4-0

ББК 84Р7

**ЛАУРЕАТЫ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРЕМИЙ
АДМИНИСТРАЦИИ
СМОЛЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ**

- 10 Николай АЛЕШКОВ. ДАЛЬНИЕ ЛУГА:** «О родине, о маме...», «Дрогнет рябины ветка...», «вдруг за моим окном...», «Свалив на бугре недометанный стог...», «От горизонта, землю накрывая...», «Только услышу – гармонь заиграла...», В ночном, «Выпью горькую, вспомню истоки...», Воспоминание о моей маме, Уроки русского, Лукоморье, «Вернуть соловьиные годы...», «Уж листья ржавые стряхнули...», «Трава, прибитая морозцем ...», «По морозцу, хрустя снежком...», Огонь в печи, «Вне времени, ни летом, ни зимой...», Безсмертный полк, «Декабрьский дождь и майский снегопад...», «А за рекой, на непаханом поле...», В больничной палате, «Не дорожи моей любовью...», Поэту, «Поэт не врач, а боль. Струна и нерв...», «В морозном воздухе двоится...»
- 25 Виктор КУДРЯВЦЕВ. МИР УХОДЯЩИЙ, ПРЕКРАСНЫЙ, ЖЕСТОКИЙ...** «Лежу и думаю о разном...», «Иль мается ставень чокнутый...», «Трехлетней дочери подарок...», «Мой самый верный оберег...», «Пятница, суббота, воскресенье...», «Собираю вещички...», «За окном – чугунные потемки...», «Костями набитый лабиринт...», «Помним. Любим. Скорбим...», 1917, «Пластилиновое небо...», «Пишу, наверно, для немногих...», «Недавно – жизнь тому назад...», «...и ведь не скажешь: “нет на вас креста!”...», «Мокрые ветви скребутся в окошко...»
- 31 Константин СКВОРЦОВ. МАТУШКА ПЕЛА:** «Расскажи мне, земляк, мой товарищ бывалый...», «Золотой зверобой...», «Мне рано...», «В городе Туле в старинном посаде...», «Не жди благих вестей...», «Я думал, Русь, что ты моя броня...», Анна, «– Собирайся, сынок...», Воробьи, «Жилка бьется на моем виске...», «Осенний лес и неба синева...», «Какая с миром этим связь?..», «В этом нет никакого секрета...», Чайка, «На горячем ветру...», «В глубинке русской посреди разрухи...», «Не стань поэтом, не увидать чтоб...», «Снова глаза закрываю несмело...»
- 46 Владимир МАКАРЕНКОВ. ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ 2016–2018 годов:** «В пустом вагоне-ресторане...», Венчание в Овстуге, Зимнее Загорье, Пуля 1937, Катаракта, «Народы вождям признаются в любви...», «Кликуши современности постылы...», Смоленское ударение, «В пешеходном переходе...», «Вечерний дождик монотонно...», «Мир чувственный материален...», «Весенний воздух закипел, как молоко...», «Моя березовая роща...», «Все в природе к вечеру затихло...», «Побегами, как

нитями, овес...», Тишина, «Еще стихи случаются на свете...», «Мне авторы дарили столько книг...», Ночной ангел

64 Олег ДОРОГАНЬ. В ЛАДОШКЕ ЛИСТА: Собака на погосте, «Когда, не простившись, уйду...», «Мне был нужен очень...», «Сердце не справляется с весной...», «Пускай со мной не венчана...», «Я от стен городских возвращаюсь в деревню...», «Кинул снег на подоконник...», Твардовский и Тёркин, «Россия во всем виновата всегда...»

73 Леонид КУЗЬМИН. ДЫМЫ НАШИХ ПЕЧЕК: «...И памятник стоял, как брат...», «Они входили в наши классы...», Воспоминание, «Когда во мне сжимаются спирали...», Новый год, Silentium, Рождество, Память, «Над нашим селом восходили дымы...», «В нашем доме пахло овчиной...», «Однажды мне под руку вышло...», Предчувствие, «К огню Вселенскому склонясь...», «У меня на небе все больше адресов...», ХОЗЯИН, «На сорок дней после ухода...», Воспоминание о себе

ГОСТИ НОМЕРА

83 Алексей ЛИСНЯК. О стихах Николая Алешкова

С ЮБИЛЕЕМ!

88 Наталья ЕГОРОВА. «ВСЯ РУСЬ ПРОЛЕГЛА – ОТ БОРИСА ДО ГЛЕБА»: « Дрожит росой небесный белый крин...», Ихтис, Русский дуб, «Время будто сгустилось в бездонном колодце двора...», Цветы под ногами, Смядынь

98 Олег ЕРМАКОВ. О стихах Натальи Егоровой

ГОСТИ НОМЕРА

102 Андрей КОРОВИН. ВРАГИ ПОПАДАЮТ В РАЙ: Слуцкий в Туле, Детство на Оке, Детские преступления, История жука, Свойства рыбы, Брат-рыба, Дерево дождя, Весенний Крым: свинг, Воспоминание: с цикадой, Море: лимонными дольками, Качели, Снебапад, Ветер, Из кинохроники жизни, Враги попадают в рай

113 Сергей ГОНЦОВ. ЗОЛОТОЙ РОЖОК: «Высокий чудный дом старинный...», Дух-предваритель, Егорий, Вестница, Вселенский лад, Памяти поэта Владимира Коробова, Пределы мира, К другу, Рог, Невероятный порядок хода, «Есть радости невероятный ход...», «Есть в сумерках пресветлая черта...», Тоска-кручина, Столбцы о времени, Рождество нового века, Поцелуй ангела в овраге, Памяти демона, «Когда закончится война...», Мелодия и художник, Окно в церковь, «К черту этот

мир Модерна...», Загадка, Круг, «Городские стихи потрясают тоской...», Единое, Сергею Рахманинову, Монастырская земля, «В бриллиантах и каракулях...»

132 Василь ДРОБОТ. И СТАЛО РУНО ОВЧИНОЙ: Критерий, «Я должен просто говорить...», «Так близко грань за коей – тьма...», Из армии, «Медлительная поступь дня...», Высшая льгота, Киев – 2014, «Продлись и будь благословенна...», «Любая секунда – Время...», «Тс-с, не вспугните тишину...», Перед иконой, «Я свое непростение...», Голосеевский лес, «Новое утро стирает вчерашнюю боль...», «Я не могу сказать: “Рубцуй!”...», Новому дню, «А я достраиваю мир...», «И нам нельзя не верить в чудеса...», Изыди!, «Смертное краше бессмертного...», «Вся жизнь – это вера в чудо...», « Мир в напряжении, и ночь...»

144 Андрей НОВИКОВ. ЗЕЛЕНЫЙ ЦВЕТОК: Запах мира, Возродив огонь, Ласточки, Сельпо, Каллиграфия, Рыболов и птицелов, Метафора судьбы, Букет, Легкий дух, Розы и раны, Кораблики, Цветок зеленый, Дол, Водоворот, Байка

НАШЕ ВРЕМЯ

152 Нина ОБРЕЗКОВА. КОМИ-ЧЕЛОВЕК У РУССКОЙ ПЕЧКИ: «В утренней тиши лишь трич да треч...», «Кому в этом мире так нужна дорога...», «Может мне давно уже вернуться...», «Возле дома яблоком не пахнет...», «Возле печки русской коми-бабушка...», «В тех края, где в снах мы оба бродим...», «За мной приезжала на розвальнях бабушка ночью...», «Расскажи мне сказку, сказку Расскажи...», «Не рождается солнце на западе – верила...», «Не торопи, не зажигай, успеем...»

157 Татьяна КАНОВА. «А когда корявая строка...», Маме, Суббота, «Я дома возводила, в которых потом не жила...», «Я обращаюсь к солнцу и луне...», 8 марта, «Оглянуться боюсь, и вперед страшновато смотреть...», Накануне, Попутчику, «Скукота предзимья, тусклый свет...», «С тобой – из ничего и ниоткуда...», «Едут на Мальдивы и Багамы...», «Я жду тебя, а в дверь стучится вьюжный ветер...», «Я с судьбой своею взапусти...», «Разбивая вдребезги стекло...», «Видно, погреться...», В родительскую субботу, «Устало шаркая, сутулясь...», 7 июня, После поэтического марафона

165 Марина КОТОВА. МЫ ШЛИ МОСКВОЙ БОЛЬШОЙ ПОБЕДНОЙ РАТЬЮ...: «Я Русь люблю – боры ее и кручи...», Святослав, Святослав на Оке, Древляне, «Как лес, источенный угрюмым короедом...», Дурная погода, «Тревожно в Москве, и в России

тревожно, и в мире...», Москва. Расширение пространства, «Есть дни, что позволяют в смуту выжить...», Бессмертный полк, «Только б не растратить до обидного...», «Шиповник – алой полосой рассвета...», «За счастье мне – идти по Моховой...», «Глубинка, говорят, а слышу – глубина...», Вселенная трав, Сторукие гигантские дубы

180 **Нина ЯГОДИНЦЕВА.** СИРЕНЬ ЗА ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДОЙ: «Выбегаешь на крылечко, на мороз...», «...И уже не забудутся никогда...», «Теплый свет заструился из раненой плоти древесной...», «Так останься же тайной отрадой...», «Как тут выбирать, коль попал спроста...», «Ненасытной удалью молодой тоски...», «Как нельзя замереть на речной излучке...», «Когда бы знали мы на самом деле...», «Радость говорить – пробовать на вкус...», «В малой горсточке тепла...», «Задувает, метелит, выюжит – но как легко...»

ГОСТИ НОМЕРА

187 **Полина РОЖНОВА.** У Беловых в вологодской стороне (отрывок из поэмы), «Летит над жнивою в печали...», «Спотыкались о Русь...», «Пролетает осенний куст...», Покров, По дороге в ЦДЛ, Русский дом, Ключи Марии, «Ядрено, колосисто время то...», «По заоблачным дорогам...», «Молчат колодцы...», Мама

200 **Наталья ЧИСТЯКОВА (Мазалецкая).** Я ВЕРЮ СЕРДЦУ СВОЕМУ: «Умоляю грозную лавину...», Телеграмма, «С привкусом морей ночные ветры...», Розовые тополя, Воспоминание, Золотая, Незаметное время, «Пылят по земле печенег...», «Поцелуй земли и неба...», Не спится, Перевозчик, Небо, Земля и любовь, «Девчонкой была упрямой...», «Ты слово выдохни живое...», «Я измучилась сегодня...», ДЕРЗКИЙ ВЕТЕР, «Укутавшись в сиреневую шаль...», В золотых туманах, Не отпускай, О своем, Соловей

211 **Галина ЯКУНИНА.** И верить в чудо, и тянуться к свету...: Судьба, Ода городской траве, «Люблю людей, которые растут...», Ваша Светлость, Третья Отечественная, Владивостоку, День отца, Похвальное слово недругам, Вдали от рая

218 **Борис БАРТФЕЛЬД.** К ТЕБЕ ПРОТЯГИВАЮ РУКИ: «В затишке на балтийском берегу...», «Робко босая Ева...», Ангелы не объясняются, Февраль, «Снег выпал в ночь на воскресенье...», Небесный партизан, Времена года, «Иго страсти пало...», «Нет, не в Углич...»

ПОЭЗИЯ СМОЛЯН

- 224 Анастасия ТРИФОНОВА.** ЧЕРНЫЙ КРЫЖОВНИК: Отрывок, «Это детство, такое детство...», «Черный крыжовник, изабелла северных дач...», «а ты когда-нибудь вставал на гвоздь...», «Я на солнышке лежу...», «Кукуй не кукуй...», Перед Казанской
- 229 Александр КОКШАРОВ.** СПЛИН БОЛИ: «Прощальный поцелуй кленового листа...», «Внутри меня молчание...», «Сверкал этот вечер осенний...», «Тихим снегом полна чаша...», «Пела дождем за окном...», «Вздогнула вишня...», «Свинцовым лепестком...», «Жидкая купа ольхи...», «Неон огней на россыпях алмазных...», «Ничего не кончается...», «В глазах твоих тоскует море...», «Гроздья сирени...», «Старики, как опавшие листья...», «Может я уже в аду?!», «Я узнаю твой образ дикий...», Триолета, «Улыбнись, дурачок...», «Я поеду по снегу...», «В позолоте октября...», Посвящение Полю Сезанну, «Какой-то стальной поволокой...», «Беспечный цок танцующих шагов...», «О эта неухоженность эпохи...», «Снились сны...», «Крикнуть бы: «Мама!» – с облаков...»
- 240 Александр ГУРЕНКО.** ИЗ ВОСТОЧНОГО ЦИКЛА: «Мысль моя, не знаешь ты преграды...», «Сколько б ни скитался по вселенной...», «Зари вечерний свет, как золото браслетов...», «В лунном свете с высоты балкона...», «В жарких объятьях Востока...», «Слезой прозрачную дрожит...», «Благословен будь, свет лазурный...», «Всплывают образы, мечты...», «Ветер, ветер, видел ты полмира...», «Скоро, может быть, и я уеду...»
- 245 Сергей ПОДОЛЬСКИЙ.** И МАЛЬЧИШКОЙ СЕБЯ ОЦУТИТЬ: Деревенская гулянка, Весна. Вечер, «Талант и труд достигли цели...», Московские голуби, Строка Симонова
- 249 Эдуард БОРОХОВ.** АФОРИЗМЫ: Несмотря ни на что, Соблазны и пороки, А слуги кто?, Ох, уж эти женщины, Прозаизмы
- 256 Антон АЗАРЕНКОВ.** «Звездочкой лишней, сердцем...», Элегия о Вознесенском кладбище, Вместо молитвы, «Антошка, Антошка...», «Неслышно ковыляет человек...»
- 260 Екатерина СМИРНОВА.** Думаешь – любовь, а оказывается нечто иное, «куку, ляля...», «Мама, мама...», «ты никакосовой закладки разносила...», Вкус жизни
- 263 Полина ЛЕОНОВА.** «В молодости бабушка проснулась...», «Пачки акварели...», Архангельск, «От топота копыт...», «Обгореть на твоём светлом солнышке...»

ЛИТЕРАТУРНАЯ
СТУДИЯ «ПЕРСОНА»

ДЕБЮТ

266 Андрей ФЕДОСКИН. «Деревню накрыл полуденный сон...», «попупа попупа попупа попупа...», «Кто пошел отвоевывать Гроб Господень...», «Общее число пассажиров...», «Помнишь, как город раздвинулся в стороны...»,

269 Стася БРИК (Анастасия Самарцева). «Я запомню навек твой горячий и крепкий чай...», «Небо плачет дождем, замытая следы...», «Приходи...»

271 Юлия ГЛЫБИНА. В ПОЛУМРАКЕ ГОСТИНОЙ: Маргарита, Эти люди, Вечность в терапевтической концентрации, Черноморский этюд, Северянка

ЖУРНАЛ
В ЖУРНАЛЕ

275 СЕВЕРО-МУЙСКИЕ ОГНИ

278 Виталий КУЗНЕЦОВ. ВДОХНОВЕНИЕ ЗИМЫ, «Голубкой белою моя взмывает мысль...», «Стихи свои укрою под рубашку...», «Все чаще думаю о воле...», «Всё изменилось: мир – другой...», Вольный стих, «Два билета...», КОНИ, «Не захмелею от любви...», «Не страшны ни горы, ни моря...», «Моя печаль меж гор легла равниной...», «Не даются слова, не выходит размер...», Притяжение звезд, Снегири, Сибирские дороги, Лаечка, «Вот на душе возникла смута...»,

287 Анатолий ГОРБУНОВ. Пастушок, Ничейные озера, Севера, На охоте, Чина Луговая, Шатун, Снежный барс, Ольха, Российский алмаз,

292 Александр КОБЕЛЕВ. Вкус огурцов, Мой выбор, Русь-тройка, Унгийский край, Жаворонок, Деревенские песни, Письмо Александру Вампилову, Памяти Николая Рубцова

301 Евгения РОМАНОВА. Летняя гроза, Городок в Сибири, Друиду от ученицы, Лилия, Загадай желание

304 Никита БРАГИН. Сумерки, На берегу, Ноктюрн, Городская весна, Урок французского, Ассирия, Кошачье золото

310 Максим ОРЛОВ. «А какова рентабельность стиха...», «Наверняка несовременно...», Пластинка, «Лист бумаги бел как снег...», «С досадой о годах не говори...», Рифма, Диалог, «Когда все валится из рук...», «Любовь, мой друг, не торопи...», Сердечная достаточность

314 Андрей РУМЯНЦЕВ. «Азиату пристало родиться...», «Ты забралась в такие дали, Русь...», «Не постиг я чужую науку...», «День рожденья. Янтарная осень...», «Жизнь позади...», Русская душа, «Когда в ночи сижу один...», «Взывает время к добrote...», «Все это призрачно в миру...», Встреча, В тоннеле, Старый писатель, «Есть на закате краткий час...»,

324 Владимир СКИФ. Среди лип, «Мне жить в самом себе не просто...», С Чеховым, Восьмитомник Блока, «Не упасть бы, не разбиться...», Сергею Иоффе, поэту, жителю поселка Порт «Байкал, Журавли, Вдохновенье», «Предвоенный год. Весна...», Каменный цветок

333 Наталия КАРЕТНИКОВА. Апрельский снегопад, Весною полнится рассвет, Время колокольчиков пришло!, Август, Осенняя мелодия, Мороз и солнце!

ПРОЗА ПОЭТА

337 Николай РЫЛЕНКОВ. Коктебельская элегия

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

371 Ирина РЫЛЕНКОВА. Слово о «слове»

387 Марина ГОЛУБКОВА, Владимир ГРАЧЁВ. Николай Рыленков – Дмитрию Голубкову: «Я уже давно люблю Ваши стихи...»

391 Владимир МАКАРЕНКОВ. Война всерьез, поэзия... всерьез

400 Александр АГЕЕВ. Его камертон – искренность

405 Борис ЛУКИН. Попов А.Г. Ловцы человек. Стихи

НАШИ АВТОРЫ

416

Николай АЛЕШКОВ

Лауреат литературной премии им. Н.И. Рыленкова

ДАЛЬНИЕ ЛУГА

О родине, о маме,
о жизни, о любви
стихи приходят сами –
зови иль не зови...

Жгут сердце строки эти,
они не могут тлеть,
и ты живешь на свете,
чтоб их запечатлеть.

Дрогнет рябины ветка
вдруг за моим окном...
Я к середине века
добрым пророс зерном
сквозь чернозем с навозом
в послевоенный быт.
В нашей семье колхозом
не был никто забыт.
В кузнице утром ранним
батька огонь вздувал.
В правую руку ранен,
левой рукой ковал.
Засветло мне на конный
двор – жеребят пасти.
Молится у иконы
мама: «Господь, спаси!»
В зыбке сестренка – помню –
сладко спала тогда.
Братья в лугах и в поле –
лето, покос, страда.
Старшей сестре работа –
веялка на току.

И от жары охота –
с берега да в реку...
Детство за мной живое
катится по судьбе...
Слышали вы, как воет
ветер зимой в трубе?
Десять коленок острых
рядышком на скамье:
братья мои и сестры –
пятеро нас в семье.
С печи да на полати,
кубарем утром вниз:
сестры мои и братья –
Люба, за ней Борис,
а за Борисом Саша,
значит, за Сашей я,
следом Верунька. Наша
вся на виду семья...

Дрогнет рябины ветка,
и разомкнется круг.
Видимся, братья, редко,
видимся, сестры, вдруг.
Сельское все, простое
вижу теперь во сне.
Солнышко золотое
светит оттуда мне.

Свалив на бугре неометанный стог,
взбесившийся ветер скатился в низы,
и в теплую пыль деревенских дорог
упали тяжелые капли грозы.

Ворчала, ворочалась туча-зыбун.
Вдруг ливень ударил, ручьи потекли.
И мчался пришпоренный громом табун,
вздымая копытами комья земли.

Летели галопом мои стригунки,
а ливень по спинам вовсю молотил,
с колхозной машиной наперегонки
летели они, выбиваясь из сил.

Я к рыжему крупу трехлетка прирос,
пока не возник конный двор перед ним,
а там среди пахнущих дегтем колес
мы долго дышали восторгом одним.

Ислестан дождем от макушки до пят,
я видел – сверкала небес круговерть
в безумных и влажных глазах жеребят,
что сбились, дрожа, под сухую повесть...

От горизонта, землю накрывая,
как будто вал какой-то нефтяной,
не туча, а стихия грозовая
ползла на город темною стеной.

Она вершила грозное движенье,
пытая человека наяву:
мол, выдержать такое напряженье
по силам ли живому существу?

И серую дымящейся завесой
(над головою крыша не спасет!)
тяжелый ливень шел над ближним лесом,
казалось, лес потоками снесет.

Казалось, гром земли разбудит недра,
казалось, молнии разрежут вдруг поля...
И карусель, раскрученная ветром,
скрипела осью, как сама земля.

Только услышу – гармонь заиграла,
сердце на миг встрепенется в груди...

Легкое перышко с неба упало,
утро настало, вся жизнь впереди.
Песня исчезнет и... снова приснится.
Вот я бегу босиком по тропе
сквозь золотистое поле пшеницы
солнцу навстречу, навстречу судьбе.
А за околицей, а на лужайке –
праздник престольный, Кузьма и Демьян.*
Там на гармошке и на балалайке
брат мой играет – не нужен баян.
Песню подхватят и бабы, и девки.
Сдвинут стаканы молчком мужики.
И далеко разлетятся припевки –
до горизонта, до самой реки...
Вдруг – из района товарищ. Вопросы:
– Что за гулянка?

Ответят ему:

– Это Орловка вернулась с покоса,
с дальних лугов аккуратно на Кузьму.

Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльский полынью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
– Мы победили! – сквозь слезы кричит.-
Руку подай, одногодок Петруха!
Мне деревяшка житья не дает!
Мы-то живые... Другим – невезуха –
тем, кто с войны никогда не придет.
На зиму хватит и сена, и хлеба.
Раны болят? Потерплю, заживет...

Русская песня – дороженька в небо –
только услышу – зовет и зовет.
Спеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!

Как же охота вернуться в Россию
послевоенную, Боже ты мой!

*14 июля мое родное село Орловка отмечает престольный праздник святых бессребренников Космы и Дамиана, в честь которых названа церковь.

В НОЧНОМ

Луга за Камой. Полночь. Блеск зарниц.
И быть, и небыль!
Над всей рекой отсутствие границ
между землей и небом.

На крыльях сна в ту ночь хочу вспорхнуть –
там ангелы летали.
И вспыхивал над миром Млечный Путь
не для меня ли?

Ведь помню, помню до сих пор не зря,
как небо пело,
как надо мной волшебная заря
горела...

Выпью горькую, вспомню истоки
и печали своей, и любви...
Меж озер луговые протоки –
рыбы в них, хоть руками лови!

И песок, и прибрежные ивы
память сердца берут в оборот:
дикий лук, сенокосные гривы,
жеребята, бредущие вброд

через годы, речушки и реки,
утопая в рассветных лучах...
Пусть останется с ними навеки
и душа моя в дальних лугах!

ВОСПОМИНАНИЕ О МОЕЙ МАМЕ

От зимнего солнца закапало с крыши
уютного домика бабы Мариши.
С карниза сосульки висят, как свирели.
С них в марте капли всюю зазвенели.
А к бабе Марише скворцы прилетели,
уселись на крыше...

И внук ее, Юрка, беспечен и весел,
на старой рябине скворечник повесил.
Мариша и рада – чирикают пусть
и в дом не пускают унынье и грусть.
Хоть место известно на сельском погосте,
еще в домовину не просятся кости.
Из города – видишь – нагрянули гости:
три сына, две дочери: мама, встречай,
в твоём самоваре особенный чай!
Все взрослые стали. И хлеба не просят.
Мариша смеется: «Наверно, не бросят.
Видать, пятерых поднимала не даром...
А Юрка: «Бабуля, следи за базаром!
Ты самая главная в нашем роду!»

На яблонях почки набухли в саду...

Найдут сыновья молоток да топор,
починят калитку, поправят забор.
А в горнице снохи – и хохот, и топот –
пельменей настряпают, баньку натопят.
Румяны бабенки, румяны блины!
Сто лет бы жила – от весны до весны...

УРОКИ РУССКОГО

Самовар остывал неохотно.
И беседа, как речка, текла.
А лиловые сумерки плотно
опускались на крыши села.
– Ночевать-то оставишь, Мариша?
– На ночь глядя, куда ж ты пойдешь?

Вот и жизнь пролетела, а слышу
на два голоса оканье сплошь:
– Понесет – не догонишь на паре, –
о подружке судачат они:
наша мама и тетенька Варя,
наша гостья из дальней родни.
Мне давно уж пора за тетрадки.

Утром в школу. Что ж, делаю вид...
Не могу не подслушать украдкой –
Тетя Варя опять говорит:
– Пусть Петруха поправит тычинник –
в огурешнике вашем дыра.
– Сам-то в кузнице. Борька починит.
Или Санька – обоим пора.
– Трудно с ними? Семья-то большая:
трое неслухов, пара невест.
– Нет! Живем, никому не мешая –
Бог не выдаст, а нехристь не съест.

Чашку чая с гостинцем откушав,
я залезу на теплую печь.
Пусть вливается в детскую душу
деревенская русская речь.

ЛУКОМОРЬЕ

Между сосен тропинка лесная
В Лукоморье зовет, на траву.
Ничего о свободе не знаю –
я по воле небесной живу.

Это облако белое – чудо!
Реки – правда? – впадают в моря?
– Мама, мама, я взялся откуда?
Улыбается мама моя...

Мне б увидеть любимого брата!
Брат играет – гармошка поет.
В смерть не верю. Есть точка возврата.
В детство выбегу я из нее...

Ты жива еще, моя старушка...

Сергей Есенин

В России поэтов любят только после смерти.

Михаил Анищенко

Вернуть соловьиные годы,
упасть в луговую траву...
Хотелось любви и свободы,
хотелось в Казань и в Москву
из Богом забытой Орловки.
Вперед! И Казань, и Москва
капканы свои и уловки
расставили – выжил едва.
Вернулся, аж мать не узнала,
смурным из незваных гостей.
Чье солнце тебя обжигало,
чей холод прошиб до костей?
Родная! Ни солнце, ни вьюга
меня не свалили бы с ног,
я сам из похмельного круга
вернулся к тебе на порог.
В столицах чужие бульдоги
российскую славу пасут.
Рванешься по скользкой дороге –
всю душу тебе растрясут.
Тебе не расскажешь об этом,
но я занесу на скрижаль
вослед за великим поэтом
слезы материнской печаль.
Я вырвался из круговерти!
Спас матери иконостас.
И кто там кого после смерти
полюбит – неважно для нас...

Уж листья ржавые стряхнули
дубы. Их ветер подхватил.
И то ли гвозди, то ли пули
в суглинок ветер вколотил.

И по исхлестанной дороге
вода катилась, пузырясь,
и на родительском пороге
я ждал, когда просохнет грязь.

А осень, ветренная дама,
все хохотала надо мной:
«Герой! Сиди уж лучше дома,
покуда непогодь стеной...»

Куда рвалась, о чем томилась
моя душа... давным-давно?
Исход один. Скажи на милость,
не все ль равно?..

Наверно, верил – не случайно –
там, за дождем, в туманной мгле
когда-нибудь открою тайну,
зачем я нужен на земле.

Трава, прибитая морозцем,
похрустывает под ногой
и чаги темные наросты
мелькают в рощице нагой.

И небо с отблеском металла
глядит в покорные глаза
берез. Давно ли в них метала
гром, и молнии гроза?

И, выворачивая корни,
валил подружек ураган.
Кричали гуси, ржали кони,
и выл из будки пес Полкан.

В избе у камских побережий
молилась мать, целуя крест.
А сын, неожиданный гость приезжий,
не узнавал знакомых мест.

И мнилось сыну – этой роще,
с небесной волею мирясь,
и тяжелее жить, и проще
в любую стынть, в любую грязь.

О чем же Господу молиться
под солнцем или под луной,
коль неизбежное случится
с природой, с вами и со мной?

О чем молчат и лес, и Кама,
а журавли летят, трубя?
О чем твоя молитва, мама?
– Я, сын, молилась за тебя...

Утихнет ветер, зимний, хлесткий.
Весной воскреснет мир живой,
и зашумят опять березки
своей окрепшею листвою.

По морозцу, хрустя снежком.
через лес прохожу пешком.
Иней, как серебро седин,
с елок падает и осин.

Замечаю на склоне лет,
одолев не одну версту:
седина переходит в свет –
в абсолютную чистоту.

ОГОНЬ В ПЕЧИ

На небосклоне звезды тают.
Печь спозаранок затоплю.
Оттуда искры вылетают –
я на огонь смотреть люблю.
Вчерашний праздник подытожу,
под нос куплетик пропою.
Не мне судить, достойно ль прожил
я жизнь свою...
Друзей берег, врагов не нажил,
и, трезвый в дым,
за все грехи бывлые, скажем,
прощен и, может быть, любим.
Сквозь закоулочки кривые
к вершинам шел, был и на дне.
В минуты жизни роковые
вдруг улыбался ангел мне.
Огонь в печи, твой отблеск алый,
в глаза уставшие ловлю...
Я ближе к вечеру, пожалуй,
Еще и баньку затоплю.

Вне времени, ни летом, ни зимой,
на грани чуда пересотворенья
лишь после смерти я вернусь домой –
туда, где жил когда-то до рожденья.

И буду ждать, томиться в том раю,
на той далекой Млечной переправе,
куда же в этот раз печаль мою
рука Отца Небесного направит...

БЕЗСМЕРТНЫЙ ПОЛК*

Идем одной колонной. И у каждого
в руках портрет – реликвия своя.
Не господа – товарищи и граждане –
единая российская семья.

Знамена и хоругви здесь не лишние.
Отцы и деды с нами! Мы – народ.
Они – в Небесном войске у Всевышнего,
мы на Земле свершаем Крестный ход.

Враги, вы зря протестами полощите, –
идут богатыри, а с ними Бог!
Вся ваша мелюзга с Болотной площади
осядет пылью пройденных дорог...

Со мною внучка, сын, жена любимая,
и вся моя Орловка, вся родня.
Идет по свету рать неодолимая!
Отец родной, ты слышишь ли меня?

Ты плачешь ТАМ слезами чистой радости,
ты не забыт, и пахарь, и солдат!
Не надо фейерверков – из-под радуги
На нас, живых, бессмертные глядят!

Державный шаг с молитвами великими –
единства очищающий момент!
Вглядись в людей – их лица стали ликами,
и впереди колонны – президент.

А лучше – вождь, вернувший Крым Отечеству,
и у него в руках – родной портрет.
Бессмертный полк – спаситель человечества.
Другой опоры не было и нет!

* На букве «З» в названии настаиваю вслед за Владимиром Крупиным.

Декабрьский дождь и майский снегопад
ворвутся в жизнь и все переиначат.
Вон в конуре безмолвствует Пират,
а внучка – ей три года – чуть не плачет...

Черту смиренья не переступи,
живи в ладу с надеждою незримой!
«Все будет хорошо. Ты потерпи, –
скажи спокойно женщине любимой.-
Земля прекрасна, наша жизнь на ней
устроена – счастливей не бывает...»

Неясная тревога все сильней,
все явственней тебя одолевает.

А за рекой, на непаханом поле,
глядя на облако из-под руки,
девочке Кате и мальчику Коле
добрые люди сплетали венки
из васильков и душистого хмеля.
Пел соловей и гудели шмели.
Сидя на облаке, ехал Емеля,
жаром от печки касаясь земли.
Лето звенело густым разнотравьем.
В хоре лягушек солист – коростель.
Нюх и чутье мне уже не исправить:
запах полыни милей, чем «Шанель»...

Жил я в столице, бродил я у моря,
радость искал, а тоску находил.
Полною чашей и счастье, и горе,
жажду любви утоляя, испил.
Стайка стрижей прочертила однажды –
песня твоя, как и жизнь, коротка.
Чистый исток утолит твою жажду,
к берегу детства поманит река.
Я возвратился – смотреть на закаты.
Здесь оборвутся земные пути.

Мы перед родиной все виноваты –
чистых истоков уже не найти.
Лишь за рекой, на некошеном поле,
Глядя на облако из-под руки,
девочке Кате и мальчику Коле
добрые люди сплетают венки.

В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ

Диагноз – трепетание предсердий...
Поэзия! Нужны ли тут врачи?
В палате смех. И кто-то из соседей
Сказал, шутя: «Не хочешь – не лечи!
Люби и будь любим, покуда ноги
несут – и о пощаде не моли!»

И Женщина возникла на пороге.
Трепещут вновь предсердия мои.

Не дорожи моей любовью,
не стой подолгу на ветру!
Скажи вослед: «Господь с тобою!»,
когда умру.

Умру. И Лета, словно Кама,
позволит вечность полюбить.
Жена покойная да мама
меня там встретят, может быть...

ПОЭТУ

И Слово было Бог...

От Иоанна

О чем ты говоришь, Господь с тобою?
Игра в слова – опасная игра,
когда она становится судьбою
на грани адской бездны и добра.

Бумага, карандаш, остывший кофе,
сквозняк в жилище, тесном и пустом...
А ты вслед за Учителем к Голгофе
идешь, гонимый, с жертвенным крестом.

Неважно где – в Рязани иль в Казани –
настигнет срок, когда платить пора.
И Божий дар, и Божье наказание –
игра в слова, опасная игра.

Поэт не врач, а боль. Струна и нерв.
Когда к поэту уваженья нет,
не сомневайтесь в том, что одурочен,
народ, ведомый властью к поп-звезде
и к зрелищам, и далее везде,
где Пушкин на Киркорова растрочен...

В морозном воздухе двоится
крестьянский острый серп луны...
Кто любит Бога, не боится
иной неведомой страны.

Земная жизнь – подарок царский.
Что небеса откроют мне?
А серп заточен по-татарски
здесь, на казанской стороне.

И рядом с ним над зимней Камой
горит Полярная звезда.
С землю этой, словно с мамой,
легко ль расстаться навсегда?

Мы в ту страну с рожденья метим,
но почему-то все равно
живой душе смириться с этим
до самой смерти не дано...

Виктор КУДРЯВЦЕВ

*Лауреат литературной премии им. А.Т. Твардовского
Лауреат литературной премии им. М.В. Исаковского*

21 января Виктору Васильевичу Кудрявцеву исполнилось 60 лет. В Руднянской районной библиотеке состоялся творческий вечер юбиляра. В его адрес пришло поздравление от Правления Союза российских писателей. От Смоленской организации юбиляра поздравляли В. Макаренков, Л. Кузьмин и С. Подольский.

Желаем Виктору Васильевичу долгих лет жизни и новых вдохновенных стихов!

МИР УХОДЯЩИЙ, ПРЕКРАСНЫЙ, ЖЕСТОКИЙ...

Меня хранили женщины и ливни,
Пройдя, не оставлявшие имен.

В. Ерёменко

Лежу и думаю о разном,
Хотя, наверно, об одном:
Смогу ли быть таким же праздным,
Когда предстану пред Судом,
Когда язык присохнет к глотке
И станет липкою спина?

Ведь будет разговор коротким
Пред тем, как получить сполна
За лень, за стыд, за любострастье,
Сомнений тяжкие грехи...

Ну что ж, – мы все в Господней власти.

Но я зато писал стихи
И проживал чужие жизни,
Всю боль беспамятных времен,
Молясь в поруганной отчизне
За не оставивших имен.

Иль мается ставень чокнутый
В холодном, сыром дому?
Иль тихо скулит под окнами
Утопленница Муму?
Иль стынет слезою каменной
В бадье у стрехи вода?

...Нет света в комнате маминой.
А мне без света – куда?..

Трехлетней дочери подарок
Был неказист, помят, неярок...

Протянутый альбомный лист,
По сути, оставался чист.
Лишь в уголке – пунктирно, косо
(Ах, эти лучики-занозы!) –
Летели солнце, птицы, дом.
И мы. (Пока еще втроем...)

Мой самый верный оберег,
Когда вдоль жизни я бреду, –
Стеною падающий снег
В глухом родительском саду,
Засыпавший мукою двор,
Деревья, ветхое крыльцо,
И сонной прялки разговор,
И мамы теплое лицо...

*«Пятница, суббота, воскресенье...
Нет у нас от старости спасенья», –*
Написал когда-то М. Светлов.
Он, конечно, знал предмет неплохо,
Юморист, романтик, выпивоха,
Автор удивительных стихов.

Вот и у меня на сердце осень:
Пятьдесят один... четыре... восемь...
Стынет в лужах мертвая вода.
Убежать? – Кому я на хер нужен?!
Снова вечер. Холостяцкий ужин.
Понедельник, вторник и среда...

Собираю вещички.
Их по счастью немного:
Только щебеты птичьи
Да бурьян у порога,

Только карточка мамы,
Запах тлена окрест,
Покосившейся рамы
Укоряющий крест.

За окном – чугунные потемки:
Ни луны, ни звезд, ни фонаря...
Остается занавеску комкать, –
Жил как все, сказать по правде, зря.

Не сберег, не понял, не исправил,
Не учел, не повiniлся, не...
Так и бился, как в боях без правил,
Весь свой век башкою по стене.

Костями набитый лабиринт
На стенах граффити хранит:
«Мой Бог, да где ж конец пути?!
Помилосердствуй, просвети!..»

Хранит молчание Господь.
Он испытует нашу плоть:
При свете – атеисты все.
А в темноте? А на кресте?

«Помним. Любим. Скорбим.»

...Сыновья, пьяные в дым.
Вдова – с каким-то хахалем.
(А как убивалась, плакала:
«Васечка, родненький, не умирай!..»)
Высохший веноч. Иван-чай
На могилке и около...

Память – штука жестокая.

1917

Поводя отеческой бровью,
Он смотрел на русский Содом:
«На песке, пропитанном кровью,
Невозможно построить дом,
Как нельзя незапятнанной душу
Сохранить среди нечистот.
Но я планы их не нарушу,
Чтобы помнили этот год!»

Пластилиновое небо.
Отпечатки Божьих рук.
(Был я в мире, или не был?..)
Шелестит гончарный круг.

Чтобы голый и дрожащий
Был и ты отправлен в бой,
В черепками полный ящик,
Называемый судьбой.

Пишу, наверно, для немногих:
Старушек нескольких убогих,
Изголодавшейся вдовы,
Переходящей с «ты» на «вы»,
Монашки, девочки-подростка,
Астматика прозрачной воска,
Убийцы с мягкой рукой...
Да синева над головой,
Да поля русского, нагого,
Да долгожданного улова
Звезды в студеной полынье.

(Она ведь помнит обо мне?..)

Недавно – жизнь тому назад –
Был дом, окошко, тихий сад...

Облокотясь на подоконник,
Среди ветвей и звезд среди
Я тщетно силился найти
Глаза, что были на иконе,
Висевшей в мамином углу.

Порою сквозь ночную мглу,
Казалось, проступало что-то...
Но что? Я застывал, как мышь,
Едва дыша, и слышал лишь
Сверчка привычную работу.

Сон обволакивал меня,
Овин, сугробы у плетня
И домотканые рубахи
Дерев ли зябких во дворе,
Стрельцов ли, в раме, на ковре,
Застывших у зловещей плахи.

.....
Давно – не дальше как вчера –
Я услышал во сне: «пора!».

...И вот иду. И вязнут ноги
Проселком в глине и траве,
В сомнениях, в лихой молве...

Но я иду по той дороге.

...и ведь не скажешь: «нет на вас креста!».
Они висят у многих, аж до пуза,
На цепке золотой (кило с полста) –
Вериги распальцованного груза.

(У каждого, конечно, свой причал,
Своя клюка, своя, впотьмах, дорога...)

А разве я трусливо не молчал,
Когда под рев толпы распяли Бога,
Когда стучали глухо молотки,
И червенели винограда грозди,
И подавались – наперегонки –
На черный день припрятанные гвозди.

Мокрые ветви скребутся в окошко.
Мокрые ветви, о чем ваша речь?
Я еще жив, подождите немножко,
Не рассыпайте по стеклам картечь
Капель упругих продрогшего сада
(Вишни в листве, как под душем соски).

Мне напоследок немного надо:
Не прозевать бы посадку до Ада,
Не удавиться б, случайно, с тоски.

Толку ль, что цену в конечные сроки
Знаешь всему: и строке, и рублю...
Ведь не понять в муравьиной мороке, –
Мир уходящий, прекрасный, жестокий, –
Я проклиная иль нежно люблю.

Константин СКВОРЦОВ

Лауреат литературной премии им. А.Т. Твардовского

МАТУШКА ПЕЛА

Расскажи мне, земляк, мой товарищ бывалый,
Ты прошел сто дорог, память сердца храня,
Это кто же назвал нашу Родину малой,
Словно выстрелил черною пулей в меня?!
Мы сидим у огня, путь проделав немалый,
Здесь родимое небо и Вечный покой.
Воскресает душа, словно путник усталый,
Что с ковшом наклонился над Лунной рекой.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Мне другая земля никогда не приснится
Потому, что в объятьях чужих городов
Я летаю во сне беспокойною птицей
Над вершинами сопок и сизых хребтов.
Потому, что осталась в распадках Урала
Та тропа, что из дома меня увела.
Потому, что певуньей была моя мама,
И черемуха в детстве безумно цвела.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Вновь вершины твои солнце красит зарею.
Ты последних лучей от меня не таи.
Я иду по земле, сам я стану землею,
Но останутся вечными камни твои.
С дымом горьким долин мы повязаны кровью.
Так прости, если я, о минувшем скорбя,
Нерадивый твой сын, запоздалой любовью,
Тихой песней своей потревожил тебя.

Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой.

Золотой зверобой,
и горячее поле душицы,
И обвивший смородину
сказочный алый цветок,
И родник под скалой,
тот, который доныне мне снится,
И сиреневый полог тумана
вдали от дорог.

Я мальчишкою знал:
ты должна здесь вот-вот появиться,
Вся из солнца и трав,
из ручьев, от рассвета хмельных.
Побелели виски.
Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя,
как веночек из цветов полевых.

Я готов был припасть
к первой встречной зеленой травинке,
Потому что в тумане
все время мерещилось мне:
Может быть, это ты
в серебристой, как сон, паутинке,
Той, что ветер принес,
словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город,
 оставив и горы, и поле...
 И в ущелье домов,
 где не встретишь живого огня,
 Ты по улице шла
 в золотых светляках зверобоя.
 Я узнал тебя сразу.
 Но ты как узнала меня?

Мне рано
 жизни подводить итог,
 но знаю я,
 на время не в обиде:
 мужчина тот всегда
 и только тот,
 каким его
 лишь Женщина увидит.

Я не искал
 у женщин правоты,
 когда в кругу
 веселий многоликих
 одна вдруг скажет:
 – Друг мой, ты – великий!
 Другая – тут же:
 – Как ничтожен ты!..

Две женщины.
 Два полюса Земли.
 Две радости
 и две слезы благие.
 То – две богини
 с мудростью змеи,
 то – две змеи
 под маскою богини!

Простите мне,
что лгать я не привык,
что тот закон жестокий
непреложен.

Да!
Я с одной поистине ничтожен,
с другою –
и возвышен и велик!..

В городе Туле в старинном посаде,
Не признавая тяжести лет,
Ворот рванув, умер добрый мой прадед.
Умер, а я появился на свет.
Скажут о нем: балагур и обманщик.
Скажут и следом забудут про все...
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

Лебедь летел и кричал ошалело.
Все в этой жизни, знаю, не вдруг.
Видимо, новое горе приспело:
Умер отец, но родился мой внук.
Новые лебеди низко летели.
Острые крылья касались земли.
Матушку белые вьюги отпели,
А по весне внучку в дом принесли.

Что же теперь мне в бессмертье рядиться?
Вечность прекрасная мне не жена.
Если умру я и правнук родится,
Значит, Россия наша жива.
Скажут мне вслед: балагур и обманщик.
Скажут и тут же забудут про все...
У перекрестка вечный шарманщик
Плачет и крутит свое колесо.

Не жди благих вестей,
 Готовь мешок в дорогу.
 Затеял коростель
 По всей Руси тревогу.
 Совет его труба,
 А нас не видно в поле...
 Напрасно городьба
 Протягивает колья.

Не жди благих вестей,
 Пусть день беспечно прожит.
 Не будет коростель
 Зря по ночам тревожить.
 Воспрянь же ото сна!
 Доколе нам дивиться,
 Что сладки голоса,
 Да неродные лица?!

Не жди благих вестей.
 Задумайся о сыне.
 Последний лиходея
 Еще не на осине.
 Куда ни кинь – клыки.
 Куда ни кинься – жала.
 Вставайте, мужики,
 Нас так осталось мало!..

Я думал, Русь, что ты моя броня.
 Но над полями выжженного хлеба
 Слепли, нас от недругов храня,
 Твои глаза, взирающие с неба!

Жара, жара. На маревых горах
 Мох поседел и высохли истоки,
 А по степям средь обнищавших трав
 Мышкуют лисы, серые, как волки.

Грачи атаковали сокари,
Вьют нагло гнезда в соловьиной роще.
Доколе это? Матушка, прозри!
И защити оплеванные мощи!

Я понимаю, что мой голос слаб,
Что легкий ветер листьев не колышет.
Но, Господи, я твой смиренный раб,
Так почему никто меня не слышит?

АННА

Как фрегаты, что сели на мель,
Башни спят в зоревом окоеме...
Вид из дома Пашкова на кремль –
Вся Россия в оконном проеме!

Окровавленные тополя...
Но Художник, забыв об эпохе,
Заостренною башней Кремля
Чертит Анны загадочный профиль!

Ах, Художник, ты вновь не здоров.
Столько горя вокруг, столько лиха,
А тебя вековая Любовь
Обожгла, как мгновенная прихоть!

Ты уже не рисуешь коня,
Ты про саблю забыл и про бурку,
И, горячую деву обняв,
Безрассудно танцуешь мазурку.

Есть Любовь! В остальном – маета!..
Но и сам я такой же пройдоха, –
Наплевать, что мазурка не та,
И не та за портьерой эпоха.

У Любви срока давности нет.
Профиль Анны в оконном проеме
Излучает таинственный свет
На несветском Пашковском приеме.

Весь в огнях Александровский сад.
 Звезды тихо бредут небесами.
 Счастлив я, как столетье назад..

 Жаль, что это все будет не с нами...

– Собирайся, сынок, –
 Я шепчу, свой платок теребя, –
 Вот и вышел твой срок,
 Чем могу я утешить тебя?
 В свой дорожный мешок,
 Что и прадеду правдой служил,
 В потайной уголок
 Ты иконку мою положи.

Так ушел и отец
 От земных нескончаемых дел,
 Он последний венец
 На колодец поднять не успел.
 Это, сын, не укор.
 Это кто-то играет Судьбой.
 Взялся ты за топор –
 Те же птицы зовут за собой!..

Мы служили Руси,
 Той единственной, нашей, святой.
 И, кого ни спроси,
 Ни под чьей не бывали пятой.
 Коль тебя, не дай Бог,
 Жизнь погонит в чужие края,
 Что же делать, сынок?
 Нынче власть на Руси не твоя.

И в иные года
 Нас пытали тюрьмой и сумой,
 Только ты никогда
 Власть не путай с Россией самой.
 Не моя в том вина,
 Что не стало на свете любви.
 А случится война,
 Ты уж матери не посрами.

Я прошу об одном,
Зная сердцем, как страшен твой путь:
В уголке потайном
Об иконке моей не забудь.
Среди белых снегов
Не сойти бы мне только с ума...
А колодец чего?
Я дострою колодец сама.

ВОРОБЬИ

Кроме слова живого
Мы блага земного не ищем,
Хоть и знаем, что нам
Уготовано место в аду.
Дай мне Бог умереть,
Непутевому, гордым и нищим
Под цветущею яблоней
В тихом, заросшем саду.

Пусть лихач с ветерком
По дороге веселой промчится.
Пусть пройдут поезда,
Нагруженные, словно рабы.
Пусть, как тени, мелькнут
Запоздавших друзей моих лица,
Но замрут на мгновенье,
Купаясь в пыли, воробьи!

Горемыки мои,
Знаю слышать кому-то нелестно,
Как щебечете вы
О похожести наших судеб.
Но что делать, коль вам,
Вам одним в мире этом известно,
Как дается поэтам в России
Безрадостный хлеб?!

Пусть поля плодоносят
И мирное стадо пасется.
Ковыряйтесь в пыли,
Но не клюйте с руки, воробы!
Может кто-то из вас,
Дорогие мои, и спасется,
И найдет утешенье
В ниспосланной с неба Любви.

Жилка бьется на моем виске
Сто веков... Да я не знаю сколько!..
Я твой образ солнечным осколком
Вывожу на золотом песке!

Боже! Награди меня за смелость!
Ты же Сам осколок этот дал.
И я вижу: ты запечатлелась
Вся такой, какую Он создал!..

Так не тает в голубой долине
Даже знойным летом чистый снег –
Это Время прекратило бег,
Чуда не видавшее доныне!

Я постигнул тайну этих линий...
Трепет рук, как шеи лебедей.
И дыханье чуть открытых лилий –
Белых в крапах солнышка грудей.

А под утро дунет ветер с моря,
И мой труд без всякого Суда,
Не оставив зыбкого следа,
Поворчав, волна, как прачка, смоем...

Но слюдинки глаз твоих в песке
Не растают – я не знаю только:
Может, сто веков, а, может, столько
Сколько бьется жилка на виске...

Осенний лес и неба синева.
Огонь осин и вспышки дикой вишни.
С деревьев тихо падает листва,
В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
Разлиты по земле, как Божья милость...
И где-то хохотнула вдруг сова
Средь бела дня...Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
Вперяет глаз прозорливый и меткий
Туда, где расписные лоскутки
С девичьим страхом покидают ветки?

И между нами, как меж двух страниц,
Лишь этот удивительный гербарий.
И пахло от дерев, лежащих ниц,
Сухой травой и свежими грибами

Любимая! Вот жизни краткий миг...
И, к нам не проявляя интереса,
Прошел с корзиной полною грибник.
Ему мы показались частью леса!

С корзиной полною – вот счастья знак.
Какого мы еще искали знака?
И никогда я не смеялся так...
И никогда, друг мой, я так не плакал!

Какая с миром этим связь?..
Лежали лодки у причала,
И медленно река лилась,
И песня русская звучала!

И было тихо на реке,
И с неба падал свет неброско...
Но, как от сабли, по щеке
Прошла горячая полоска.

Я знаю, никакой тиран
Слезы бы из меня не выжал!
Но здесь, от этих сладких ран,
Я, не сражаясь, еле выжил!

И ты, Любовь моя, жива!
Но кто мне разрешит задачу:
Звучат знакомые слова,
Так почему ж я снова плачу?

И замираю всякий раз
У песни той на самой кромке.
И над собой, как Божий глас,
Я слышу голос твой негромкий...

В этом нет никакого секрета:
Знает пашня, но знаем и мы,
Что наступит короткое лето
После долгой, холодной зимы.

Не нарушить законов природы,
Сколько небо о том ни моли.
И покроют зеленые всходы
Обнаженное тело земли.

Есть у моря доверенный вестник,
Предвещающий шторм и туман.
Ну, а я – не пророк, не кудесник,
Не колотящий в бубен шаман.

Ты испуганно шепчешь: «Так кто ты,
Коль, взяв руку мою лишь на миг,
Вдруг услышал волшебные ноты
В незатейливых пальцах моих?»

...Струи ливня играли на крыше,
От реальности нас уводя,
Тот, кто любит, тот музыку слышит.
Кто не любит – проказы дождя.

ЧАЙКА

Играет солнце брызгами от весел –
То рыбаки торопятся домой.
В залив любви свой якорь я не бросил.
Зависла в небе чайка надо мной.

Лети, моя хорошая, лети!..
Сегодня я случайный твой попутчик,
Такой, как все, не хуже и не лучше
Из тех, что ты встречала на пути.

Я рад с тобой обмолвиться хоть словом.
Не для меня молчанья тяжкий гнет.
Давай с тобой поделимся уловом,
Никто меня на берегу не ждет.

Кричи, моя хорошая, в тиши,
Кричи и в бурю... Лишь сейчас открыл я,
Что нас с тобой давно не кормят крылья,
А – только крик отчаянной души.

Но никого наш крик не потревожит.
Закат пылает, как на судном дне.
Господь послал тебя... И ты, быть может,
Единственная вспомнишь обо мне.

И я шепчу: счастливого пути,
И пусть тебя ласкает теплый ветер.
Лети, как если б я тебя не встретил.
Лети, моя хорошая, лети!..

На горячем ветру,
У земли на краю
Села бабочка вдруг
На ладонь, на мою...
И сидит, не дыша,
Мир собой заслоня, –
Это чья-то душа
Отыскала меня.

Торопись, мотылек!
 Скоро дождь, скоро снег.
 Этот теплый денек –
 Твой единственный век.
 Не вершится ничто
 На миру просто так.
 Это, видно, Господь
 Посылает мне знак.

То ли, вправду, я слеп,
 То ли путает бес...
 Это – мама моя
 Опустилась с небес.
 Что-то хочет сказать
 Легким трепетом крыл
 На родном языке,
 Что я знал и забыл.
 Чтобы маму понять,
 Стал я памятью – весь, –
 Не исправится ТАМ,
 Что напутано здесь.

... Вот и падает снег
 На поля, не спеша...
 Пусть недолог наш век,
 Но бессмертна душа...

В глубинке русской посреди разрухи
 У нищих окон, как у царских врат,
 Сидели на завалинке старухи
 И тихо пели, глядя на закат.

Ни радио хрипящего, ни света,
 Ни вечных кур, ныряющих в пыли...
 Остались только песни им... И это
 Взамен молочных речек и земли.

В чужие дали уходило солнце.
 В чужие клетки сыпалось зерно...
 На мой вопрос: и как же вам живется? –
 Они глаза подняли озорно.

Святая Русь, не знавшая покоя,
Омытая слезами, как дождем,
Где б я еще услышать мог такое? –
Чего не доедим, то допоем!

То допоем!.. Так как же жил я, если
Мне знать доселе было не дано,
Что голова всему не хлеб, а песни,
Которые забыли мы давно?!

В глубинке русской над деревней робко
Вставало солнце алой пеленой...
Старушки пели песню неторопко
И медленно вращался шар земной.

Не стань поэтом, не увидеть чтоб
В любом движенье – тайное значенье.
Я наблюдал, как опускали гроб
Не с криком, а со вздохом облегченья!..

Когда, казалось, и понять нельзя:
Пел муэдзин иль поп молился русский...
Я видел рядом женские глаза –
Освобождалось сердце от нагрузки!

Кладбищенский ударил соловей,
И вздрогнул я от горести своей –
Нам каждый день и радость, и мученье...

Не дай нам Бог средь нашей суеты
Похоронить Высокие Мечты
Не с криком, а со вздохом облегченья!

Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство свое...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце мое.

Зимами злыми над прорубью белой,
 В стылой воде полоская белье,
 Вся коченя, матушка пела.
 Песней наполнено детство мое.

Больше она ничего не имела.
 Только свой голос. Свой – ножевой.
 Не было хлеба. Матушка пела,
 И оттого я остался живой.

Рядом война полыхала и тлела.
 Сытым ходило одно воронье.
 Вдовы рыдали. Матушка пела.
 Песней наполнено детство мое.

Минуло время, память немела.
 Но без войны я не прожил и дня.
 Все эти годы матушка пела.
 Это, должно, сохранило меня.

Мы отнесли ее легкое тело
 На вековечное поле-жилье.
 Все мне казалось: матушка пела.
 Песней наполнено сердце мое.

Владимир МАКАРЕНКОВ

*Лауреат литературной премии им. А.Т. Твардовского
Лауреат литературной премии им. М.В. Исаковского*

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ 2016–2018 годов

В пустом вагоне-ресторане,
Допив последнее вино
И головой прижавшись к раме,
Смотрел я в темное окно.

Так было тихо, так уютно,
Легко расслабиться под хмель,
Души коснувшийся попутно...
А за окном мела метель.

Мела, к себе не привлекая,
Хозяйкой вечера не став.
Не помню, станция какая
Была. В метели стал состав.

То там, то тут огни по горстке
Рассыпал город в снежной мгле.
А на дорожном перекрестке
Фонарь светился на столбе.

И в желтом конусе фотонов,
Не ведая земных дорог,
Снег, оказавшись сразу дома,
Спешил к земле наискосок.

Внезапно мысли горевые
Блеснули лезвием литым.
Мы все, как хлопья снеговые,
Лишь мельком по свету летим.

Едва начавшись, жизнь проходит
Неудержимо, как метель.
И нам природа не находит,
Как снегу, вечную постель.

Вагон поплыл, я оглянулся.
Там – в мошках снежного холста –
В фонарном свете путник гнулся
Под вечной тяжестью креста.

ВЕНЧАНИЕ В ОБСТУГЕ

Туман и зябкий ветер во дворе
Не обещали ясную погоду.
Но чудно выпадают в октябре
Деньки благому солнышку в угоду.

Сияло так, как будто бы часы
Природы сбились в солнечном загуле,
И жало заблудившейся осы
Их стрелки пригвоздило на июле.

Благой денек нам выпал на Покров!
Улавливалось тайное звучанье
Невидимых живых колоколов,
Благославлявших позднее венчанье.

Светились для меня твои глаза,
Как в космосе Земля для космонавта.
И приняли в объятья Небеса,
Открылось нам неведомое завтра.

Из церкви вышли в образах людей,
И солнце нас повторно обвенчало.
Мы отразились в паре лебедей,
Шагающих к усадьбе величаво.

Смеялись добрым шуткам и у ног
Поэта легкокрыло обнимались.
Один лишь он был недвижимо строг,
Когда для фотографии снимались.

Вдруг вспомнилось: «...коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной...».
И захотелось вновь тебя обнять
Под дуновенье нежности духовной.

Я думал, Тютчев в парке сквозь века
Не может наглядеться на усадьбу.
А он глядит нам в души;
Как река
на облака,
Как Бог, на нашу свадьбу.

ЗИМНЕЕ ЗАГОРЬЕ

...Здравствуй, здравствуй, родная
Сторона.

И – прощай!..

Александр Твардовский
(«Поездка в Загорье», 1939 г.)

Я сбрасывал скорость, смиряя машину
И веря в шоферский рефлекс,
Когда на обочину, как в мешковину
Беды, нас выталкивал снег.

Никто по пути на глаза не попался.
Сгущалась душевная хмарь.
На снежную даль горизонт опирался,
Безлюдную, мертвую даль.

Ах, вот ты какое, российское горе!
Вражинам могучий оплот.
В глубоких снегах утопает Загорье,
Как в веяньях века народ.

Хранитель Татьяна в музейной сторожке
Предложит чайку и блинов.
А мысли бегут уж по белой дорожке
На хутор – оплот кулаков.

Заходишь в избу, пригибаясь, с крылечка.
Да разве здесь жил богатей!
В ней самое ценное – русская печка,
Протопленная для гостей.

Все, вроде, обычно, как водится, в хате.
Но вот оно Время: на вас
Печально глядит из угла Богоматерь,
А рядом красуется Маркс.

Сюда бы наладить большую дорогу,
Настроить домов и церквей,
Чтоб ехали, ехали люди к истоку
Свободы и веры своей!

За елями тихо о чем-то березки
Сосульками веток звенят,
Как будто бы в кузнице Трифон Твардовский
Встречает Восход и Закат.

Здесь песня свободы таится в колодце,
А сердце России – в стогу.
Народной надежды бессмертное солнце
Мерцает огнем на снегу.

И в новой эпохе стоит не смутьяном –
Пустующим храмом полей
Бревенчатый памятник русским крестьянам,
Мечтавшим о вольной земле.

ПУЛЯ 1937

Амиран Григорьевич –
мой покойный тесть –
с десяти лет воспитывался в детдоме.
О родителях не рассказывал
никогда,
ничего,
никому.
Как будто его нашли
в могильной яме.

Мой сын огорчился
утраченной родословной.
Но не отчаивался.
И отыскал прадеда!
В недавно рассекреченных
«Сталинских списках из Грузии».

Григория Георгиевича Капанадзе,
секретаря парткома
«Инженерстроя» Тбилиси,
арестовали по доносу
(какого-то Салуквадзе)
и расстреляли
по приговору «тройки».

Вот история!
Мой тесть – сын «врага народа».
Теперь не спросишь,
что он чувствовал,
видя меня в форме офицера
внутренней службы,
о чем думал
в бессонные стариковские ночи.

Сын написал из Москвы:
«История символична.
Мой отец
метафизически виновен в смерти
моего прадеда.
То есть – сын убил отца.

Это, мой милый отец,
и есть "Эдипов Комплекс".
Это и есть
великое открытие Фрейда,
перевернувшее мир...
Тот самый невроз поколений,
с которым борется
юнгианская психотерапевтическая школа.

Ну, конечно же, конечно
психоанализ был запрещен в СССР!
И до сих пор
 никто
не хочет вскрывать этот ужас
внутри каждого.
Проще – ничего не помнить...»

И мне все слышится
револьверный выстрел.
Пуля из 37-го
отрикошетила в 2017-й.
Сам я – русский офицер,
а мой сын –
правнук «врага народа».

КАТАРАКТА

Я лежал на операционном столе
в стерильном одеянии.
В оперируемый глаз
ударил снап света.
«А-а-а! С-с-с...
Слепит как!..
Я зажмурился.

– Начинаем операцию.
Откройте широко оба глаза!..

Укол анестезии под веко
сработал –
расширитель
коснулся тканей,
как воздушный поцелуй.
В миллиардное мгновение
стал различим квантовый бег света.
Фейерверк квантов
слился в слепящий взрыв,
затопил сознание.
И я утонул в свете,
удивляясь мысли,
что в таком океане
можно жить.

Луч лазера
скользил по глади
глазного яблока,
как будто водомерка
тренировалась на стометровке.
Нежные лапки вибрировали,
счищая в мельчайшие брызги
пленку катаракты,
с водной струёй
по щеке
уносившиеся в бездну.
Вдруг водомерка исчезла,
и бархатная беличья кисть
стала закрашивать
ткань глаза
водянистой акварелью.

Надрез, еще надрез.
Это вновь догадка,
как по намекам,
по легким прикосновениям
в углах глаза.
В воображении открылась рана,
готовая поглотить
оптическую линзу.
Вспомнилось детство.
В пассажирском салоне «Ракеты»
напротив меня мальчик
втыкает в яблоко
перо для чернил,
вытаскивает
конический цилиндр мякоти,
прикладывает к губам
и языком вытаскивает
из пера в рот.
Причем тут перо в яблоке?
Да неслышимое, но представляемое
трескание яблочной кожуры
под металлическим лезвием.
Хрусь!
Сознание улавливает то,
что не дано слуху.

– Принесите линзу...
распакуйте...
– Под каким углом ставить?
Покажите мне карту...
– Сейчас я надавлю на глаз...
– Операция закончена.
Вставайте осторожно....
– Давайте я вам помогу,
не спешите...
Как водолаз,
я выхожу на берег жизни
из глубин света.

Мой первый утренний взгляд
встречает со стены
картина Ельчанинова
«Большая Советская».
Боже мой!
Гармония красок импрессионизма!
Картина флюоресцирует.
Я оглядываюсь и ликую
от четких очертаний
предметов в комнате
и контрастности пейзажа за окном,
от переливов цветов
в калейдоскопе взгляда.
И в сознании сияет
источник белого света.
Я вижу,
как в его искристом потоке
воздушные женские руки
держат золотое окно,
а я смотрю
сквозь его волшебное стекло
на радужный мир,
как новорожденный.

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны...

Осип Мандельштам

Народы вождям признаются в любви,
Как будто вожди – эпохальные Боги.
У каждого времени песни свои.
Себя узнают по поэтам эпохи.

Газеты стрекочут, экраны трещат:
«Осанна!..», а слышится древневеково.
И только поэтов вожди не страшат,
Хоть часто и гибнут за вольное слово.

Очнись? современник! Всемирный прогресс
В дремучие дебри уводит все глубже.
Плетут паутину ГЛОНАСС с GPS?
И Правда у Кривды на рекрутской службе.

«Осанна!» – эпохе. «Осанна!» – вождю.
А после – проклятий похмельное зелье.
Наш мир – историческое дежавю
С просветами жизни на кончиках перьев.

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле

Александр Блок

Кликуши современности постылы.
И мир постыл в стремленье богатеть.
Одна любовь поддерживает силы,
Когда судьбу испытывает плеть.

О доблестях, о подвигах, о славе...
Да что напрасно рваться в старину!
Мы в юности поверили державе,
А к старости – лишь Богу одному.

Извечны, нескончаемы напасти
Земного бытия, обманна новь,
Все продается, множится на части...
Всего одно неповторимо счастье –

Любовь.

СМОЛЕНСКОЕ УДАРЕНИЕ

У всех случается смятенье.
С друзьями спорю не один.
Как верно ставить ударенье:
Смолянин или смолянин?

Хоть я и не ровесник Глинке,
Не счесть по возрасту седин.
Произношу я по старинке,
Как наши деды: «Смолянин».

Мой говор слух ретивый ранит.
И важничают знатоки,
Мол, нужно говорить «смолянин»,
Эх вы, смоляне-старики!

Земляк, в своем ученом званье
Ты думаешь – непобедим?
Россия говорит: «Славяне».
О человеке: «Славянин».

Сам по себе наш спор забавен.
Как не скажи, а смысл един.
Смолянин смолянину равен:
России сын и гражданин.

В пешеходном переходе
На Колхозке* день-деньской
Гармонист на трезвой ноте
Просит милости людской.

Вновь к сюжету ностальгии
Обращается перо.
Плачет музыка в России
В переходах и метро.

По какой стерне забытой
Грусть проводит лемеха?
Музыкант незначительный
На гармошке рвет меха.

Городок провинциальный.
Пятьдесят таких в Москве.
А подобной наковальни
Не отыщется тоске.

Видно, где-то в Поднебесье
Над Россией кузня есть,
Где куются эти песни –
Вековой печали весть.

Дождевые песни леса –
Русской праведной души.
Не ржавеют, как железо,
Не теряются в глуши.

Вечерний дождик монотонно
Ладью печали раскачал.
А для печали – жизнь бездонна,
Ей человек – родной причал.

* «Колхозка» – Колхозная площадь в Смоленске, где расположен самый крупный рынок города, исторические корни которого уходят в XVI век и глубже.

Мы все умрем, печаль не в этом.
А в том, что путь в один конец.
И в расставанье с белым светом
Едины старец и юнец.

Никто обратного билета
Ни мне, ни вам не даст. Господь
Людей оставит без ответа.
Вновь будут спорить дух и плоть.

Печаль светла, она от Бога.
Уныние – смертельный грех.
Имеет два конца дорога.
Второй лишь виден не для всех.

Разгадка жизни под запретом,
О чем и как ни горлопань.
Но между тем и этим светом
Обманчива земная грань.

Жизнь, продолжайся, не кончайся
В мечтах о лучших временах.
Качайся, лодочка, качайся
На прибывающих волнах.

Мир чувственный материален.
Когда с дождем ударил гром,
Я вдруг испугом был придавлен,
Как переполненный паром.

Но распрямились вскоре плечи –
Я к грому с молнией привык,
Внимал простой дождливой речи
С аплодисментами листвы.

Мне виделось рукоплесканье
В траве, цветах, ветвях, во всем...
И был я центром мирозданья
Под ветром, громом и дождем.

Весенний воздух закипел, как молоко, –
Поднявшись белой облачною пеной.
Дышать – вольно, глядеть на солнышко – легко,
Светло – предаться радости мгновенной.

Вглубь от дороги меж графических стволов
К земле присохли снежные болячки,
А в пенье птиц без соловьиных теноров
Еще не слышно упоительной горячки.

Но первый запах от подтаявшей земли
И от коры слегка отринувшие почки
По генной памяти внезапно принесли
Желанье нянчиться с землей без проволоочки.

Придет пора – в работе руки загудят,
С крестьянским делом управляясь ладно.
Так то когда еще! Я поспешаю в сад –
Белить стволы непробужденных яблонь.

Моя березовая роща
Верна лесному колдовству.
В нависшем облачке полощет
На солнце шумную листву.

О чем зарубки день вчерашний
Нанес на белые стволы?
Высокий клевер и ромашки
В тени светящейся светлы.

И самому мне стало проще
Хватать удачу за края.
За домом сад, за садом роща,
Живая русская земля.

Мне птицы – утренние гости –
Щебечут радостно про рай.
И пишет сердце по бересте,
Как ученик: «Родимый край...»

Все в природе к вечеру затихло.
Онемело, выдохшись, шоссе.
Будто на ночлег земное лихо
Завалилось в лесополосе.

Тихо на проселке и в поселке,
Тихо так – не шелохнется лист,
И иголка не сорвется с елки,
Не всплеснет далекий птичий свист.

Как иконостас, ажурны ветви,
Тронутые сочной желтизной.
И скрипят в душе дверные петли
Меж небесной жизнью и земной.

В тишине слышна такая нота,
Будто вышний мир душе открыт.
В лунный час, когда молчит природа,
С нами вечность внятно говорит.

Побегам, как нитями, овес
Все крепче пришивает поле к небу.
А в небе – тучи, будто водовоз
Везет их к разжигаемому лету.

Рисует свет зеленый океан.
Волна к волне. Сиреневою пеной
Обрызган сад, и, как хмельной, бурьян
Дорогу ищет в радости блаженной.

Блажен и я, как маленький цветок,
В дурмане своего самообмана.
Глоток голубизны, еще глоток.
Я есть, я жив, я – капля океана.

ТИШИНА

А в тишине мне слышатся сверчки,
Хоть нет в квартире выбеленной печки.
Дрожат на струнах вечности смычки,
Стучат существ неведомых сердечки.

И мне в такой компании честной,
Чей дружелюбный круг незрим, но светел,
Приятно слушать стрекот неземной,
О том, чего не знаем мы на свете.

О том, о чем – Аж боязно сказать,
Вдруг с наглости навязываю братство? –
Я вместе с ними буду стрекотать,
Когда исчезну в новое пространство.

Еще стихи случаются на свете.
Вдруг где-то неожиданно прочтешь,
Как первородны радуга и ветер,
Как первозданны солнышко и дождь.

И радуешься пойманной удаче,
Тому, кто в одиночку мир спасал,
Как будто те стихи в самоотдаче
Не дальний друг, а сам ты написал.

Поэзия, ты не умрешь в народе!
Твой чудотворный дух неустрошим.
На грозном историческом исходе
Найдешь проводника себе к живым.

И мы под обаяньем чистой речи
Вдали увидим, как из-по руки,
В тумане лет мерцающие свечи –
Родимых душ земные огоньки.

Мне авторы дарили столько книг,
Что самому себе признаться стыдно,
А рассказать дарителям – обидно
Им станет за правдивый мой язык.

Я многие еще не прочитал,
Не потому что книжные подарки
Моим любимым книгам не чета
И прячутся от взора, как подранки.

А от того, что торопился я
В событиях своей духовной жизни
Осмыслить чувства, выпестовать мысли,
Напутствия у вышних сил прося.

И если мраком побеждался свет,
То в поисках путей судьбе юдольной
Я находил спасительный совет
В той или этой книге, но настольной.

Стоят на полках и лежат в шкафах
Чужие мысли и чужие чувства,
Оформленные в книжное искусство.
Фамилии горят на корешках,

Случается, возьмешь одну из них,
Начнешь читать, и станет очень грустно.
Зачем мне надарили столько книг,
Издателями изданных искусно!

По большинству, подарки – близнецы.
Поэты как бы звезды открывают,
А все одно и то же повторяют,
Как под копирку, сходятся концы.

Не понимает искренний чужак,
Когда себя считает гениальным:
Поэзия не то, о чем, – а как,
Поэту должно быть оригинальным.

Как тот чудак и я над строчкой бьюсь,
Но не поддавшись дьявольской интриге,
Стихи родные, собранные в книги,
Навязчиво дарить другим боюсь.

НОЧНОЙ АНГЕЛ

Я знаю сам, что это выдумка.
Но верить хочется: она –
Из бессознательного выемка,
Для осознания дана.

Виденья явственнее, глубже
Любого пятничного сна –
Цветная графика без кружев,
Раздумий цепкая блесна.

А было так. В полночной дреме
Я в темноту глаза открыл.
Почудилось, как будто в доме
Наполнил воздух шорох крыл.

Жена спала. Скользнув с кровати,
Я, сам не свой, без рук и ног,
Поплыл, как призрак, как лунатик,
Как с ветки сорванный листок.

И если есть у страха зренье,
То я им стал; из-под дверей
Сочилось белое свеченье,
Мрак жался в образах зверей.

И замер я, в дверную ручку
Вцепившись, как в ладонь судьбы.
И дверь как будто на липучках
Рванул безмолвно, без мольбы.

О, Боже мой! Парящий факел
Горел бездымно за окном,
Сложив по-птичьи крылья, ангел
Сидел за письменным столом.

Увидел я, как он макает
Перо в светящийся флакон,
Не просто так стихи читает,
А правит их, лист за листком.

Потом? Я ничего не помню.
Не знаю, явь была иль сон.
Жена будила смехом соню,
Проспавшего будильный звон.

Но даже, если это выдумка,
Так верить хочется: она –
Из бессознательного выемка,
Для осознания дана.

Олег ДОРОГАНЬ

Лауреат литературной премии им. А.Т. Твардовского

В ЛАДОШКЕ ЛИСТА

СОБАКА НА ПОГОСТЕ

Собака дремлет на погосте,
На свежем холмике лежит.
Ей редкий гость не кинет кости,
С небес не бросит тень зенит.

Под нею спит в земле хозяйка,
Ей сон хозяйюшкин храним.
Чистопородна – алабайка,
С такой начать бы новый Рим.

У морды лапы положила,
Звездой баюкает слезу.
И чтоб сберечь ей как-то силы,
Пьет необильную росу.

Никто ей миску не наполнит
Ни кашей с мясом, ни водой.
Ей миску месяц лишь напомнит,
С полуночной своей лудой.

А мир сужается до этой
Могилки свежей, до креста.
И с возгласом немым воздеты,
Как руки, ветви у куста.

Вблизи все холмики осели,
Цветы похожи на золу.
И если месяц тучи съели,
Завоет, сирая, во мглу.

Есть доброта в собачьей злости.
Такую не пересидеть –
Ее, лежащей на погосте,
Отсюда сгонит только смерть.

Ничто к себе ее не сманит –
Ни будки новой сытый кров,
Ни млечность в темном океане,
Ни стая звездных Гончих псов.

Не очень-то нас манит вечность,
Как и не радует исход.
Да будет жить собачья верность
И с нами вместе не умрет.

Когда, не простившись, уйду,
(Все уходят поодиночке),
В надтреснутом сердце тая
Колокольню – расколотый звон,
Пожалуйста, помни меня
И любовно отыскивай в строчках,
Не бойся, тревожь иногда
Не земной запредельный мой сон.

Считал, не поймешь,
Отчего я такой беззащитный,
Зачем мое сердце так часто
Стучит вперевой,
И от беззащитности
Меньше открытый,
Чем скрытый.
Так оберегаю
Я чистую нашу любовь...

Когда, не простившись, уйду,
Не по собственной, право же, воле,
Живи – как живешь,
Но меня вспоминай иногда,
Прощая за все, в чем я был
Или не был виновен,
Пусть боль не коснется тебя
И да минет беда.

Чтоб и без меня не страдала
От холода или от ветра,
Была и с другим, как со мной,
Неизменно верна и чиста,
Пока в свой положенный час
Не отделится облачком света
Душа – и вся прошлая жизнь
Не свернется в ладошке листа...

Нам ведать всего не дано,
Но не стоит быть даже провидцем,
Чтоб знать, как нужны
Мы с любовью своей небесам.
Прощаю за всё наперед,
Все боюсь, не успеем проститься:
Прощенье для нас на земле –
Как залог для спасения там.

Мне был нужен очень
Осенью закруженной
Черный бархат ночи
Для моей жемчужины.

Только мне назначенной,
Нежной и несмелой.
С ней мое незрячее
Сердце не прозрело...

Только мной обласканной –
С макушки до пяток,
Были просто сказками
Ночи с ней когда-то.

С темной поволокой
Бархатные очи
Потерял до срока.
Наш удел непрочен...

Рези жаркой стужей,
Как морской песочек,
До слезы жемчужной
Мое сердце точат.

Больше нет жемчужины –
К звездам закатилась...
По ночам разбуженный,
Если вдруг приснилась –

Всматриваюсь в небо
Бархатное, млечное,
Повстречаться мне бы
С ней – уже навечно...

Сердце не справляется с весной.
А весна в глазах лучится женщин,
И от каждой свой сюрприз обещан –
Залучить хотя бы от одной!..

Сердце бьется – хрупкое оно,
Ну да как от боя побережешься?
От любви сердечной не заречешься –
Через край расплескивать вино.

Я за сердце гулкое держусь,
Но заулыбаюсь первой встречной,
А над нею дымкой подвенечной –
Видите? – моя витает грусть.

Сердце мой отстукивает век.
Что же я, в расчете на бессмертье,
Жму свое щемящее предсердье?
За весной беру я свой разбег.

Всем страстям владычицей весна!
Ей царить над нами вековечно,
Быть такой сердечно-бессердечной,
А другой не станет ведь она.

Сердце птахой раненой в груди,
Все равно весну благословляю
Я за мимолетный отзвук рая!
Все равно, что будет впереди.

Пускай со мной не венчана,
Пусть мой тревожит сон, –
Живет во мне та Женщина,
В которую влюблен.

Все лучшее от встреченных
На стать – как свет на нить
Нанизано – у Женщины,
Что мне одну любить.

Изменами не мечена
В страстях, как на огне,
Ни в чем не переменчива –
Такой она во мне.

И не заронит ревности
С мольбою к небесам –
Она образчик верности,
Поскольку верен сам.

Сто раз мне быть разлюбленным,
Обиды не тая.
Не даст мне стать погубленным
Та Женщина моя.

Моя родная Женщина
Ничуть в своих глазах
Не даст мне быть развенчанным
При всех моих грехах.

Пускай все нереальнее,
Чем ближе к небесам, –
Она все идеальнее,
Поскольку лучше сам.

Пускай томим несбывшимся,
У ностальгий в плену,
Останусь я влюбившимся
Навек в нее одну.

И пусть по сердцу трещина,
Не стану я лишен
Во мне той самой Женщины,
В которую влюблен!

Я от стен городских возвращаюсь в деревню,
А в округе шепот сохранившихся изб.
И над рощами стелется, трепетно рея,
Дым крестьянской избы – отделившийся нимб.

Не лежала душа к суетливости смолоду,
Смута от суеты наступала в душе.
Не влекло к толчее неумолчного города,
А любил постоять и пройтись по меже.

И теперь я отшельничать стал не на шутку,
Как под солнцем земля – по срединной оси,
И следить за полетом гуся или утки,
И ловить уплывающий образ Руси.

Ты, деревня, становишься все нелюдимей,
Не с того ли и я становлюсь нелюдим.
Русь! – твержу заклинанием росное имя,
Что уносит с собой уплывающий нимб...

Кинул снег на подоконник
Россыпь белых роз.
Облака – лихие кони –
Мчатся среди звезд.

И любовь – она как вьюга
С белой кутерьмой,
Мчит по кругу даже к югу
С русской зимой.

С нежным жаром и остудой
Любим – горячо,
И любые пересуды
Все нам нипочем!

Как на лицах молодецки
Кровь горит огнем!
А на окнах льдистых фрески
В блеске слюдяном.

Пар остывший, пар белесый
Окна оковал,
Чтоб в морозах бес из бесов
Тоже русским стал.

Так хочу я, чтобы песня –
С голоса, с руки –
Силой выразилась крестной,
Вьюгам вопреки.

И теперь уже не страшно
Вьюги полюбить,
И в застолье вместе с брашном
Горечь всласть испить.

И закусывая хрустко,
Загрустить легко,
И любить весь мир по-русски
Звонко, широко!

ТВАРДОВСКИЙ И ТЁРКИН

О, край наш Смоленский, ты славой объят!
Застыли в живом разговоре
Твардовский и Тёркин, поэт и солдат,
Беседуют, с вечностью споря.

У них за плечами года и года,
И в будущем – годы и годы.
Легла им вселенски на плечи беда,
Юдоль разделили с народом.

И жертвовать им приходилось собой
Не славы, не почестей ради.
Стройны, словно сбросили ношу долой
И все непомерные клади.

О чем же они говорят и молчат,
Копя сокровенные думы?
Когда к ним приходим с тобою, собрат,
Не слышно площадного шума.

Стоит на холмах незакатный Смоленск:
Как Рим, его славу не свергли.
А где-то расцвел рассекреченный Энс,
Встал русский рассвет в Кенигсберге.

Жаль, мир на земле не наступит никак,
Мир в распрях погряз и безверии.
От войн он все больше пустынен и наг,
От алчности люди – что звери.

Встает с пересмотром всех наших побед
Как будто бы сын славянина –
Оуновской своры нацистский послед
С удавкой и керосином.

Под мир подложили майданный фугас
Псы новых кровавых сражений.
Кто знал, что опять подожгут наш Донбасс
Воскресшие призраки–тени?

Предвидел ли кто-нибудь эту войну
Меж близких славянских народов?
Рвут братские узы и рушат страну,
Свободы чужой сумасброды.

Не наш Украинский, по-ихнему, фронт.
Так, может, и фронт Белорусский?
Пусть реет в Крыму Черноморский наш флот,
Пред ним сверхдержавы – моллюски.

Победы величье у нас не отнять,
Какие б века ни настали.
Весь мир наши деды смогли отстоять,
Чтоб нам открывать даль за далью.

Быть может, об этом вдвоем говорят,
А может быть, и не об этом, –
Твардовский и Тёркин, поэт и солдат, –
Две наших земные планеты.

Россия во всем виновата всегда...
И в том, что щитом для Европы
Явилась, когда шла с Востока беда
Монголо-татарским потоком.

И в том, что Европу не смог Бонапарт
Подмять под сапог свой со шпорой.
Своими потерями мир от утрат
Россия спасла, от разора.

Спасла и потом от фашистской чумы,
От всех кровожадных вандалов.
Откуда сегодня так много из тьмы,
Как бесов, их повыползало?

На части пространство великое рвут,
Как будто бы волки добычу,
Куда мы и мирный и ратный свой труд
Внесли, обретая величье.

И все норовят на Россию списать
Просчеты свои, недороды.
А если опасность? –
Опять всех спасать
И жертвовать русским народом?

А может быть, хватит
Бессмысленных жертв?
Не станем спасать их столицы,
Пока нанесенный Отечеству вред
Весь не возместится сторицей.

Узнают пускай, что мы тоже горды
По праву большого народа,
Что мир от чумы оградил, от орды,
От бесчеловечных походов.

Я, может быть, больше других виноват
Сейчас – призывающий в раже:
На место верните гранитных солдат,
Сстоявших у мира на страже!

Леонид КУЗЬМИН

Лауреат литературной премии им. М.В. Исаковского

ДЫМЫ НАШИХ ПЕЧЕК

... И памятник стоял, как брат
Тем польским рощам,
Где лег навеки наш солдат.
– Поляки ропшут.
– Поляки ли, сынок?
Где боль та польска?
Когда их русский воин смог
Спасти небесным войском?..
Где Аушвиц, где Собибор,
Варшавское где гетто?
– Ах, мама, это ведь позор,
Когда их честь задета!
– Какая честь, какой крови
Ты ищешь всплески? –
Смотри, сынок, огонь горит
В том дальнем перелеске.
И у костра сидит поляк
С советским автоматом,
Там рядом фриц лежит, как хряк,
А русский кроет матом
И говорит: «Как ты его!
Я б не сумел так ловко!»
А тот: «Он выжег все мое село.
А из крестов – подковки!» –
И русский у костра всплакнул,
Свои несчастья вспомнив...
Из этих польско-русских скул
Тот скульптор все и отлил.
... И памятник стоял, как брат
Тем польским рощам...

*Памяти моих учителей –
ветеранов Великой Отечественной войны*

Они входили в наши классы,
Медалями еще не отзвенев.
Они работали, не зная слова «касса»,
А зная только песни той напев:
«Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...».
И я конспектами шуршал, их слушая,
Печалился – ну что ж я не такой?
Нет, не такой, как строгие мужчины,
Еще не деды – гарны молодцы!
И плакал я потом не без причины:
Где же вы теперь, познания отцы,
Которые учили нас не букве,
А сути бывших, да и нынешних времен,
Чтоб мы потом, как будто в ночь на Буге,
Не изменяли цвету пламенных знамен.

ВОСПОМИНАНИЕ

Г.Г. Сильницкому

Мы ходили по Лувру,
читали картины,
ища в них
первородные смыслы
и находя свои отраженья.
Дома, в России, как всегда,
было нестабильно и скудно,
но глаза у нас страстно
светились, открываясь навстречу
желанным знакомым –
картинам и людям...
Подошел большой
бородатый мужчина,
ремнем подпоясанный:
кожа ремня была дорогой

и светилась от блеска
роскошной пряжки.
Темно-зеленый камзол
походил на форму
старинных гвардейцев.
Носитель его говорил
на отборном французском:
сказал, что он эмигрант,
и это взбудрило
моего старшего друга.
Под их беседу неспешную
вот что подумалось мне:
Париж, Лувр, картины,
где-то рядом Orsay, с верхнего
яруса которого видна базилика
Sacré-Coeur de Montmartre;
два пожилых человека,
мирно сошедшихся из разных
вселенных, но говорящих на общем
для них языке; я, уже
немолодой наблюдатель;
оба собеседника – эмигранты
относительно их нынешних
родин – и все это под рамами
великих полотен Лувра,
которые в большинстве своем –
эмигранты ведь тоже.
Мы трое замерли
посреди одного из залов:
мгновенья транзитов судеб –
и вечный Париж...
Было жаль, что великие,
которые могли бы запечатлеть нас
в этом импрессионистском обличье,
уже значились на рамах картин!

Владимиру Макаренкову

Когда во мне сжимаются спирали
Грядущих бед,
А все, что люди мне сказали, –
Дремучий бред,
Тогда приди ко мне, друг старый,
Играй и говори,
Терзай стихи и тереби гитару,
Встреть свет зари
Со мной – не уходи беспечно,
Не торопи свой шаг.
И ты увидишь отсвет встречный
Двойной звезды – Душа.

НОВЫЙ ГОД

В обветшалых домах
Ярко светятся елки,
Словно елки и есть
Наша гордость и честь.
Мчится детская рать
Раскатать все пригорки,
Наострив своих санок
Деревяшки и жесь.
И какую-то блажь
Обещает Правитель.
Он – сто пятый у нас,
А мы-то одни...
Тихо падает снег.
Дети, вы соберите
Разогретой ладошкой
Все снежинки – годы и дни!

SILENTIUM

Я выключил звук –
и актеры возникли,
в молчании глаз,
улыбок и жестов,
в своих интервью
громким телеканалам.
Они раскрывались,
словно раковины
под прозрачной водой,
неслышно смыкая
створки ладоней...
И подумалось мне:
истинен лишь актер,
кто умеет играть беззвучно,
кто умеет играть бессловесно,
чтобы потом захотелось
звук врубить на полную
МОЩНОСТЬ!!!

РОЖДЕСТВО

Притаились детушки
у мамок на руках.
Притаились смертушки
в темных облаках.
Притаились радости
в листках календарей.
Притаились гадости
в планах упырей.
В этот час притихший
приходи в наш скит:
вот он, наш Всевышний, –
в ясельках лежит...

ПАМЯТЬ

Над ночным обелиском
И судьбой моей над,
То высоко, то низко –
Кружит птица-война.
Черной памятью стала:
Не забыв ни бойца,
Как цветы, к пьедесталам,
Носит наши сердца.

Над нашим селом восходили дымы...
Печки топились деревом трудоднёвым.
Затирку белую трескали мы
И теснились друг к другу под одеялом тканёвым.
День начинался с ласканья телка,
С его мокрым носом и глазом бездонным,
С родного шершавого языка,
И с молока его мамы в побитом бидоне.
Ах, Бидонвиль моих бедственных детств,
Жизнь без отца, но с дедами и тётями –
На изыски прочих искусств и естеств
Не променяю великую оперу,
В какой петухи утром выше Карузо,
И запах коров ароматней «Шанели»,
А «кукурузников» пыльное пузо
Дороже дырявящих небо гигантских изделий.
Наши деды и дяди тесали нам лыжи,
А отцы не успели – они не вернулись,
Но не поэтому я взял, да и выжил,
И не потому, что кормились мы с улиц.
А потому, что не было крепче
Уз наших с божеским миром,
И пусть он порой был тусклым и сирым –
Все же был он любовью увенчан.
Вот почему, как бывало когда-то,
Я в небе ишу дымы наших печек. –
Там облаков золотые телята
Гуляют в компании белых овецек.

В нашем доме пахло овчиной.
(Впрочем, дом был вовсе не наш).
Заходили, курили мужчины,
Никогда не являли кураж.
Привозили мясо парное
Прямо утром убитых овец,
Уходили по двое, по трое,
Не отягчив ничем чистых сердец.
Возвращались с ничтожным добытком,
Пьяные в стельку от дружеских браг,
И детям тянули суровую нитку
С петушками из сахара – и не было благ
Нам, безотцовщине послевоенной,
Дороже, чем от душистых тех мужиков.
Мы выросли. Все – обыкновенно.
Но я им благодарен – во веки веков!

Однажды мне под руку вышло:
Обрезать старую фотографию,
Чтобы вошла в новое место
В таком же старом, как она, альбоме.
Я взял ножницы – и занесся
Над берегом речки прозрачной,
Над верхушками пышных деревьев.
Под ножками девочек юных,
Играющих в мячик неясный,
Под пачками с чем-то
Как будто съедобным;
Под занавес странного лета
Или лета ребяческих странностей;
Вновь, однако, над облаком – в виде
То ли попы прекрасной,
То ли головы Карла Маркса.
Сбоку от вывески «Мороженое»,
И от парня с пьяною рожей.
И тогда я взял и сломал ножницы.
А фото повесил на стену.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Я подошел к щемящей тишине,
сочащейся из простенького гроба.
Пронзила мысль – она явилась мне,
что эту тишину мы излучали оба. –
Молчали мы за всю громаду лет,
нас разделивших, словно горной цепью;
за тонну писем с вечным словом «нет»;
за горькое невстреч великолепье;
за разность судеб наших, но моих-твоих детей;
за то, что им не встретиться в незнание;
за то, что избежали мы клетей
тюрьмы, зовущейся «семьей»... –
И снова я вступил в то зданье
прозрачной между нами тишины,
которой, молча, были мы полны. –
Мы говорили этой тишиной
на языке, неведомом живущим...
И в этом разговоре ты со мной
была верней всех жен – и лучше!

К огню Вселенскому склоняюсь,
Я по ночам так горько плакал,
О том, что не дал Бог мне власть
Стать невесомым и крылатым, –
Чтобы лететь в желанный свод
Миров далеких и прекрасных,
Чтоб встретить там иной народ,
Живущий жизнью чистой, ясной.
Чтоб стал я новый Гулливер,
Познавший все секреты люда,
Принявшего от разных вер
Лишь доброты святое чудо,
Лишь зерна искренней любви
От существа к созданию иному,
Лишь зов к единству той крови,
Которая, подобно слову,
Нас обретает, как сосуд,
Хранясь в нем, но не проливаясь.

И улыбнулся мудрый люд
Моим стремлениям чудесным
И хрупкий мне вручил сосуд...
Я так летел домой, что он не треснул!

У меня на небе все больше адресов
И имен, как птах крылатых, больше.
Только я все чаще к кипам тех лесов
Жмусь, что сердцем ближе к Польше.
Выбираю дату: самый первый день,
Тот, который многим стал последним.
Утро наступало – отступала тень,
И оркестры били самой яркой медью.
Ах, в каких бы храмах, да слепой звонарь
Грянул бы вперед Бога и молитвы,
Да ведь правил нами вождь, а не главарь:
Были все равно колокола разбиты.
И, обидясь, нас да не услышал Бог, –
Что ему, великому, школьные оркестры?
До сих пор стою среди ста дорог
Камешком крестильным жениха с невестой...

ХОЗЯИН

Я видел прилетевшего грача:
Он деловито обходил площадку
С травкою чахлою еще и, гогоча,
На палых ветках отработывая хватку
Прораба и ремонтника тех гнезд,
Что ветры зимние изрядно потрепали.
Он забывал те сотни трудных верст,
Что на пути ему в Россию перепали.
И были оба мы довольны оттого,
Что зимы и дороги нас не взяли.
Но все ж я больше любовался на него:
Есть у земли моей родной хозяин!

На сорок дней после ухода
Купи мне сорок черных лебедей
И выпусти их, милых, на свободу
В чреду уже не наших дней.
И пусть летят и склеивают звезды
С твоих небес, да и моих небес.
Я так хочу, чтоб ты не мерзла
Теперь, когда я сам без буквы С°.
И чтоб, когда людского тела
Мне не предоставил милый Бог,
Я так хочу, чтоб ты в меня смотрела,
Как в продолжение земных дорог!

ВОСПОМИНАНИЕ О СЕБЕ

Чай тянули тетки из блюдец...
Тетки умерли, блюдца разбились.
Помню я, безотцовский ублюдец,
Пару слов: «студебеккер» и «виллис»,
Да фонарик, что звали «даймоном»
(Теперь знаю, что надо бы Diamond),
Да войну, со всем ее ломом,
Да наш взрыд на улицах: «Дай, дядь!»
Так ведь выросли, чертова раса,
Так ведь кое-чего добились...
Но отцовы ладони, с их лаской,
Так и снятся – как в детстве снились.

Алексий ЛИСНЯК

О СТИХАХ НИКОЛАЯ АЛЕШКОВА

«Поэту в мире нет закона – он благодатью осенен»

Случайностей в мире нет и это не новость. Наверное, поэтому я не удивился, когда накануне Дня победы «случайно» открыл сборник стихов Николая Алешкова «Дальние луга», и «случайно» увидел такие строки:

Скрип шагов за спиной не люблю.
Русский снег чужаками утопан.

...Незадолго до Дня победы все либеральное интернет-пространство начинает гадко шевелиться, призывает забыть про славу Русского оружия. Аргументы приводятся хоть и не логичные, но зато – ух! – напористые: дескать, мы никакого отношения к Победе не имеем, ведь это не мы, это наши прадеды победили, значит победа – не наше дело. Война это голод, грязь и смерть, следовательно – не надо радоваться окончанию войны. Не все еще в стране сыты, следовательно – оружие вообще необходимо проесть и пропить... Предлагается вывод: посыпьте, русские, пеплом свои виноватые головы и успокойтесь. Такая у пропаганды кривая логика...

За что нас – русских – ненавидят, боятся и пытаются укусить? Известно, за что: за то, что мы это – мы. А вот – как этому противостоять? Поэт Николай Алешков на этот вопрос отвечает с пророческим размахом, краткостью и точностью, будто дает рецепт, стоит лишь вчитаться:

Враг отступит, глаза опуская,
Если русский поднимет глаза.

Действительно, сколько еще нам ходить с опущенными глазами? Ведь враг, как подлая дворняга, чувствует момент смятения сильного, и в этот момент вероломно по-шакальи кусает. Как, все же, своевременно в моих руках оказался сборник стихов Алешкова! – поднимаю глаза.

Впрочем, надо ли удивляться тому, что стихи Алешкова отвечают на животрепещущие вопросы? Не думаю. Ведь поэт только тогда и – поэт, когда его душа живет болью и радостью Родины, когда его сердце переживает все, что тревожит его земляков. А ещё у настоящего поэта обязательно находятся строки, которые, как говорил Шмелёвский

Крынкин: «Кажинное словечко, как навыврез! Так в рамочку и просится! Так и поставлю в рамочку – и на стенку-с!..»

...Нельзя менять ни родину, ни веру.
Я это знал. И ты на этом стой!

Призыв? Разумеется. Хотя скорее это похоже на глубокий жизненный опыт.

Вообще, сборник стихов Николая Алешкова дышит переживаниями о судьбах Родины. К счастью, его патриотичные строки лишены дешевого пафоса, легко усваиваются, а значит – воспитывают читателя. И повышают в читателе патриотический тонус:

Ничего нам враги не забыли,
Победившим в священной войне...

Это сущая горькая правда от поэта Николая Алешкова. В XXI веке все это очевидно, как никогда.

Впрочем, есть в сборнике строки, с которыми ни мириться, ни соглашаться русскому человеку не к лицу, как в стихотворении «Илья Муромец»:

Надо сжить врага со свету!
Но... России больше нету.

Нету?! Может быть поэту на минуту открылись сферы, недоступные глазу обывателя? Может он знает нечто, сокрытое от нас до поры? Не рискну на эту тему сейчас рассуждать. К тому же сам Алешков тут же в своём сборнике успокаивает читателя, и указывает направление отечественного вектора:

В морозном воздухе двоится
Крестьянский острый серп луны...
Кто любит Бога, не боится
Иной неведомой страны.

Для того, кто с Богом, нет в жизни поражений и страхов, тому нечего бояться. А «Мы – русские, с нами Бог», следовательно, сколько бы не бесновалось либеральное шакалье, мы все переждем, нам не привыкать.

Поэт Николай Алешков принадлежит к замечательному послевоенному поколению, которое умеет сплотиться, умеет выстоять. Это поколение воспитывалось писателями-фронтовиками, как современные подростки – американскими низкопробными мультфильмами. Отчасти поэтому любовь к жизни у того послевоенного поколения многократно превышает «современные среднестатистические показатели». Буквально вчера отстремела война с ее ужасами и веселая надежда, сродни Пасхальной, наполнила советскую атмосферу. «Мы живем еще как бы на рассвете, на раннем утре мира, – писала О. Берггольц, – Отсчитывая дни со дня победы, мы знаем, что победа будет разгораться, как разгорается утро. Может быть, что-то из того, что придет к нам с нарастанием мирного времени, не будет узнано нами или окажется не таким, как мы ожидали, представляли себе, но хочется

верить и верится, что полдень мира будет еще светлее, еще щедрей, еще свободней, еще прекрасней, чем мы представляем его сейчас, в первые дни после победы».

Алешкову посчастливилось подниматься на ноги в той светлой послевоенной стране, где повсюду звенело предчувствие больших, прекрасных перемен, все кругом стремилось к небывалой, лучшей жизни, но все еще чернели следы страшной войны:

...Ветры весело пели
и качали звезду
над моей колыбелью
в сорок пятом году.
И салюта зарницы,
что зажглись над Москвой,
расцвели, как жар-птицы,
над моей головой.
Чуть подрос – засверкали
на груди сорванца
боевые медали
с гимнастерки отца...

... Деревенские вдовы,
как пригоним коров.
Скажут, потчуй вдоволь:
– Будь, сыночек, здоров!
Вытрут влажные веки
уголками платка.
Не забуду вовеки
вкус того молока!
Нас всем миром растили,
пересилив беду.
Я родился в России,
в сорок пятом году.

Нам, не росшим в ту замечательную эпоху, многого не понять и не прочувствовать вовек, как бы мы ни бились. Оттого наше современное творчество просто физически не в состоянии воспринять и передать окружающие краски вселенной, так как это делает Николай Алешков. Послевоенное детство отпечатывается почти на каждом его стихотворении, на протяжении всей творческой биографии звучит в строках Алешкова послевоенный оптимизм. Иначе как? Вот, к примеру, одно из произведений, созданное им уже в XXI веке:

Время года – бабье лето.
Грузди, рыжики в лесу.
Два лирических куплета
с ними вместе принесу.
Время жизни – тоже осень.
Лодка ждет на берегу.
Не курю. И пьянку бросил.
Катю бросить не могу.

Смерть придет – слезу уронят
дети, внуки и родня.
Честь по чести похоронят,
только первым, чур, меня...
А пока живу, однако...
Под ногами-то – ура! –
груздь зарылся в мох, собака!
Вылезай, в ведро пора...

Сколько жизни, сколько любви в этих строчках! Любви ко всему без исключения! Наивному читателю может показаться, что поэт, проживший насыщенную долгую жизнь, не растратил детского щенячьего восторга. Но это совсем не так. Любовь, которая живет настоящую поэзию, есть груз, который не каждому по плечу. И не детским восторгом светят строки Алешкова, а глубоким, зрелым, мощным чувством любви.

Скоро стану седовласым,
потерявшим удаль, стать...
Перед самым смертным часом
вдруг захочется опять
пареньком промчатся ладным
по тропинке в поле ржи...

Осчастливил Бог талантом –
с одиночеством дружи!

...всею душою, всею кровью,
птицей в небе – песню спеть...

Осчастливил Бог любовью –
будь готов и боль терпеть!

Поэт, не переживший, точнее – не живущий любовью, это не поэт, это графоман. Это мягкое заявление, мое. Апостол Павел говорит жестче: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто». Действительно, от этого космического вечного чувства, очевидно, воспитанного в себе, поэту не отделаться. И ничего общего с наивным восторгом оно не имеет:

Птичка поет за оградой кладбищенской.
Нет у пичужки на счастье «табу».
Бросить бы всё да с котомкою нищенской
дальше судьбу волочить на горбу.
Я никого уж ничем не обрадую,
враз очумевший, угрюмый, пустой,
если лежит вот за этой оградой
счастье моё под могильной плитой.
Пусть позабудут меня, недопевшего,

все, кому горя понять не дано.
И от Отечества осточертевшего
я б схоронился на самое дно.
Душу сравнивший с котомкою нищенской,
я за одно благодарен судьбе:
птичка поет за оградой кладбищенской.
Здравствуй, наивность! Спасибо тебе.

Листаю и листаю сборник. Каких только чувств и оттенков нет в стихах Николая Алешкова! Пробую читать его творчество в любом настроении – строки будто сами находят душевную болячку и ложатся лекарством именно на нее.

Иногда критики в своих статьях препарируют полотно определенного автора до отдельных мазков. Мне кажется, здесь такой подход не годится, ведь в данном случае, когда автор прожил полноценную литературную жизнь, когда и патриотизм, и грусть, и радость, и любовь, и гром, и лирические звуки наполняют буквально каждую строку, такое препарирование кажется попросту неуместным, окоlesiца выходит. Вот так, в частности, о поэзии Алешкова говорит критик Вячеслав Лютый: «...каждое из понятий, перечисленных в авторской строке, оказывается своего рода входным наименованием целого спектра сюжетов, вполне человеческих и конкретных. Коллизии здесь перетекают на соседнее художественное поле: житейское переключается с духовным, а родное – с повседневным и надмирным».

Что тут можно добавить? Пожалуй только одно: читать стихи Алешкова намного приятнее и полезнее, чем читать статьи про стихи Алешкова.

В мае, в зелени листвы,
возле общежития
соловей (слыхали вы?)
пел в пылу наития.
Не в лесу, а посреди
города огромного,
где вчера прошли дожди,
и гудка паромного
не слышать еще с реки,
и река – под радугой...
Коменданту вопреки
я стою и радуюсь,
что не зря среди ветвей
яростно, неистово
соловиуху соловей
два часа высвистывал.
Два часа свистел и я...
Только ближе к вечеру
вышла милая моя:
– Больше делать нечего?

Наталья ЕГОРОВА

В этом году замечательный русский поэт, трижды лауреат журнала «Наш современник», лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого и благоверного князя Александра Невского, автор нашего альманаха Наталья Николаевна Егорова отмечает 60-летний юбилей. Редакция альманаха «Под часами» от всей души поздравляет Наталью Николаевну с этой датой.

Здоровья Вам, счастья и новых стихов, дорогой наш друг, Наталья Николаевна!

«ВСЯ РУСЬ ПРОЛЕГЛА – ОТ БОРИСА ДО ГЛЕБА»

Дрожит росой небесный белый крин,
Где с милосердьем слита чистота,
Когда монашка с лилией кувшин
Несет к ногам тишайшего Христа.

И каждый раз – как молния, как стон:
– О, Кто распят был и зачем распят? –
И лилией белеет Твой хитон
В алтарной мгле вселенных и лампад.

Христос мой тихий! Лилия Небес!
По Галилее среди роц и скал
Ты шел земной судьбе наперерез
И лилии тяжелые срывал.

Так мы, беспечно споря о своем,
Смешная озорная детвора,
Ромашки и гвоздики вольно рвем
В изрытых поймах старого Днепра.

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы – и ждем
Ответа напряженной вышины.

Над храмом разоренным облака.
И город в новостройках и пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

И навсегда душа потрясена
 Незнамо чем – невнятным сном? лучом? –
 И дышит напряженно глубина,
 Где все на свете знает обо всем.

И снятся нам цветы в каплях рос —
 В них с милосердьем слит поющий прах.
 И судит мир прощающий Христос –
 И лилия сияет на устах*.

Ни смысла не зная, ни точной причины,
 Открыто гласит житие Иоанна,
 Что, Богом в соленую послан в пучину,
 Нес весть о Христе он во тьму океана.

Какие пути и неясные цели
 Апостол Любви открывал перед нами?
 Но волны, сомкнувшись, над ним зашумели,
 И сонные рыбы забили хвостами.

Кого отыскал он в пучинах забытых,
 Кто был бы достоин любви и спасенья?
 Кому в глубине прошептал он молитву?
 Кому проповедовал свет Воскресенья?

Молчат, овевая священной дремотой,
 Туманные строки преданий старинных.
 Но значит живет там неведомый кто-то,
 Ведь Бог просто так не пошлет во глубины!

* В мировой символике лилия, исходящая из уст Христа во время Страшного суда, является символом милосердия.

** Ихтис (греч. Ἰχθύς – рыба) – древняя монограмма имени Иисуса Христа, состоящая из начальных букв слов: Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήης – Иисус Христос Сын Божий Спаситель. Часто изображалась аллегорически – в виде рыбы.

Не к глупым кальмарам, не к вольным дельфинам?
Но виделось выжившим в кораблекрушенье,
Что церкви стоят в океанских глубинах,
И колокол бьет под водой утешенье.

Суда снарядили – пускай и не сразу.
Подлодки построили, выделив денег.
Но ведь ничего не нашли водолазы,
И умностей сдуру наплел академик!

Но память земли, что скрывается в водах,
На берег летит океанской волною
В штормующей мгле укрощенной свободы
И хлещет священной Небес глубиною.

А звезды поют, что Христос – это Рыба,
Что сам он рыбак и ходил с рыбаками,
И плещет созвездий горячая глыба,
И в волны зелеными бьет плавниками.

Все жаждет спасенья! Все ищет спасенья!
Все ищет Христа и Христовой свободы!
И жгут всепланетною тайной крещенья
В купели Земли – океанские воды.

Ведь если и есть в этом мире спасенье –
То всем без разбора – на море и суше.
И бьется в наушниках SOS Воскресенья:
«Спасите, спасите заблудшие души!»

А ты, о своих же глубинах не зная,
То смеху подвластна, то горькому горю,
Не ты ли, душа, эта тайна живая –
Душа, глубиною подобная морю?

И в мире, где все от рожденья едино
И щедро осолено солью морской,
Не наши ль с Христовою Рыбой глубины
Крестил Иоанн благодатной рукою?

А волны поют, что Христос – это море,
И рыбы – Христос, и подводные скалы,
И звезды – и воздух в звенящем просторе,
И сам бесконечный простор небывалый.

И горы – Христос. И над городом – солнце,
И встречных на улицах светлые лица.
И голубь, что с крыши голубке смеется –
Все в этих глубинах сумело вместиться.

Огромный Христос! Больше моря и суши!
Христос – Вседержитель планет и вселенных!
Спаси же, Спаситель, заблудшие души
И Рыбой плесни из времен белопенных!

Бескрайней Свободой пройди облаками
По шару Земли – бесконечным восходом –
В огромном штормящем шальном океане
По вспененным волнам, по хлещущим водам.

А ветер насквозь продувает рубаху,
И волосы в ярости треплет мгновенной,
И брызжет в лицо океаном с размаху,
И в ноги швыряет соленую пену.

И звезды сгорают, и хлещут цунами,
Но вновь, пересиливший смертную муку,
Проходит воскресший Христос над волнами –
В беде и нужде протянуть тебе руку.

РУССКИЙ ДУБ

1

У Мамврийского дуба в поющем дупле
Блещут царства – и звезды текут по стволам.
Тыщи лет он стоял на иссохшей земле
Там, где Бога однажды узрел Авраам.

Вспыхнул огненный Свет, порождающий свет.
Заструилось течение любви и тепла.
И хватило на долгие тысячи лет
Жизни той, что от ангелов трех изошла.

Вырван вечною силой из тока времен –
Ни старенья, ни смерти ему не узнать.
Льется Небо по листьям играющих крон,
И течет по корявым корням благодать.

Крестоносец кичливый давал здесь обет.
Чтил законы раввин, голосил муэдзин.
Византии засохла священная ветвь.
Пал разрушенный Иерусалим.

Но в молитвах, звучавших под кроной сквозной,
Не услышал он жаркой прохлады лучей:
– Пусто, Господи, дубу в глуши мировой
Пить безвкусный настой иссушающих дней!

Вот тогда, жаждой Бога великой томим,
Среди жара пустынь не ища своего,
Из России безвестный пришел пилигрим,
И три ангела пели в молитве его.

Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над крестами – бездонных небес снеговой,
Под санями – сугробов таинственный хруст –
Потрясла исполина от крон до корней.

Как летит куполами над реками скит!
Что за пламя молитвы вдали ото всех!
Как Господь над лесами лучами блестит!
Как поет благодатью божественный снег!

И за сродство молитвы с единственной – той –
Стал он Русским среди палестинских равнин,
И пригрел монастырь под своею листвою,
И тянулся к России за Богом своим.

Ибо видевший Бога и чующий Дух
Будет Духа искать, не польстившись на прах.
И Россия легла под ветвями его –
Все в горящих свечах и поющих снегах.

2

Но века пронеслись, как сметающий вал.
Новый русский явился из шума молвы.
Ветви дуба сломал и кору ободрал,
И продал на крикливых толкучках Москвы.

И настолько он был бездуховен и груб,
Так проникся идеями лжи мировой,
Что засох потрясенный безверием дуб
И ветвями скрипел в пожирающий зной:

– Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над тайгой и снегами – Христа тишина!
Дай же я за тебя посильней помолюсь
В нарастающей бездне последнего сна! –

И в видении, чье толкованье мудро,
Вдруг увидел мальчишку. Москвы воробей –
Тот просил подаянья в снегу у метро
И молился в слезах о России своей.

И летел в его шапку сияющий снег.
И о Боге Миров он не знал ничего.
Гнал и гнал беззащитного русского век –
Но три ангела пели в молитве его!

Те же ангелы пели – сквозь грохот и грязь,
Так же пели – в нахлынувшей мерзости лет.
И ожил, долгожданному чуду дивясь,
Русский дуб – и росток появился на свет.

Херувимы поют в его шумных ветвях.
Стаи ангелов гнезда в листве его вьют.
Нерушимо Престолы таятся в корнях.
Светоносные Силы по жилам текут.

И, среди запустенья Любви торжество –
Ради вечного Духа отвергшая прах –
Вновь Россия лежит под ветвями его –
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

Русский мир! Снизошла на тебя благодать –
Суховой ли шумит или падает снег –
Ибо каждый, кто Бога стремится узнать,
Будет жив и уже не погибнет вовек.

Время будто сгустилось в бездонном колодце двора
И не шло, а стояло в густых лопухах и крапиве,
И огромные жизни к закату, проснувшись с утра,
Проживала душа в переполненном медленном мире.

Было времени столько – о, сколько угодно тебе! –
Можно в прятки играть, нацепив одуванчика платье,
Можно слушать стрижат сквозь дыру в водосточной трубе –
Все равно-все равно никогда-никогда не растратить!

Я помчалась тогда за веселой удачей своей,
Заигравшись с детьми – и упала с Небес почему-то.
А чем дальше от Неба, тем время грохочет быстрее,
И мелькают века, превращаясь в скупые минуты.

И оно понеслось – закрутилось в погоне шальной,
В суете, в маете, в жажде знания неутомимой.
Я любила вас всех – только что это стало со мной?
Словно в черной дыре – все не в лад, и напрасно, и мимо!

И душа не поймет, как ей выбраться из чепухи,
Из доставших забот, из досадливой муторной дряни,
В старый двор, где – счастливые! – крыльями бьют лопухи,
И доверчивый мир застарелою болью не ранит.

Там, где медленно время течет в золотистой пыли,
О – почти что стоит – рядом с ящиками у сарая!
И седой одуванчик поет лопухам о любви
И глазами глядит, в бесконечной любви не сгорая.

ЦВЕТЫ ПОД НОГАМИ

Снова черная тень над твоей головой.
Топчет каждый идущий – любому не лень.
Мы раскрыли глазища в пыли золотой,
Проживая отпущенный солнечный день.

Мы с обочин, из недр, из поющих глубин,
С придорожных канав, с прибольничных лужков,
С приосторожных колдобин, забытых равнин,
С приовражных тропинок, сухих бочажков.

Что не так? Ведь никто не просил нас расти
И наивно таращить глаза от земли.
Будто солнце упало и светит в пыли –
А идут по нему – так должны же идти!

Но, всегда любопытно-глазасты к другим,
– Солнцу, с неба упавшему, мир – не указ! –
Мы застенчиво смотрим и робко молчим,
Если кто-то случайный посмотрит на нас.

И не зная, зачем понапрасну страдать
О судьбе горемычной – вы это всерьез?
Мы особо не сетуем – что горевать?
И особо не плачем – что толку от слез?

Ты смирись и расти под ногами времен.
Кто идет – тот сорвет, кто идет – тот сомнет.
И головкой отвешивай низкий поклон,
Если кто-то увидит и кто-то поймет.

СМЯДЫНЬ

Месяца августа в 11-й день... прибыли глубоководные гробы...И в тот же...день были доставлены раки для установки останков страстномучеников Бориса и Глеба, доставленные из Вышгорода в Смоленск.

«Повесть о перенесении Ветхих гробниц святых братьев Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь, в Смоленск». XII век

1

В протоках времен застоялась водица,
Как свет за века в неразрушенном храме.
И прошлое здесь не проходит, а длится,
Как те облака, что стоят над холмами.

И помнит доньше здесь кроткое небо,
Как в русле ладья повстречалась с ладью –
Лихие убили невинного Глеба,
А тело, глумясь, не прикрыли землю.

Колодец здесь был со святою водою,
Стоял монастырь здесь в двенадцатом веке.
Коттеджей крутых возвели над горою,
Загадили все и снесли человеки.

Бульдозер зарыл ключевые истоки.
У грязной Смядыни поставили камень.
Но бьют из земли неизвестные токи
И звонко уходят в зенит с облаками.

И сходятся в месте разрушенном этом
На облаке – все, кто безвинно убиты.
И как электричеством – радужным светом
Сияют ночами бетонные плиты.

И если сидеть у бетонного круга
За церковкой у святого колодца,
Глубинами Днепр заиграет упруго,
И братья в ладье пронесутся сквозь солнце.

И в мире разрушенном, в мире жестоком
Ты вечность отыщешь и правду узнаешь,
Меняясь под искрой Небесного тока –
Но призрачный счет временам потеряешь.

И станешь ты проводом между мирами,
Гудящим упрямо под током небесным,
Светящимся высоковольтными снами
В проулках безбожного времени тесных.

И в мире загаженном вспомнишь ты снова,
О чем позабыть тебя с детства просили –
Что сладко вовеки страданье за Слово
Христом замороженной кроткой России.

Два красных куста – окровавленных, кровных.
А в сердце поет благодатное Небо,
Что все не случайно – и вырос шиповник
Над ракой Бориса и ракою Глеба.

2

Над поймами – ивы, над ивами – холмы,
Над холмами – облачный город. И снова –
Над облаком – просинь долиною ровной,
А дальше – великие Царства Христовы.

И чудится: братьев, безвинно убитых,
Распахнуто кровью священной Небо,
И руслом днепровским в звенящих ракетах
Вся Русь пролегла – от Бориса до Глеба.

И кровь та святая течет и поныне
По венам и рекам великой наградой
Из Киева в Вышгород – к тихой Смядыни,
И вновь от Смядыни – до Вышнего града.

И в ивах звенит, и в болотцах с осокой,
И в утках, утят выводящих на стрежень,
И в песне старинной, бездонно высокой,
Над вольным раздольем днепровских безбрежий.

Себя потерявший за буйною новью,
Ты спросишь растерянно – что это значит?
Искуplen и ты драгоценною кровью –
Той братскою кровью – о чем же ты плачешь?

Смотри – от России к далекому устью
Днепр ищет пути сквозь пороги и броды
К садам Украины и льнам Беларуси,
В Священную Русь собирая народы.

Что братские распри? Что братские слезы?
Что войны народов? Что боль ножевая?
Искуплено все – и днепровские лозы
Омыла ты кровью, вода ключевая!

Здесь все искупили – давно и навеки –
Святые и пахари, земли и воды,
И помнят, струясь, полноводные реки
О том, что давно позабыли народы.

А утки летят растревоженным клином
Над древнею Русью, над вечною Русью,
Над буйной седой головою повинной –
И Днепр звенит – от истока до устья.

Олег ЕРМАКОВ

О СТИХАХ НАТАЛЬИ ЕГОРОВОЙ

ЕГОРОВА ИЗ ВОЙСКА ХОРОБРОГО

В этом году у замечательного поэта Натальи Егоровой юбилей. Надеюсь, появятся статьи о ее творчестве. А в этих заметках – читательский отклик на ее два стихотворения.

О стихах Натальи Егоровой мне приходилось писать (см. «Звнящая роза ветров», Русское поле, 2017 год, 6-й выпуск, <http://moloko.ruspole.info/node/8466>). В публикации этой было некоторое недоразумение. А именно, цитирую: «Автор сразу устанавливает некие знаки религиозности. Но всегда ли это оправданно? Не противоречит ли это известному предостережению от суесловия? Тем более, что порой та или иная *священная строка* звучит просто неловко. Ну, вот, к примеру: «Но ведь мы-то бессмертны, как Боги», – как ее понимать? Какие еще «Боги»? Или это отсылка к рефрену «Мастера и Маргариты»? У него все же так: «Боги, **боги** мои!»

Конец цитаты.

И вот, уже после публикации Наталья Егорова пояснила в письме автору статьи: «Конкретно о Вашем вопросе – что за боги у меня в "Берестяной грамоте" – это не Булгаков – это 81-й псалом Давида – "Я сказал – вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; но вы умрете, как человеки, и падете, как всякий из князей". А потом в Евангелии от Иоанна это цитируется: "Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: Я сказал: вы боги". Это слова об обожении твари – о том, что Бог каждого человека призвал стать богом».

Признаюсь, что забыл эти речения, да и смутила меня здесь заглавная буква.

Наталья, впрочем, писала об этом недоразумении без раздражения, что меня удивило. Известно, как легко впасть в немилость у человека творческого, а тем паче поэта. С этого началась наша скромная переписка. Ссылка на подборку и пришла в очередном письме Натальи, это стихи из журнала «Наш современник», опубликованные в четвертом номере за 2016 год.

И затеплился огонек давних юношеских чувств, воспоминаний. Ведь книги запоминают нас такими, какими мы бываем в те или иные периоды своей жизни. И стоит открыть ту или иную книгу, давно прочитанную, как бывшее возвращается. Речь о стихотворении «Прощание с Матёрой».

В те годы имена Распутина, Шукшина, Белова, Казакова, Трифонова были особым кодом. Читал – не читал? В зависимости от ответа распознавали людей. К этим именам почему-то неприменим был эпитет: яркий, модный. В них было что-то прикровенное. И вот это ощущение Егорова и затепливает в своем стихотворении:

И помним мы: когда входил Распутин,
Досужие смолкали разговоры,
И раскрывалось медленное сердце,
Ведь что-то было в нем всегда такое,
Чего не передать бессильным словом,
Но передать стоустой тишиной.

И ведь точно, была в Распутине эта странная созерцательная тишина. Не знаю, говорил ли кто-нибудь об этом. Но вот Егорова сказала.

И только тихий Валентин Распутин
Горит свечой на дальнем берегу.

Поразительный образ. На фоне Матёры – то есть затопленного целого мира.

А в рукотворных времени морях
Мелькают до сих пор, светя в глубинах,
То Китеж-град, то новая Матёра – Эсэсэсэр...

Хотя «не жаль мне, не жаль растоптанной царской короны» – сиречь символов КПСС, но как не жалеть потопленных деревень? И ведь это потопление продолжается. Потопление-разорение. Говорят, общемировой процесс, да от этого не легче. Кому нужна деревня? Убогая, отсталая, корявая... Тут вспоминается, как однажды Распутин сказал о пьяницах-бомжах, мол, да зачем-то они все-таки нужны. Удивительная фраза. Недавно мне довелось беседовать с педагогом и этнографом, руководителем туристско-краеведческого клуба «Гамаюн» Владимиром Ивановичем Грушенко в башне Маховой, где им создан музей «Смоленские украсы», и в ответ на реплику о «нерентабельности» деревни он заметил, что японцы думают по-другому, по специальной программе поддерживают деревни, традиционные занятия селян. То есть зачем-то японцам нужны деревни?

А у нас:

...Река сомкнула медленные воды
Над островом с забытой деревушкой,
Над лиственем, над кладбищем, над жизнью
Простых людей, не нужных никому.

А все-таки свеча Распутина горит. И этот свет уже неугасим.

О том же речь и в другом стихотворении – «Егорий Хоробрый». Это целая песнь!

Песнь дикого запустения: пустое поле, бурьян, сельсовет, как корабль на мели, реки, пашни мертвы, даже солнце мертвое. И *в школе навеки закончен урок*. Тоска и безысходность торжествуют.

Вот оно – поражение великой земли.

Как тут не вспомнить «Слово о погибели Русской земли». Переключка явная. Но у Егоровой как бы продолжение, ведь в «Слове...» о самой погибели ничего и не сказано, точ-

нее, на фразе «обрушилась беда на христиан...» памятник и обрывается. А этой фразе предшествует дивное описание Русской земли, ее богатства, неповторимой природы: «О, светло светлая и прекрасно украшенная...»

Егорова продолжает живописать эту беду. К слову, об этом она ведет речь во многих своих стихотворениях. Не нашествие Батыя, а скорее нашествие временщиков. В «Прощании с Матёрой» она об этом так говорит:

И знаем мы: нерукотворно время,
Но рукотворны дамбы и плотины,
Что перекрыли медленное русло
Природного течения времен.

Мы сами виноваты в происходящем. «О какой же победе заводим мы речь?» – изумляется автор, словно очнувшись.

И эта строка из «Егория Хороброго» резонирует со всем известным феноменом последнего времени: о победе в Великой Отечественной столько говорят, поют, кричат, что можно подумать, будто она случилась совсем недавно и по заслуге нынешнего президента.

Победа, победа, – а земля Русская в разорении лежит.

И тут же следует чудная по красоте строфа:

Лишь черемухи вымокшей брызжет покров,
Да на губы летит одуванчиков пух,
и Егорий Хоробрый пасет соловьев,
Соловьиного войска небесный пастух!

Георгий, сиречь Егорий, в переводе с греческого языка – «возделывающий землю». Святой Георгий Победоносец – защитник веры, воинов. И вот здесь, на наших глазах и свершается возделывание земли и защита веры и воинов.

Где осот и крапива взошли на крови,
Там выходят поэты и песни поют
О священной Победе и вечной Любви.

Даже в самих словах о запустении – сила и щедрость. Откуда же она берется?

Ведь известно давно – кто посеет печаль,
Тот великою жатвою песни пожнет.

Из печали, веры и красоты, древних как Гомер, как мир. Разве не на печали взошли «Илиада» и «Одиссея»?

Потому и «клокочет, как колокол, древняя даль». Эта строка вровень с *дымным дедовским большаком* Твардовского из «Тёркина». Мне сразу на ум она пришла, тем более, что совсем недавно по этому большаку и возвращался из похода. Тут вспомнились и заснеженные долинки ручьев, в которых и таится эта великая черемуховая сила – егорьевских соловьиных войск.

Эту подборку стихов получил, вернувшись из похода, как обычно, в край Твардовского, в окрестностях Загорья. Больше недели бороздил на лыжах щедрый снег, выпавший на исходе зимы и в самом начале весны, ночевал на ручье Городец, слушая робких синиц и переключку двух сов – через ручей – поздно вечером, уже при звездах. Дорогу, которую пересек на холме, где когда-то стояла деревня Арефино, а сейчас чернели одичавшие сады, так занесло, что никто и не решился за неделю по ней проехать. Охотники не могли проехать, кто ж еще заглядывает сюда?

И, наверное, еще и поэтому услышалось мне эхо Загорья в «Егории Хоробром».

Но огнем самогонка в кружке дрожит,
И о павших гармошечка плачет твоя.

У Твардовского: «Нет, жизнь меня не обделила, / Добром своим не обошла. / Ни щедрой выдачей здоровья / И сил, что были про запас, / Ни первой дружбой и любовью, / Что во второй не встретишь раз. // Ни славы замыслом зеленым, / Отравой сладкой строк и слов; / Ни кружкой с дымным самогоном / В кругу певцов и мудрецов»...

Да и сам этот Егорий Хоробрый вдруг обретает черты не только святого христианского воина и мученика, но и бывшего нашего солдата, может, это в его руках гармошечка да кружка?..

И к нему, приглашенному в круг, обращен вопрос:

И скажи неутешную правду, сам-друг,
Где хранится Победа великой земли?

Через леса и звезды устремляется пытливая мысль, к Саваофу. И снова возвращается к земле, к соловьям в черемухах... Много соловьев, хотя и у одного в груди колоколет колокольная древняя даль. Грудь соловушки – а вмещает весь мир, космос. Это ли не чудо, не спасение? Так прозреть слово?

Если в Слове творящем запахан весь мир,
Значит, наша Победа посеяна в нем.

Понятно, о чем речь, точнее, о ком, уж мы сильны Пушкиным да Достоевским, Толстым да Твардовским.

Но все же, все же...

Но гниют разоренные сёлы без слов,
И без слов потрясенное сердце болит.
Да и ты, расплескав самогонку вдов,
С партизанкой столетнею плачешь навзрыд.

И снова вспоминаются зимние черные сады исчезнувшей деревни Арефино, через которую лежал мой недавний путь... Да и Загорье, точнее Сельцо возле Загорья, тоже еле живо, наверное, памятью о Твардовском только и живо.

«Егорий Хоробрый» теперь будет сопровождать меня в походах. А весной, надеюсь, услышу и песни других его воинов в черемуховых долинах.

Андрей КОРОВИН

ВРАГИ ПОПАДАЮТ В РАЙ

Слуцкий в Туле

В июне 1941 года молодой поэт Борис Слуцкий ушел на фронт рядовым. Войну закончил в звании гвардии майора. Семейой обзавелся уже в зрелые годы. Его жена, Татьяна Дашковская, тяжело болела и в 1977 году умерла. Для Слуцкого это стало настоящим ударом судьбы, от которого он так и не оправился. После смерти жены поэт впал в тяжелую депрессию, перестал писать стихи и был вынужден переехать в Тулу, к семье брата. Его сердце остановилось 23 февраля 1986 года, в День Советской Армии.

1

он просыпался рано
смотрел в окно
там за окном все тот же двадцатый век
пусто на сердце холодно и темно
никто никому не нужен
как сказал имярек

вот же она единственная ушла
туда куда все уходят
и он уйдет
боль понемногу стихла
любовь прошла
но тоска не проходит
нет не пройдет

он лежал на диване
да
смотрел в потолок
смотрел через крышу в небо
в ее глаза
потом выходил из дома
бывший пророк
который на свете все уже предсказал

– Здравствуйте, – говорил ему доктор, –
как нас зовут?
– Слуцкий, поэт, – сухо он отвечал.
– Знали и наполеонов, все теперь тут, –
думал про себя доктор,
но вслух молчал.

– Есть у вас документы?
– Да, – протягивал документ.
– Слуцкий Борис Абрамович... вот так так...
Что привело на рельсы?

ответа нет

он писал стихи
больше не знает
как

2

когда поэт превращается в человека
ему становится все равно
какое утро какого века
какое крутят в кинотеатре кино

сгорели в танках его читатели
остыл недобрый двадцатый век
нет больше смысла в стихослагателях
он в стальной Туле теперь навек

и он ложится и он спокоен
и двадцать третьего февраля
он понимает что путь свободен
что дальше медлить уже нельзя

ну что же Слуцкий
ну что же гений
ну что же бывший
ну что пророк
три тома изданных сочинений
солдатской жизни его итог

найдутся люди
стихи найдутся
из чрева письменного стола
душа не смеющая прогнуться
из них конечно произросла

ДЕТСТВО НА ОКЕ

я помню этот лес: грибы, деревья,
маслята, ельник, вот отец, а вот я,
июль в зените, месяц в рукаве.
отец кричит:
– ну что?
– опять масленок!
масленок тоже, в сущности, ребенок.
а кто это там прячется в траве?

но очень скоро выйдем мы из леса.
а там – пруда таинственная пьеса,
блестят на солнце рыбы караси,
и мы – на этом зеркале пейзажа,
где темпера, и глушь, и тишь, и сажа,
и деревенька, Господи спаси.

и дальше мы идем с отцом куда-то,
в руке отцовской удочка зажата,
в затонах окских ждет подкормку лещ.
скажи-скажи: ты жив еще, ворюга?
узнаемся ль, увидевши друг друга?
жизнь движется стремительней чем речь.

ах лечь бы в речь, отдав себя течению,
когда вся даль небес открыта зрению,
и ты плывешь, всевидящ как река,
в твоих руках уже играют рыбы,
и вот за это, Господи, спасибо,
что в звездном небе движется Ока.

ДЕТСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

короткими вспышками света
вся жизнь твоя будет с тобой

бездонное окское лето
кузнечик в траве голубой
поймаешь останется лапка
в твоей неумелой руке

цветов кучерявых охапка
и голая рыбка в реке

и дремлет малюсенький ящер
он жрец на пригретом пеньке
протянешь ладонь наудачу
останется хвостик в руке

ежиха ведущая деток
куда-то
не трожь отпусти

и запах соснового света
и вкус родника из горсти

как мир наш подноженный хрупок
и сколько ж ты душ погубил
личинок пиявок скорлупок

покуда
ты маленьким был

ИСТОРИЯ ЖУКА

для жука
перевернулось небо

лежит небо на жуке
а жук лежит
не жужжит
лапками шебуршит
то ли отталкивает
то ли поддерживает
то ли щекочет
небо

ГОСТИ НОМЕРА

а небо такое
круглое
голубое
тяжееелое

дайте кто-нибудь
руку жуку

помогите же
мужику

СВОЙСТВА РЫБЫ

тело рыбы
живет само по себе
голова рыбы
живет сама по себе

я не называю это
ни символизмом
ни акмеизмом

я принимаю это
как данность

в супе
и на сковороде

БРАТ-РЫБА

рыбы вытащенные из воды рыболовом
как первые христиане в руках язычников
смотрят большущими глазищами
ничего не понимая
мир окружающий их кажется адом
где люди как черти
жарят братьев-рыб на сковородах
сдирают с них живых кожу

брат мой рыба
смирись и подставь другой бок
когда один уже будет поджарен
ибо жизнь наша – одно лишь смирение
с волей синего неба
точнее моря

ждет нас царство такое по смерти
что счастливы будем что умерли
ибо там сам Посейдон нам на арфе сыграет
и любая русалка утешит как брата
белым своим животом

ДЕРЕВО ДОЖДЯ

памяти Алексея Парщикова

ты выйдешь к солнцу сам не зная где ты
какие там живые экспонаты
где луг поющий где осипший берег
где девушка плывущая нагая
где высушены строки на песке

и в зеркале межреберного вида
где видно только сердце только воздух
ты вдруг увидишь парусные буквы
регаты слов и кругосветки фраз

и дальше где взлетающее небо
встречается в нелетную погоду
смотри ее к тебе ведет за руку
голубоглазый мальчик-самолет

ведь нет живых и мертвых не обижу
от смерти слишком дерзкое лекарство
раздавленные ягоды в ладони
и оперное дерево дождя

ВЕСЕННИЙ КРЫМ: СВИНГ

Весенний Крым. И каждый день – в цвету.
И у весны расцвел язык во рту.
И Божья влага в небесах пролита.
Ко мне приходит сон, и в нем – они:
Бессонные бенгальские огни –
Сугдея, Феодосия, Джалита.

Владычица морская – говори.
Пусть в небесах свингуют тропари
На день седьмой и на двенадцатый.
Пусть любит нас Господь в своем Крыму,
И я у смерти времени займу,
И мы проснемся – вместе, как когда-то.

ВОСПОМИНАНИЕ: С ЦИКАДОЙ

как персики твоих сбежавших дней
воспоминая лето обогрей

пусть будет юг июльская жара
и крымский грех с цикадой до утра

пусть будет все что виделось в очах
твоей зимы расплавленной в ночах

пусть будет сад холодное вино
и женщина забытая давно

и детский смех и знойный завиток
и поцелуй бегущий словно ток

по скальпелю судьбы по волоску
по мокрому бессмертному песку

МОРЕ: ЛИМОННЫМИ ДОЛЬКАМИ

нарежьте мне море лимонными дольками
без чаек отчаянья
море и только
чтоб был ободок от восхода по краю
и быстрый дельфин как посланник из рая

и я под язык положу эту дольку
чтоб выжить зимою полынной и горькой
чтоб плавать зимою как рыба в воде
подобно морской путеводной звезде

КАЧЕЛИ

скрипят качели
звук качается
и больше нету никого
а человек не получается
как будто не было его

в столице в центре
в тихом дворике
танцпол и церковь по утрам
и трезвые гуляют дворники
с мамашами напополам

но я как будто бы
вне времени
зашел услышав тихий звук
а здесь песочницы беременны
от взрослых ног
и детских рук

а здесь
беременны машинами
ползут улитки-гаражи
и окна кажутся витринами
в которых нету ни души

и тихим скрипом
улетающим
беременны движенья рук
и я смотрю на них
пока еще
не кончился в пространстве
звук

СНЕБАПАД

Ольге Подъёмщиковой

кто был из нас кто не был виноват
теперь не важно небо стало выше
и яблоневый нынче снебапад

чердак скрипит
и дождь стучит по крыше

вся жизнь твоя архаусный обман
богема революция и ссылка
как я мальчишкой был тобою пьян

стучат иди
тебе с небес посылка

спасибо за свободу через край
за неуют семейного уюта
за обитаемый а не лубочный рай

за жизнь и за
любовь без парашюта

все спорили с тобой о небесах
в статьях стихах и музыке неспетой
речь облетает как листва в лесах

мороз уже
не стой в дверях раздетой

ВЕТЕР

какое чудо
весь этот ветер
в лицо летящий
когда ты молод
когда ты Вертер
ты настоящий

ночная мякоть
сырого неба
тебя объемлет
густая липа
и запах меда
пчелиный лепет

как пахнет каждый
растущий в небе
в земле сидящий
лишь только ветер
тебе расскажет
впередсмотрящий

и ты глотаешь
густую книгу
земного ветра
и рев вулканов
гул океанов
и километров

и задыхаясь
глядишь шалея
в окно ночное
на этот ветер
на эту нежность
в ночном прибое

ИЗ КИНОХРОНИКИ ЖИЗНИ

закадровый голос неярок
но ты пропускающий свет
сентябрьский сквозной полустанок
что шепчешь ты поезду вслед

в котором окне прогоревшем
секунду другую назад
ты пил с удивительным лешим
кричал ему свидимся брат

в какой просыпался постели
с обоями на потолке
кто жил за тебя в твоём теле
кто плыл за тебя по реке

твоя чешуя золотая
не помню которого дня
сквозняк электричек листая
уже не припомнит меня

очнешься
ты жил или не жил
не вспомнишь ни лиц ни имен
лишь свет удивительный брезжил
лишь снился разгаданный сон

ВРАГИ ПОПАДАЮТ В РАЙ

когда проходит земная блажь
проходит земная блажь
ты жизнь за хлеб и любовь отдашь
за хлеб и любовь отдашь
ты будешь верен своим богам
верен своим богам
пока они отвечают нам
они отвечают нам
и сколько жизней твоих пройдет
сколько жизней пройдет
пока удача к тебе придет
удача тебя найдет
тогда не бойся и не зевай
не бойся и не зевай
пусть все друзья попадают в рай

враги попадают в рай

Сергей ГОНЦОВ

ЗОЛОТОЙ РОЖОК

Высокий чудный дом старинный,
Овраг, и лес за поворотом,
И разговор живой, пустынный,
И собеседник дивный, вот он, –

Неведомо откуда взялся
И смотрит, точно отовсюду,
И словно он всего касался,
И внове проявился чудом, –

Все остальное там, за краем, –
Круги истории, разрывы,
Все то, что называлось раем
И чем на свете были живы.

Наверно, не договорили
Все здешние пруды и рощи,
Как люди жили и творили,
Как были царственной и проще.

Сужая дивный круг деяний,
В стране изысканно-пустынной,
Не сможем обойти вниманьем
Вот эти двух – отца и сына.

От них всего досталось много,
И эти вещи без вопросов,
Один историк был от Бога,
Другой от Бога был философ.

И дуновенье над метелью,
Что опушила эти плиты,
Сродни вселенскому веселью,
И все равно, что позабыты.

Но потому явиться надо
В обличье царственном и диком,
И эта странная баллада
Как прежде, мыслит о великом.

Один рассказывал о Боге,
Что дал истории закваску,
Другой рассказывал о Боге,
Истории дающем встряску.

Друг другу не противореча,
Поскольку в разных измерениях,
Они таинственней и легче
Мне объяснили смысл творенья.

К тому же сын всего касался,
Единым будучи при этом,
Он духовидцем оказался
И восхитительным поэтом.

И потому в пустынных парках,
Заговоривших без причины,
Не знаю царственной подарка,
Чем слог нечаянно-старинный.

Тут дня и ночи сочетанье
Раздольно явлено, без меры,
Вот как рассказанное втайне
Крушение небесной сферы.

А там, за ней, в большом проломе,
Один гигант средневековый
Ликует, как в отцовском доме,
Познать великое готовый.

И он же, дивный собеседник,
Что дан на эту зиму Богом,
Тысячелетия наследник,
Вот этого, веков посредник,
Что до поры молчат о многом...

ДУХ-ПРЕДВАРИТЕЛЬ

Ты заметил, что время летит,
Как Стрела из пучин Зодиака.
Это взгляд твой вернулся из мрака,
Чтоб стал свет. И холмы шевелит.

Нас не спросят, но древнее зло
Не само по себе растворится.
Кто-то адское сдвинул жерло, –
Ад разрушен, и многое зрится.

Первым Кто-то сказал наугад, –
Мы живем на античных руинах,
И теперь он великий собрат,
Повелитель мелодий старинных

И пастух несравненных камней
За проломом невиданной сферы.
Как нам быть? Из долины теней,
Из Вселенной в обличье Химеры.

Мы явились туда, где нас ждут,
Как поднявшихся чудом из бездны.
Тут мы сами, и встретимся тут, –
На старинной дороге железной.

Вот Обходчик бредет путевой,
Между Марсом и яркой Венерой,
Между мыслью чудесной и верой,
В бездне времени, – заново свой...

ЕГОРИЙ

*икона новгородской школы
в храме Ильи-пророка*

Поражающий Змия изысканно-прост,
Вполоборота на белом коне, –
Алый плащ, вьющийся в тишине,
В бледное золото невидимых звезд
Или в пустыню разборчивый взгляд,

И золото вкруг склонившейся головы;
Кольца змеинные прах шевелят,
Напоминая листья травы;
И голову змея, точно тавро,
Пронзила пика жалом худым, —
По ту сторону блеск и дым,
И все стерто обликом молодым, —
Прах, чешуя, золото и серебро...

ВЕСТНИЦА

Цветущей веткой, Творче, без разбора
Мелодии ты дал прозрачный ход,
И взял обратно, пусть себе растет,
Мелодия, как ветвь, но без простора.

Она сама – приволье, тьма и цвет,
И в слове, как во гробе, не желая
Найти опору, – вызов иль ответ, –
Да вот она, как вестница живая,
И речи про нее как будто нет.
Не то темна, как горные каменья,
Не то шумит, как желтая река, –
И звоны струн – они наверняка
Столетий чада, не рабы мгновенья...

ВСЕЛЕНСКИЙ ЛАД

Из ямы темной, мелодической,
Вот как начертан прошлый век,
Куда пойдешь? Да на побег!
Дар убежденья серафический
Воздвиг бы мертвых, а раз так,
Всё совершилось без помарок
Из ямы в совершенный мрак,
Но чудный, вольный, как подарок,
Ты угодил, как тот, кто в силах
Другой природы свет узреть,
И холод, что струился в жилах,
Да вот, как пламя, рассмотреть...

То люди Севера, ступая
По жилам царственного льда,
Их горсть достойная, скупая,
Бредёт неведомо куда.
Тут Бог и необъятно рядом,
Не поцелуем мерзлоты
Приходит Он, не снежным адом,
В котором чудом выжил ты,
А чем? Да хоть оленьим стадом,
Тут область новой красоты,
Тут льдом, огнем ее черты
Укреплены, вселенским ладом.

ПАМЯТИ ПОЭТА ВЛАДИМИРА КОРОБОВА

Кто тут рыдает? Да это метель,
Крутится связкой мелодий,
Прялка роскошная и колыбель
Звездных январских угодий.

Это Андроников монастырь,
Слезы из Средневековья,
Сжатая мыслью великая ширь,
Камень другого зимовья.

Тут наособицу крутится снег,
Точно Очаг где-то рядом,
Так пресекается времени бег
Новым привольем и ладом.

Где тут Андрея Рублёва очаг?
Нет, Он бредет за пределом,
Что ему здесь? А божественный мрак, –
Белым начертан на белом.

ПРЕДЕЛЫ МИРА

Я вряд ли думал, что будет так,
Но пламя старинных бесед
Играет тут, и расходится мрак,
Когда исчезает свет.

Недаром прорежутся складки гор,
Не то, чтоб трещины лет,
И станет домашним, вещим простор,
Когда исчезает свет.

Он просиял, уходя за край,
На твердой вечерней черте,
Как будто это цветущий рай,
Послушный всей Красоте.

Что это было? И вот опять
(кремнистой дороге хвала!)
Тверда значеньем любая пядь,
И зыблется свежая мгла.

Прерывность Мира терзает дух
Недолго, – всякому хватит сил
Постичь, что он премудрый Пастух
И Стадо, как Ангел, изобразил.

К ДРУГУ

Посредине странствий земных
Взятые в Удел – от узилища Всех, –
Прямой, таинственным блеском ума,
Все тут, и бессмертья слёзы иль смех,
И меч выходит из каменного холма
Древней земли, – вещи равны
Внезапным смыслом, – стол, очаг,
Водвинутые в божественный каталог
Сильного мира, – туда не направишь шаг,
Если тебя не окликнул Бог.

Внезапно земля превращается в дол,
Краткая хронология необъятно-проста,
Путь, по которому ты пришел,
Не имеет значенья, – истина и красота
В этом, – корни расплетаются в небесах,
Дворец, устроенный на руинах Дворца,
Ровня дубрав, в странствиях и чудесах,
И нечего рыдать, что не видно Отца.
Вещих знаков таинственный рой
Послужит утешеньем, не вспомнишь пока,
Пред тобой когда-то здесь являлся герой,
И, ни в чём не успев, расступились века
Пред его движеньем, сказочным, как река,
Вот малая часть о взятых в Удел,
В эпоху предательства и подмен
Ты делал всегда не то, что хотел,
Но так завершается варварский плен...

РОГ

Я книгу мертвых начерно листал,
Не слишком долго, все живут, мерцают,
Как безначальный, сказочный кристалл,
А то на лирах варварских бряцают.

Не то чтоб жизнь явилась как-то вдруг,
Как целый мир, – из сказочного Рога,
Как шум и звон; я знал, что светлый круг
Начертан миру, – по веленью Бога.

Я знал, что миру дан великий ход
И даже мрак непобедимо светел,
Но толк был в том, чтоб я алмазный свод
Не сразу, – а в пучине мглы, – заметил.

НЕВЕРОЯТНЫЙ ПОРЯДОК ХОДА

Я понял, что время – неясный старинный глагол,
Достойный рыданий, вот только над чем, непонятно,
Тут хода порядок такой, что, куда ты пришёл,
Никто не ответит, но древо шумит благодатно.

Не сам по себе, а цветеньем, горой иль рекой,
Пойдешь, как решил иль заране схватил без желанья
В божественном мраке, – к движенью готовой рукой,
Уж ей-то известны сказанья, веленья, преданья.

Вот рында звенит, вот корабль полетел по волнам,
Тут встреча – везде, но причудлива графика мира,
Все это – и слово, и явь, что подвинуты к нам,
Как варварам древним, – певучая древняя лира...

Где ты, одиночество? Где тут числа волшебство?
А вместе с победой, которая тут коренится,
К чужому стремишься, ничем не сломив своего,
И всюду находишь своё, что к тебе же стремится...

Есть радости невероятный ход,
Она как будто, зная не зная,
Сюда явилась, и с другого края
Всемирной бездны, где она растёт.

Ты знаешь край, где яворы шумят?
Иль Сирины поют без перевода?
Он тут и там, но был удержан взгляд,
Чтоб радость чудом не имела хода.

Да тут очаг, да вот же, это Он,
Трилистник в этих радостных камнях,
Да ты пришла! Неясная в виденьях,
А тайна – наяву, – и шум, и звон,
И слухом облюбваны, и зреньем,
Не стон Земли, но даже если Стон...

Есть в сумерках пресветлая черта:
Она из графики чудесной
Выходит, – как живая красота, –
Земной, дорожной и небесной.

И сумерек неодолимый вождь,
Гробовщика обличие имея,
Меняет знак, и безупречный дождь
Вдруг сыплется, дымясь и пламенея.

И дьявол, совершенный богослов,
Тут поражен безмерным изумленьем,
Среди камней печален, – Бог помилуй,
Да он же, гром иль совершенный ум,
Тут сломлен красотой, как дикой силой.

Тут доблесть церкви деревенской в ней,
А там, над кладбищем великих скоморохов,
Трилистник пламени, как ход незримых дней,
А даль пространств, как храм Ильи-пророка...

ТОСКА-КРУЧИНА

Великий мир, наполняющийся тоской,
Радует сердца, на ходу пресекая, – ее,
Внезапно то, что казалось черной доской,
Предстанет иконой, – Георгий вонзил копьё

В серебряные кольца Дракона и чудно глядит,
Точно в Рай, в земляной Океан, –
Тоска-кручина Древом встает посреди,
А не то вьется, как благодатный туман

В псковских лесах, – осенью или весной,
В Элизиуме совершенном, где хоровод, –
Птиц и зверей, – рисующих круг земной,
На котором располагается вечный народ, –

Черный монах, выходящий из черноты,
Покажется огромным, угрызнувшим в темных веках,
Пока не увидишь, – что он такой же, – как ты,
Кисти, книга, и роза в руках, –
Монастырская, ослепительной красоты...

СТОЛБЦЫ О ВРЕМЕНИ

Владимиру Макаренкову

На 15-летие альманаха

ПОД ЧАСАМИ

Земля другая летит к Земле,
И то не ужасный сон,
А Встреча, начертанная в Числе
Бегущих, как волны, времен.

Летят друг к другу материки,
Хребты и развилки рек.
И, верно, нам горевать не с руки
Листая за веком век.

При чем тут время, как некий знак,
Коль ясно, что в тот же час,
Ты там, где будешь? – а если так, –
Но это другой рассказ.

И там, где не был, а здесь, где ты,
(Элейской школе поклон!)
Тут все –местилище красоты,
И ужас со всех сторон.

Вот мысль о времени, – это ход,
Да только совсем иной,
И что-то роет премудрый крот,
И Царь вернется домой.

А время – это любой предмет,
Да в нем обитает магнит.
И в этом тайного смысла нет,
Но Древо Желаний шумит.

И семь стволов, и разбег ветвей,
И листья с тобой заодно –
Да где-то рядом умолк соловей,
Гафиз разливает вино.

Но время, Талифа храни от него, –
То зверий неясный след,
Искусство чистое и волшебство,
Оттуда возврата нет.

Качнется маятник, дождь заблестит
Да кто-то спешит во ржи
К тебе навстречу, И Бог простит
Явленье времен чужих...

РОЖДЕСТВО НОВОГО ВЕКА

Я заметил, что все проходит,
Возвращаясь в урочный час,
И веселые речи заводит
Новый век, прилелеявший нас.

Мне богатство дано сегодня,
И на том покоится Твердь,
Верно, воля на то Господня, –
Видеть молодость, видеть смерть.

Вот по-царски проходит старуха,
Строгой свечкой озарена,
Вот, как веянье чистого духа,
В тишине молодеет она.

Вот прекрасная юная пара,
Я не знаю, где и когда
Видел я зацветанья дара,
Что попал ненароком сюда.

Все разрублено на две части,
И встают круги бытия,
Не имея единой власти, –
Этой властью владею я.

Для того совершилось зренье,
Весь простор его и чекан, –
Видеть тленье, видеть Творенье,
Что уходит в цветной туман.

И легко связать воедино
Два угодя юдоли земной,
Поглядишь, а в храме пустынно,
Даже это было со мной.

Но грядущее не безплотно,
А таинственно взято в Удел,
И придется принять свободно
То, что взять от небес хотел.

Да в распевах церковного хора
Как слышится «Дева днесь...»
Верить звукам живого простора,
Что единое крепится здесь...

ПОЦЕЛУЙ АНГЕЛА В ОБРАГЕ

Ты возвращаешься, мелодия, из бездны
Дней, лет, веков, туда, где саранча
Летает тучей, свет затмив небесный,
И все пожрет, растенья, кров, очаг.

Но как-то связаны ужасные явления,
Тут зеркало во мраке, тут наход
Прекрасных звуков для иных забот,
И сгинет саранча, – как поколенья,
В истории поддельной ясный брод
Найти не в силах, и недоуменьем
Закончится России черный год...

ПАМЯТИ ДЕМОНА

Как все было? Да связка мелодий
Из диавольских сфер
Долетела, как вещей пример,
До старинных угодий.

Все распалось, как Демон велел,
Расползлось, расточилось,
Даже сам Он не то окошел,
Иль иначе решилось.

Перечеркнуто время, как слово,
И другое взамен
Кто-то чертит, чтоб варварский плен
Не устроился снова...

Огнекрылая туча находит,
Дольний рокот теснится навстречь
Красоте, что случайно заводит
Никогда не звучавшую речь.

Когда закончится война,
А мир начаться не успеет,
В Аду издохнет сатана,
И темный дуб зазеленеет.

О да, старинный этот Ад
Повсюду зыблется и зрится,
Нас ждет готовая темница,
А рядом белоснежный сад.

На что он? Но живая мысль
Явилась, как предел цветенья,
А с ней – ужасные виденья,
Да тут же с миром разошлись.

С Костлявой в карты не играть,
А жить нездешними трудами, –
И мир нетленный собирать
В корзины, – зрелыми плодами...

МЕЛОДИЯ И ХУДОЖНИК

Ты с ним без принужденья столь добра,
Не без участия мудрости змеиной,
О да, в расщепе ясного пера
Он для тебя нашел удел старинный.

Ты жестче стала здесь, но веселей,
Туманностью ты стала Крабовидной,
Костром в пустыне, сказочных углей
Мерцаньем, гулом, корабельной рындой...

Не заунывной песнью (Где? Когда?)
О чем-нибудь, да хоть бы о Потопе,
Да нет, паваной, и принцессой в гробе,
И вдруг живой и ясной, как всегда...

ОКНО В ЦЕРКОВЬ

На том краю Вселенной, где-то там
Я помню крепкий дом и белый храм,
Как доказательство существования Бога,
В тот храм вилась старинная дорога,
С горы в долину влажную, из лога,
Где сеял дождь всегда, как будто так,
Из звонкого, прорешливого рога,
И, покидая тот волшебный мрак,
Дорога красотой неимоверной всей
Должно быть, заходила в Элизей.
Над Белым озером шумели облака,
И молнии вились, как гений места,
И чистый Дух струился, как века,
Вкруг церкви Власа и Модеста...

Куда пойдешь? Нам целый мир чужбина,
Как говорил таинственный певец.
Как на ладони – милая долина,
А в ней великолепный гул сердец,
Сокрытый двигатель, первопричина
И, может быть, начертанный венец.
Да тут нельзя остаться, Бог помилуй,
Тут Колыбель, и гады к ней ползут.
Задушишь их в объятьях, – тут как тут,
Тебя зовут с неодолимой силой
И Промысел, и несравненный труд.

К черту этот мир Модерна,
Что шумит из всех углов,
Это дьявольская скверна
Иль космический улов. –

Знать нельзя, но можно сходу
Не желая тленных дел,
Возвратиться на свободу
За неслышанный предел.

Видишь, замерли столетья,
Труд замолк, как вещий гул,
Из всемирного наследья
В необъятное шагнул.

Видит он, Огонь, Пещера,
И Дитя среди рогов,
И Рождественская Сфера,
Как живой и вещий кров...

ЗАГАДКА

Я не знал, что так бывает,
Правда, верил – неспроста,
Что чужбина – убывает,
Но приходит – красота.

Серафическим, звериным
Следом, ходом бытия,
А не то углом старинным,
Где другие – ты и я.

Мягкий снег средневековья
Выше радостей и бед,
Что за мир – без предисловья –
Развернулся, как Ответ?

Что за город я увидел
В том пленительном году?
Эти стены, эти башни,
Точно горную гряду?

Как чужбина убывает,
Так-то вольно говорит,
Новым солнцем завывает,
Белым пламенем горит.

Вся земля звалась чужбиной
В этот год, но здесь, сейчас, –
Разрослась из мысли длинной
В точный, царственный рассказ.

Что я спрашивал? Откуда
Я пришел, чтоб разгадать
Начертанья тьмы и чуда,
Тайну, свет и благодать?

И, уверенный в незримом,
Тайну встретив наяву,
В мире этом обратимом
Без возврата я живу...

КРУГ

Все будет так или иначе,
Но безысходно ясен путь.
Душа моя! Давай заплачем
Когда-нибудь, когда-нибудь.

С полей вернувшись элизейских,
Вот так рыдала ты впотьмах,
В краях Московии злодейских,
На шумных призрачных холмах.

И снова горькими слезами
У Древа Жизни, там, в раю,
С тобой весна под небесами
Окликнет родину свою.

Как волшебство единой нивы,
Огня и ветра тайных вздох.
И свет обратной перспективы
И взгляд, которым правит Бог...

Городские стихи потрясают тоской,
И без них обоудный простор городской;
В них узлы и закруты подземных дорог,
Где по лестнице адской с подругой своей
Ты плывешь, точно элин, измеривший рок
И заране спасенный разгадкой скорбей;
И недаром зловредного полиса круг
Начертил ты до опыта в ясном уме,
И таинственно-весел, и полон заслуг,
Ты живешь, как Пракситель, в разрубленной тьме,
Вместе с Фриной своей превращен за грехи
В золотые стихи, в городские стихи.

ЕДИНОЕ

Я уже мелодии не верю, –
Божьей дудке, тьме полужемной.
Вот за эту скорбь или потерю
Шумный Див рыдает надо мной.

Это дождь евангельский прольется
Как-то так, что нечего гадать, –
Что уходит или остается
Или где таится благодать.

Днепр шумит и блещет из-за тына,
Это радость, но таится в ней
Мысль, – что с древним хаосом едина,
И печаль, что утра мудреней.

Все равно не верю, То иль Это,
Но порядок Хода прост и чист,
Как прерывный соловьиный свист, –
Здесь, сейчас, не прежде или где-то...

СЕРГЕЮ РАХМАНИНОВУ

Русская мелодия, низкие небеса,
Точно кедровый лес, – закатная полоса
Переходит в рассвет, крепостные ворота
Открываются, и античный рассвет
Обнимает дубы, льется тысяча лет
Из кувшина, – и черт посреди огорода
Окончательно спутался, – русский мужик
Загадывать мастер, и нет разгадки, –
Отрок берет свирель, и пламя среди межи
Золотой ящерицей хватает за пятки, –

Вьются триста веков, это дух огня, –
Совершенной прохладой, – тебя, меня
Овекает, – русская мелодия, лето,
Возвращенный, потерянный и совершенный рай,
Конь, отпущенный скорбь тому, поднимается где-то,
Встает из нивы, – да ты только играй, –
На свирели верной, полуприкрыв глаза,
Вброд переходя поток, ясный, как небеса...

МОНАСТЫРСКАЯ ЗЕМЛЯ

В этих кельях сегодня темно.
Дуб-подросток в знакомом пейзаже
С древней радостью смотрит в окно
И недаром поставлен на страже.

Все равно, что народ далеко
И прекрасен, как вещие тени, –
И нечаянно знают ступени,
Как входить безысходно-легко.

Как гнездо, расшумелся очаг,
И трилистник огня золотого
Только ждет, что нечаянный шаг
Прошумит, как внезапное слово.

Потому что в алмазной пыли
И в мерцании влажных жемчужин, –
В этой дымчато-синей дали
Некий редкостный звук обнаружен.

Верно, арфа Давида-царя,
Что великим прославлен смиреньем,
В этих долах звучала не зря,
И чудесным растет избавленьем.

В бриллиантах и каракулях
Стоязыкий Петербург,
Электрический, во мраке ли,
Прост и чист, как демиург.

С фонарями на моторах
И похожих на гроба,
Веют песни, из которых
Вьется лунная тропа.

Провалилось все заране
Или зыблется сейчас, –
Не узреть в живом тумане.
Только блеск прекрасных глаз.

Как чума или холера,
На гигантский материк
Вроде вещего примера
Переходит этот лик.

Да едва ли растворится,
Разве словом станет вдруг, –
Да внезапно озарится, –
Бог заходит в этот круг...

Василь ДРОБОТ

И СТАЛО РУНО ОВЧИНОЙ

КРИТЕРИЙ

И только то верней всего,
На чем душа стоит,
Когда не слышит ничего
И все от всех таит.

И не поддерживает ссор,
И лишь с судьбой – «на ты»,
Когда готова на костер
Во имя правоты.

Ведь где-то в ней критерий есть
Решения всего,
И нынче жизнь, и смысл,
и честь
Зависят от него.

Все остальное – блеф, и треп,
И скользкие края...
И нет на свете легких троп,
А есть одна – твоя.

Я должен просто говорить,
Стихи возникнут сами –
Строки невидимая нить
Спрядет и звук, и пламя

В единство слов: взамен себя
Оставит в мире фразу,
Где все события без суда
Сойдутся вдруг и сразу.

Такая радость мне дана,
 Не ведаю, на сколько:
 Вдруг распадется лет стена
 На тысячи осколков

И превратится в новый миг,
 И одолеет муки,
 Даруя миру тот же мир,
 Но в образе и в звуке.

Так близко грань за коей – тьма,
 Что и не верится доселе...
 Живу, одетый, на постели,
 Вокруг – деревья и дома.

Застроен очень плотно мой
 Неповторимый город Киев,
 Какие дали здесь! Какие
 Сугробы вырастут зимой!

Глядит история в окно
 И дышит, протирая стекла,
 И день осенний, светлый, теплый
 Глядит с экрана, как в кино.

И отдыхает на стене
 В лучах написанной картинкой...
 А жизнь летит, как паутинка,
 И вдруг теряется в окне...

ИЗ АРМИИ

День, что привел домой,
 Был для меня бедой:
 Ласковый город мой
 Встретил меня – седой.

Встретил седой отец,
Рядом – седая мать...
Жизнь моя, как истец,
Пропасть вложила в гать:

Солнца сиренев цвет,
Бледные лица вкруг...
Что же ты, Божий свет,
Смертью встречаешь вдруг?!

Где моя жизнь лежит,
Радость моя, любовь?
Как теперь буду жить
В вечности голубой?

Смотрит беда в упор,
В небе и в солнце – грусть...
Так и стою с тех пор –
Встать на перрон боюсь.

Медлительная поступь дня
Все карты путает мои.
Приди, судьба, найди меня,
Того, что будет, не таи.

Открой пред страждущей душой
Хотя бы шелку через край
В осенний мир, большой-большой,
За покосившийся сарай,

За тот, в заборе, голый прут,
На лист и цвет лишенный прав,
За иву, легшую на пруд,
Подол отчаянно задрал, –

Туда, где просинь глубока,
Туда, где бродят облака,
Туда, где мальчик за рекой
Кричит и машет мне рукой...

ВЫСШАЯ ЛЬГОТА

Отмена льготы для «детей войны...»

Из сообщения ЖЭКа

Я – тоже «дитя войны»,
Носитель неявных льгот,
Полученных без вины,
Не помню, в который год.

Я – тоже ее дитя,
И помню ее как мать:
Ловил самолет, светя,
Прожектор, чтоб в клещи взять.

Он шел меж домов и крыш,
Касаясь крылами стен...
Разорванной – пала тишь,
Сдаваясь разрывам в плен;

Людей поднимал от сна,
Гремел, разрывая слух,
И падала вдруг стена
Меж окон, разбитых вдруг.

Я помню салют войны,
Когда ей пришел конец –
Мне залпы запали в сны,
И рядом – всегда отец,

Которого нет давно,
Не знаю, по чьей вине...
Но – льготой войны дано
Мне видеть его во сне.

КИЕВ – 2014

Ползет страна по кромке мира,
Над самой пропастью ползет.
Не ждет тропа, не греет лира,
И справедливость не везет.

Кто прав, а кто во всем виновен?
Кому – поклон, взыскать с кого?
Ползет страна по краю, вровень
С обрывом мира своего.

В огне пожаров тают выси,
И в окна льется чадный свет...
И от меня сейчас зависит,
Она воспрянет или нет.

Продлись и будь благословенна
На свете жизнь до крайних пор,
Пока несется кровь по венам,
И бесконечный разговор
Ведут друг с другом тишь и ветер,
Под солнцем или в свете звезд,
Пока – то день, то ночь нам светят,
И глазу виден Млечный Мост
Над вечной пропастью... Пожалуй,
Прекрасно все, что нам дано.
Убереги нас от пожаров,
От бурь, что вызрели давно,
Позволь растаять этим силам,
Скопившимся для ратных дел...
Пусть буден свод небесно-синим,
Благим и радостным – удел.

Любая секунда – Время,
Любая улитка – Жизнь,
Любая оплошность – лемех
Для целого поля лжи.

И мир позабыт вчерашний,
И найден войне резон,
И зуба дракона в пашню
Бросает в сердцах Ясон.

И есть для того причина,
Такая, что свет пожух...
И стало Руно овчиной,
И шьют из него кожух.

Тс-с, не вспугните тишину.
Она, непуганая, – слаще,
Когда струится с веток в чаше,
Как будто в омуте – ко дну.

И луч заката вслед за ней
Скользит почти неслышно с неба,
И словно брызжут искры снега
В полозьях мчащихся саней.

И с траектории луча,
Скользнув над крышею сарая,
Звезда срывается, сгорая,
А принимается – звуча.

ПЕРЕД ИКОНОЙ

«Утоли мои печали»

Моя печаль неуголима,
Поскольку нет со мною вас.
Ведь унесло вас время мимо,
Оставив мне мой горький час.

И так он долог, что невольно
Переживу не раз, не два
Все те шаги, где делал больно,
И все обидные слова,

Что многим из живого люда
Мной сказаны, невесть когда...
Чтоб, даже избежав суда,
Не смел уйти от самосуда.

Я свое непощение
Сам себе не прошу.
Так Давид с отвращением
Опускает пращу.

Так летит подгоняемый,
Точно ветром, снаряд,
Так кометы отчаянно
Над планетой горят.

Все прощаю на свете я,
Потому что жива
Наша пара – соцветие:
И дела, и слова.

И прощенье даровано
Не за то, что чиста,
А что щеки зареваны,
И припухли уста.

Все не имеет значения,
Мир живет, не вина...
Просто, это прощение –
Все, что есть у меня.

ГОЛОСЕЕВСКИЙ ЛЕС

Овраг огромный, в нем – ручей
Бежит, жары не замечая,
С водой прохладной. Сто лучей
И провожают, и встречают

Его под кронами леска,
Что Голосеевским зовется...
Бежит, и цель его близка,
И он до речки доберется.

И князь Владимир здесь бывал,
Меся ногами грязь и слякоть,
И Голосеевским назвал,
И разрешил здесь людям плакать.

Точней – по Богу голосить,
Кому нельзя уже молиться...
Его Указ, позволив жить,
И души им вернул, и лица.

И потому ручей бежит,
Попав из тех веков в грядущий,
Что тот Указ, позволив жить,
И лица им вернул, и души.

Новое утро стирает вчерашнюю боль,
Носятся птицы у окон и держат строй.
Где-то закончен обстрел и запнулся бой...
Лето настало, и ты у окна постой.

Небо синеет, роняет свои лучи,
Тихо на улице – спит, не проснулся мир.
Целое небо звезд родилось в ночи,
Нынче ушло под утро, в восхода миг.

Светятся окна от солнца сплошным огнем,
Город уже проснулся, восстал из сна.
С майским тебя, с наступившим
и чистым днем!
Пусть он не знает, что где-то идет война.

По когтям узнаю тебя...

Борис Пастернак

Я не могу сказать: «Рубцуй!»,
Поскольку – не один,
А риск народу не к лицу:
И так хватает льдин,

Гурьбой плывущих по реке,
Когда крошится лед,
А светлый Дар горит в руке
И просится в полет.

Свободы нет. Есть вечный зов,
Попрание, толпа,
И вновь – познание с азов, –
Тупейшая сапа.

Сюжет расписан, утвержден
И воплощен в войну,
И каждый в ней приговорен
Искать свою вину,

Поскольку жил, поскольку ел,
Творил, любил, страдал...
Так что я здесь недоглядел?
Чего я не отдал?!

НОВОМУ ДНЮ

Дождливое, но все же, утро,
Под мокрым небом – мокрый дол.
На беззащитной пяди утлой
От марта только град не шел.

Но это – жизнь, и верить надо,
Что не пошлет на смерть людей
Ни для надуманного лада,
Ни ради пламенных идей:

Она – превыше... Дай ей силы,
Проверь на прочность, на изгиб,
Чтоб вдруг, под этим небом сирым,
Никто сегодня не погиб.

А я достраиваю мир,
Вдруг оказавшийся неполным:
И то, чего я в нем не помню,
И то, чем плох, и чем он мил.

Достраиваю словом, вновь,
Вдруг воплощенным в то, что надо,
С которым Лира ищет лада,
А ты, душа, не прекословь.

Забудь, что это не дано,
Что так на свете не бывает...
Глядишь, а мир-то оживает,
Звенит и бродит, как вино.

Но нам нельзя не верить в чудеса.

Вероника Тушнова

И нам нельзя не верить в чудеса:
Пресветлый день, и солнце в окнах пляшет.
Должна пройти несчастий полоса,
Взгляните, вон крылом синичка машет.

Стрижей не видно, хоть и прилетал
Разведчиков отряд, но – улетели.
Туда, где остальные ждут у цели...
Чуть потеплеет – будет первый бал.

Стрижи танцуют в небе – не летят,
Такая птица стройная в полете...
Вы приглядитесь только – и поймете,
Когда призывы птичьи зазвучат,

И мир придет, огромный, и родной,
И мирный, а особенно – для близких:
На наших землях всюду – обелиски...
Так пусть у смерти будет выходной.

ИЗЫДИ!

Не может быть подлец поэтом,
Не может быть поэт дерьмом.
Поэт живет на свете этом
И пишет чувством – не умом.

Ум – ангажирован, и чувство
Не подчиняется ему,
При этом, Музу слышит чутко,
Идет за ней сквозь свет и тьму...

И вдруг очнется в куцах рая,
Познав немало бед и лих...
А подлым Муза не играет, –
Она не замечает их.

И потому они бесплодны,
И не спасает их клише,
Ведь строки честны и бесплотны,
И просыпаются в душе.

Звучат на свете: ярче, глуше,
И принимаются в сердца,
И знают в мире только душу,
Которой нет у подлеца.

Смертное краше бессмертного,
Смертному выжить нельзя.
Все эти зори несметные –
Смертному – только стезя.

Только пройдет, не останется,
Канет в безвестную мглу...
Тропочка вечности тянется,
Делая крюк на углу.

Все повороты и линии,
Без воспрятья – ничто.
Вечное – синее-синее...
Смертное – дышит, зато,

Смотрит, и видит, и мается,
 Любит, лелеет, хранит...
 Это ему улыбаются
 Мрамор и даже гранит.

Вся жизнь – это вера в чудо,
 Его ожиданье в мире,
 Стремленье идти отсюда
 Туда, где звучат на Лире

Искомые ноты смысла,
 Зовущие от порога
 Туда, где судьба нависла
 Над жизнью, тепло, но строго.

Всей жизни – дорога эта:
 За смыслом, за звуком, словом –
 Туда, где лавина света,
 Туда, где родишься снова...

Мир в напряжении, и ночь
 Приходит не отдохновеньем,
 А вечной пыткой: превозмочь
 Беды ползущие мгновенья.

Не изменяется судьба,
 Несет по небу тучи низом,
 Меж них – одна звезда, как вызов,
 Сияет – лампой со столба.

А завтра миру – снова в бой,
 За жизнь, за честь, за человека...
 На плечи молодого века
 Ложится вековая боль.

Андрей НОВИКОВ

ЗЕЛЕНый ЦВЕТОК

ЗАПАХ МИРА

Светится зеленая ограда,
Тени расплзаются, шутя.
Розовыми пятками по саду
Мнет растенья малое дитя.

Изнывая в перевозданном зное,
Ощущают приступ духоты
Брошенные в марево земное
Синие и красные цветы.

Наблюдай за малышом и робко,
Ощущай библейскую тщету,
Леденцов душистую коробку,
Запах мира, сада красоту.

ВОЗРОДИВ ОГОНЬ

Возродив огонь из сажи,
Сотворив еще чудес,
Никому не скажешь даже,
Что и сам теплом воскрес.
Пламя языками чалит,
Треск костра почти затих,
В толкование печалей,
Или радостей благих.
Обостряет воспритье,
Познавать явленья суть,
Это странное занятье –
Изучать лучистый путь.
Жить бы дальше не по числам,
По законам естества,
Даль и тьму наполнив смыслом
Одинокого костра.

ЛАСТОЧКИ

Гудит натруженная Волга,
Реки змеится тучный створ,
Вода не заживает долго,
В порезах от прибойных волн.

Шумы винтов и эта пристань,
На барже синяя руда,
А выше, как внезапный выстрел,
Дневная выскочит звезда.

Коричневые сохнут сети,
Озона призрачный глоток,
Бегут на мелководье дети,
Парома хрипловат гудок.

Вот память! Ей любить и плакать,
Реальность больше бережет,
В песке рыжеет ржавый якорь,
И солнце тихо плечи жжет.

Порою радиодиспетчер,
Загнет соленые слова.
И стригли антитезой вечер
В полете ласточки едва.

СЕЛЬПО

В сельпо на клейкой ленте мухи,
А в бочке с дождевой водой,
Купались солнечные слухи,
И пах прилавок лебедой.

Ленивые под зноем мертвым
Пасутся поодаль бычки.
Отец в зеленых модных шортах,
Солнцезащитные очки.

Старухи сельские судачат:
– В трусах учитель, вот беда,
Да и слепой он не иначе...
Семидесятые года.

Мне девять лет и жизнь раскинет,
День в магазине заводной,
Индийский чай, где слоник синий,
Кальмары в банке жестяной.

Отец в ответ улыбку прячет,
За пять рублей берет коньяк,
И ничего уже не значит
Сто первый километра знак.

И репродуктор тянет песню,
О чертовом, о колесе...
Здесь гвозди и селедка вместе,
На выселках Москвы. Как все.

КАЛЛИГРАФИЯ

Непостоянство кружит голову,
Дождем с утра укрыв края.
Вода мерцает в лужах оловом,
Вернувшись на круги своя.

Как в черно белой фотографии
Контраст необходимо чист.
И мокрой шиной каллиграфию
Оставил велосипедист.

РЫБОЛОВ И ПТИЦЕЛОВ

Где святы голуби и дети,
Язык тех мест мне был знаком.
Орешника тугие плети,
Цвели зеленым молоком.

А рядом – зонтичные сныти,
Прохлады отдавали суть,
Благотворили цепь событий
И отворяли новый путь.

Два паренька в траве курносых,
На птиц расставлены силки,
И поплавок торчит вопросом,
В дождливом мареве реки.

Погода – дело наживное
Приносит сырость светотень.
Природа копит горстку зноя,
И наполняет смыслом день.

Реальность шлет свои законы,
И в строе дел, земных основ,
Полны торжественным резонансом
И рыболов и птицелов.

МЕТАФОРА СУДЬБЫ

От праздничной пальбы,
Смутился виночерпий.
Метафора судьбы,
Погрешностей не терпит.

Ярится душный гром,
Запрягший цугом звезды.
Где моря ровный бром,
Мертвеющий и мерзлый.

Несносное дитя,
Играет с хлебом пресным,
Жить для себя, шутя
Безумно интересно.

Но все ж имей ввиду,
Должно быть в назиданье,
На ржавую звезду
Наколото сознание.

Жары и стужи взмах
Крылом заденет ломким,
Выскальзывает прах
Из божьих пальцев тонких.

Вселенская тоска
с нелепым безобразьем,
Затихла у виска...
А заказали праздник.

БУКЕТ

В одну постель, в одну картину,
Запечатлеет ночь уют,
Цветы в растворе аспирина,
Через неделю не умрут.

Где люстры желт и пылен конус,
И в мокром завихренья май.
Бездомный вечер, то бишь, бонус,
Сухими пальцами ломай.

Налей вина, губи подругу,
Прими на грудь и благодать,
Часы по замкнутому кругу,
В тиши затекали опять.

Давно в стране зеркал разбитых,
Не праздновал даря букет.
Мы поцелуями умыты,
И не воссозданы в ответ.

ЛЕГКИЙ ДУХ

Бывает, время отворяет внезапный половицы скрип,
Бессонницу измеряет, значение ее язык.
Опять заносчив и спокоен, невнятным вверисься ночам,
И только из привычек скроен венец оправданных начал.
Где крыши нет над головою от проходных дворов и ниш,
С бесхитростным и ладным строем заходит в душу эта тишь.
Здесь Млечный путь с дыханьем трудным навис в обнимку с пустотой,
Блажен, кто мир увидел людным и наслаждался простотой.
В песке ребенок домик строит, трудом младенческим пыля,
Он этот мир сейчас откроет и окрылит его края.
Пока относит непреложно он майского жука к богам.
Здесь мудрость мира, как из ножен выхватывает ятаган.
И небо льет в глаза свой пламень, укрыта черная земля.

Умрет волна, раскрошит камень фатальность инобытия.
Идет с характером плечистым, нетленный слог и тайный знак,
Возникнет день в раздумьях чистых, уйдет не поднадзорный мрак.
Кто грешен, тот за все ответит. Шепчу как заклинанье вслух,
Про то, что безутешно светел, как радуга мой легкий дух.

РОЗЫ И РАНЫ

Прощальные титры с экрана,
Районного кинотеатра,
Любовь начинается рано
И дерзко уйдет безвозвратно.
Залетная девушка-пчелка,
Щенячьи и детские страсти,
Беретом укрытая челка,
И ночи волнующий аспид.
Прекрасна моя незнакомка,
Романов и связей предтеча,
Упрямое время вдогонку,
И лечит тебя и калечит.
Живем в этом воздухе грозном,
Летальною верою этой.
Вокруг только раны и розы.
Любовь обжигающим летом.

КОРАБЛИКИ

Звенят стаканы в подстаканниках,
Зеленый золотистый чай,
Ты едешь в поезде избранником,
И дремлешь, сидя, невзначай.
В купе, по коридору мокрому
Мелькают отсветы окон,
Леса за солнечными стеклами
Обогащают лексикон.
На лицах тени сложным рубчиком,
Не новая колода карт,
Простое бытие попутчиков,
Разгар июня и азарт.
И почему-то пахнет яблоком,
Во всем подвижный этот свет,
В котором мастерит кораблики
Ребенок из сырых газет.

ЦВЕТОК ЗЕЛЕНЫЙ

Жизнь устает печали мерить,
И толковать приметы в путь,
Туда где створчатые двери
Успеют времена сомкнуть.
Запомни, в этот век железный,
Пока еще ты молодой,
Дни вытекаю бесполезно
Из крана жесткою водой.
Где распадаются в пределах,
Уходят в наважденье прочь,
Тобой и вечностью, без дела,
Читаемые день и ночь.
Пусть млечный путь нависнет кроной,
Над миром, что ужасно прост;
Где в вечности уединенной,
Цветок зеленый и погост.

ДОЛ

Швыряет полдень на весы небес: где гром, а где прохладу.
Пастух, бегущий от грозы, застывшее у речки стадо.
Огонь и хлябь – благая весть, покуда в напряженье полном
Поток готов в запруду сесть перед раздвоенностью молний.
Они родят лиловый дым, по полю он ползет украдкой.
Куря и смешиваясь с ним, пастух дрожит под плащ-палаткой.
Осмысливая страх и вздор, пугливость вымокших животных,
Достал он красный помидор, лоб утерев ладонью потной.
И дух отчаянно хмельной, среди пернатых и растений,
Качают головой больной кусты в стеклянном оперенье.
И дол, в затишье на испуг явился, первозданно скроен,
Как будто делом наших рук освоен и благоустроен.

ВОДОВОРОТ

Виден подмалевок лета,
Счастья выговор сполна,
На асфальте разогретом,
Только молодость одна.
И она в бейсбольной кепке,
Часть пейзажа наугад,
Глина в вязкой божьей лепке,

Сквозь автомобильный смрад.
И всего лишь – часть пейзажа,
Обжитого просто вдрызг.
И вода летит как сажа
От сухих фонтанных брызг.
И звенит над самым ухом,
Подростковый легкий день,
На скрещенье плоти с духом,
Кверху брюхом ставя тень.
Город нов и перепончат,
Как ботаник близорук.
Вермутом теперь не потчуй,
Самомненья медный крюк.
Уж небес скрипят стропила,
Да инако смотрит свод.
Все что есть, и все что было –
Времени водоворот.

БАЙКА

Ночник погашен в голове
И солью тьма блестит ученой.
Во сне увидишь сразу две
Коляски колбасы копченой.

Веселых пионеров клич
Был голенастым и отважным.
Суровый, бронзовый Ильич,
Взирал на это с плотской жаждой.

Заняли деньги на пропой,
Бомжи и новостные ленты.
Костер осинового щепой,
Разворошили диссиденты.

Несется грозное «Ура!»
Над лысой черепной коробкой,
Забор, портвейн «три топора»,
Скопилось время серной пробкой.

Я пил боржоми сколько мог,
Не поздно было вспомнить байку.
И бодрый дефицита Бог,
Напялил с модным лейблом майку.

Нина ОБРЕЗКОВА

КОМИ-ЧЕЛОВЕК У РУССКОЙ ПЕЧКИ

В утренней тиши лишь трич да треч –
Это мама спозаранку затопила печь.
Сонные глаза смыкаю ненадолго...
Счастье моё детское одеялом теплым
Умягчу, укурю – душеньку потешу
Нынешним покоем, будущей надеждой.

Все это со мною так недавно было:
«Маленькая печка в утренней тиши...».
– Радость моя, детство, ты куда уплыло?
Я ж тебя молила, только не спеши!
Потому что знала, иль напела печка –
Что такое счастье не бывает вечно...

В утренней тиши лишь трич да треч...

Кому в этом мире так нужна дорога,
Как человеку-коми, вросшему в нее нутром,
Душою всей, кровью... во славу Бога
Бредущему? Ноги знают, где мир и дом.

Рюкзак привычен, покуда длинна дорога,
И писк комаров торопит: вперед! вперед!
Но ляжет печаль на сердце – легко, немного –
И душу ласкает, всё-всё, что в дороге ждёт.

До жалоб ли, если к дому вела дорога
Из самой погибели, из далекого далека,
Любя во мне человека – судила строго,
И это загад дорожный – ей-ей – богат.

Кому в этом мире еще нужна дорога,
Как человеку-коми, живущему ей одной.
Смотри, все бредет... но к дому выносят ноги,
Да хоть умирать... все в радость в земле родной.

Может мне давно уже вернуться
надо было к роще на ветрах.
Надо... Надо...
только в тех мирах
оказаться я чужой боюсь.

Старый дом признает ли меня,
и калитка радостно ли скрипнет?
Если окажусь я не «своя»,
у порога радостно кто вскрикнет?

И откинет чья рука замок,
и, обнявши, кто проводит в дом?
Видно свой всему есть в жизни срок,
и сейчас признаться надо в том,
что давно пора вернуться было
к роще, меня ждущей на ветрах;
надо... надо...
но сильнее страх
«не своей», чужою быть, немилый...

Возле дома яблоком не пахнет...
Яблоням не в радость климат наш.
От морозов только щеки красны.
Яблока же кожа нежна.

Здесь ветра порывисто студены...
Ласка и тепло нужны плодам.
Мы с тобой привыкли к холодам.
Розовеют щеки у влюбленных...

Нас не испугают ветры жизни,
пусть лицо обветренно горит –
щек румяны яблочки поныне,
спелы, поцелуя ждут они.

Возле печки русской коми-бабушка
и печет и варит утро каждое:
собеседницы они знатные
и подруженьки-то желанные.

Помню, ела я с пылу, с жару
Шаньги-шанежки, колобки...
Печка с бабушкой пекли-пели
на два голоса песнь одну.

Печка в доме моем была русская,
В коми-доме – родном в веках.

В тех края, где в снах мы оба бродим,
обживаться мне еще не время,
подожду, жизнь и меня проводит –
беспробуден сон в тех дальних землях.
Но с тобою встретиться мне надо,
разговор земной в веках продолжить:
на мосту серебряном свиданье,
где вода, как жизнь бурлит под кожей...

За мной приезжала на розвальнях бабушка ночью.
У Господа много обителей в мире ее.
Там стать Человеком не будет возможности точно
И там, говорят, все бесплотное... даже жилье.

А здесь я привыкла, пусть в доме живу небогатом,
но чай мой душистый всегда на столе по утрам,
и в окнах заря полыхает, мы с доченькой рады
нежданному счастью, как бабушка вышним дарам.

Бабуля, родная, пойду, распрягу твою лошадь,
пускай попасется на воле ошашний денек –
там, средь облаков... у меня еще травы не скошены,
и много хлопот день-деньской... и покой твой далек.

Расскажи мне сказку, сказку расскажи
обо мне, но завтрашней... пусть радость
будет и не часто в нашем доме жить.
Радости, поверь мне, не бывает мало.
Расскажи мне сказку, пусть не обожжет
малую надежду будущего дня
сочные крапивы листья да осот
на тропинке к дому, к дому без тебя.

Не рождается солнце на западе – верила,
Пока мир не встал с ног на голову.
Я белым светом жизнь свою мерила,
А он – на авось попер, на удалого...
Говорили мне, что бывает так, когда
В нелюбви человек устает от себя самого...
Солнце мое, нараспашку двери и окна мои – всегда,
И печь затоплена, и у любви нет берегов.

Не торопи, не зажигай, успеем...
Лист золотой, откуда теплит день,
ночь не нужна с томительным бездельем,
ее не пустим в дом мы даже тень.

Пусть бродит где захочет, но поодаль,
ей силы испугать нас не даны...
Лист золотой души моей свободен.
Студеных ветров буйства не страшны.

Лист жизни золотой спасает душу
год не один, успеть бы все прожить...
Когда же хлада внешнего не сдюжу...

...Об этом думать нечего спешить.

Перевод Бориса ЛУКИНА

Татьяна КАНОВА

А когда корявая строка,
а слова – запутанный клубок?
А когда не ведает рука,
что в разнос пульсирует висок
и душа впадает в немоту?
А когда заботы – в полный рост?
А когда совсем неумогу
оттого, что жизнь коту под хвост?

А тогда веревка,
или яд,
или водки беспробудный хмель,
или ... шалью станет первый ряд
из неверно набранных петель.

МАМЕ

Суровым октябрем, несметною рябиной
приметы удручат в преддверии зимы:
в тревоге будем ждать, как в дом полезет иней
и ветхий кров ничем не отогреем мы.

Продрогшую избу лизнет в окошки стужа,
трескучая на слух, все бревна перечтет.
Лютующий мороз – досада, а не ужас:
пересидим январь, а там и март придет.

Припасены дрова, фуфайки, шапки, пимы.
У немощи в плену, но все-таки вдвоем
с тобою как-нибудь мы перетерпим зиму –
не вечная она. Поди, переживем!

СУББОТА

Суматошным банный день бывал:
всю семью он в кучку собирал.
Не хватало иногда воды –
доливали. Это полбеды.

Банный день, суббота, тишина –
баню я теперь топлю одна.
«С легким паром!» некому сказать.
Ничего. Я стала привыкать.

Я дома возводила, в которых потом не жила,
и полжизни ушло на попутки меж двух деревень.
И любовь неземная со мной невзаимной была,
а земная не грела и в самый засушливый день.

Я устала от строек, дорог и своей нелюбви.
Как без этого жить, я покуда не знаю сама.
Унимаю усталость, но только и вижу вдали,
что огарок мечты задувает метелью зима.

Я обращаюсь к солнцу и луне.
Бывает, разговариваю с ветром.
Бывает, ветер отвечает мне,
но тут же забывает сам об этом.
Я не в обиде – ветру недосуг,
да он еще и ветреник к тому же...
И даже дождь бывает мне как друг,
когда мои слезинки прячет в луже.

8 МАРТА

Восьмого утром баба топором
ломала лед, намерзший у колодца.
А в небе расплескалось море солнца.
И птичий гомон слышался кругом.
И в сельском клубе ставили цветы
на праздником окутанную сцену...
А женщина, себе не зная цену,
привычно натаскала в дом воды,
и печку затопила, а потом
еще полдня с обедом хлопотала –
восьмого марта гостя поджидала,
абы какого, баба-ледолом.

Оглянуться боюсь, и вперед страшновато смотреть.
Кто я? Что и зачем? И нужны ли кому-то ответы?
В глухомани своей доводилось и плакать, и петь.
Что еще доведется? И кто мне расскажет об этом?

Не успела за тем и за этим уже не спешу:
Ни чинов, ни деньжищ, ни наград, ни почета, ни званья.
И у трудной судьбы я давно ничего не прошу,
Кроме легкой судьбы своим детям, а мне – покаянья.

И с Кольёлем расстаться наверно уже не смогу –
деревенщина я.
Ни о чем мне Коэльо с Ремарком.
Что удержит меня?
Скромный домик, да жизнь на бегу,
да на жалких листочках небрежно – сплошные помарки.

НАКАНУНЕ

Еще не ослепившее сомненье
затешилось, но сердца не прожгло.
Еще едва заметное волненье
меня в пучину бурь не унесло.
Еще не сносит крышу робкий ветер,
предчувствие вороной не кричит.
Но уши настораживает вечер,
свернувшийся клубочком на печи.

ПОПУТЧИКУ

А я тебе зачем-то про стихи,
про музу и крылатого коня,
про лезвие отточенной строки,
зажатое в ладони у меня.

Потом еще про горные слова,
про звездопад и майскую метель...
Зачем я в эту даль тебя вела,
когда ты звал настойчиво в постель?

Скукота предзимья, тусклый свет,
чудом одолевший толщу лет.
Морозящим муторным дождем
время истекает хмурым днем.

Серый лес, безрадостно-чужой,
серый луг, задушенный водой,
дряхлой пашни серая тоска...
кажется, что серость – на века.

Но воздушный двинется поток,
небо рассупонится чуток.
Время, застывая на ветру,
инеем окажется к утру.

С тобой – из ничего и ниоткуда –
пришла и распалила душу мне
слепая страсть – любовь или причуда
У дикой безысходности на дне.

К тебе, наверх, карабкаюсь из бездны
и понимаю, что не дотяну:
мне руки сводит холодом железным,
и сердце ощущает слабинку.

Все дальше ты, и голос твой зовущий
моей душой почти неразличим.
Но, к высоте заоблачной ползущей,
мне виден свет. И мне не страшно с ним.

Едут на Мальдивы и Багамы
новоиспеченные мадамы.
А в Египет с Турцией на пару
просто, как пройти по Сыктывкару.
В иноземных далях диву много,
вот народ и тянется в дорогу.
Ничего зазорного не вижу
в том, чтобы дорваться до Парижу.
Но вкусив заморского немножко,
тянет на родимую картошку.

Я жду тебя, а в дверь стучится вьюжный ветер.
Когда усталый снег прилепится к окну,
я растоплю очаг мечтаньями о встрече
и строчкою стиха к руке твоей прильну.

Касанья моего ты даже не заметишь
и не поймешь, что снег теплее, чем всегда.
Мечты сгорят дотла, и ты меня не встретишь,
и по стеклу стечет соленая вода.

Я с судьбой своею взапуски
бегала за горнею мечтой.
Здравому рассудку вопреки
все мосты сжигала за собой.

Спотыкалась о любой пустяк
и сдирала кожу до костей.
Надрывала сердце за пятак
ни гроша не стоивших страстей.

Задыхаясь, прерываю бег –
все мечты тщетой перемело.
Я на раны щедро сыплю снег,
а не жжет! Наверно, заросло.

Разбивая вдребезги стекло
юной льдины,
выгребало старое весло
на стремнину.

Утлой лодки серые бока
обжигала
холодом неверная река –
замерзала.

Но весло упрямее реки
в эту осень.
И всего-то надо две руки,
надо очень.

Видно, погреться
в мой дом заглянула зима.
Печь протоплю,
не жалея березовых дров.
Книга откроется там,
где захочет сама –
гостье незваной
я выбрала сборник стихов.

К чаю горячему
в доме одни сухари.
С чаем вприкуску
прочтутся любые слова.
Что не поймет,
пусть заглянет зима в словари,
что не приглянется,
выкинет пусть на дрова.

В РОДИТЕЛЬСКУЮ СУББОТУ

По родительским субботам
ходят близких поминать.
В эту скорбную заботу
я старалась не вникать –

жизнь не баловала, точно,
но от горя берегла.
Я ведь в маменькиных дочках
полстолетия была.

А теперь в её избушке
свет в окошке не горит,
моя матушка-старушка
на дорогу не глядит...

По пунктирам хвойных лапок
проводив в последний путь,
на кладбищенскую лавку
я присела – помянуть.

Устало шаркая, сутулясь
уходит день.
На ленты вытопанных улиц
ложится тень.
Смолкают скрежеты и лязги,
в вечерней мгле
мельчают замыслы и дрязги.
И налегке
знакомой поступью бродяги
шагает ночь.
И отступают передряги,
заботы – прочь.
И если спрятано ненастье,
то тишина
меня уводит в одночасье
в чертоги сна.

7 ИЮНЯ

То ли ветер, то ли время
лепестки цветов рябины
рассыпает по округе
в изумрудную траву...
растранжирив понапрасну
жизни срок до половины,
на вторую половину
понадеявшись, живу.

ПОСЛЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МАРАФОНА

Было светло и грустно.
И не понять,
что собирает людей в этот гулкий зал:
то ли осталось еще, что себе сказать,
то ли тебе кто-то главного не сказал.

Было светло и грустно.
И так легко
слезы и смех находили себе друзей –
И было просторно тому, кто летал высоко.
А тем, кто из омута, попросту было больней.

Было светло и грустно:
в потоке фраз
душу свербели и жгли не мои слова –
то ли еще не пришел мой заветный час,
то ли на этот час мной утрачены все права.

Марина КОТОВА

МЫ ШЛИ МОСКВОЙ БОЛЬШОЙ ПОБЕДНОЙ РАТЬЮ...

Я Русь люблю – боры ее и кручи,
И шелест палевый колышущихся трав,
И солнце, что коровой красной, тучной
К реке спускается сквозь вещей шум дубрав.

Но не за то ль, что сердцу драгоценно,
За то, чем и дарил, и дарит Спас,
За то, что и мгновенно и нетленно,
Другие царства смотрят зло на нас?

За эти вот немислимые дали,
Где, встав на воздухе, как и века назад,
Над нами Божья Матерь расправляет —
И ветер на руки берет лазурный плат.

За руды черные, за самоцветов груды,
Что все еще хранит во чреве твердь,
За стены сосен, чье дыханье чудно
Земли отравленной одолевает смерть.

И вот шипят: достойна ль Русь наследий?! —
В тоске угрюмой – целое разъять,
Повыдрать когти Русскому Медведю,
Хозяином в его владеньях стать.

Плевать растлившимся, что плачут кровью лики,
Чужда им жажда душу сохранить,
И наша щедрость – сильных и великих:
Отдать, помочь, собою заслонить.

И невдомек копающим могилу
Народу русскому – так свет Телец застил —
Затихни Русь – живое сердце мира,
И оскотинится, и омерзает мир.

18 марта 2015

СВЯТОСЛАВ

Последний великий язычник священной земли, Святослав,
Дремучая даль за тобою синееет горами,
Заросшие старицы вьются ужами в лугах, –
Ушедшая древняя Русь золотых волхований.

Лесными слонами там в травах ступают дубы,
Сияют в глуши горлицы твои, медуницы,
По отмелям белым у говорящей воды
Нагие, но в сбруе жемчужной сидят водяницы.

Там частые звезды глядят из небесных окон,
И духи лесов, уловивши воздушные струи,
С травой, со зверями общаясь своим языком,
Качаясь в вершинах, в предчувствии солнца ликуют.

Там, честь воздавая былинному богатырю,
Хранят его след неусыпно угрюмые камни,
Там предки по зову земной покидают приют,
Чтоб биться за русскую волю с живыми на равных.

Последний рубеж за тобою. Родной старины не предав,
И русских богов не стыдясь, победитель Итиля,
Ты клялся Перуном и Велесом – богом скота
Пред чванной и хитрой умом Византией.

Погибших богов не зову я нарушить покой,
Но корни крепятся в земле золотыми узлами.
И так не хватает языческой, дерзкой, хмельной
Закваски твоей, воли к жизни твоей, Святославе!

20 января 2014

СВЯТОСЛАВ НА ОКЕ

На Оку на реку со дружиной пришел Святослав –
В ястребиный удел – луговые парящие дали.
Родники говорили о Солнце в косматых лесах,
И сырые дубы выступали навстречу волхвами.

Тесно русскому сердцу в стенах – не берет его хмель.
Дикой волей хмельно, да простору безмерному радо.
Покорять, брать в кулак, раздвигая пределы земель,
Чтоб насытить глаза изобильем небес неоглядных.

И в суровости дикой и мощи открылась Ока —
Золотая вода – прочим водам и рекам праматерь.
И щитами обрывов краснели ее берега,
И мечом золотым отливали пески на закате.

Ни котла, ни шатра – в частых звездах небесный покров,
Вещий голос Оки, дышит жаром дичина на углях.
Видел князь: просыпаются тонкие духи лугов,
Развивая ковры, что до сумерек прячут по дуплам.

И во сне по холмам продолжая дружину вести,
У костра от земли наполняясь великою силой,
Слышал князь: о былом и грядущем трава шелестит,
И, добычу ища, проплывает сова молчаливо.

За лугами – луга. И наткнулся на вятичей князь.
Ваши земли щедры – и рукою кругом показал он.
Дань даете кому, иль живете, зверями таясь?
И ответили князю: даем по щелягу хазарам.

Не жирно ли хазарам славянские пити меды?
Русским серебром звякать, копить соболей да куницу?
Потемнела Ока, зашумели, волнуясь, дубы,
В синеве розовой заметались тревожно зарницы.

И рече Святослав: Как от ветра дорожная пыль,
Да рассеется мрак, разбежится пред воями нежить!
Кличут русские боги на Дон, жаждет крови ковыль!
И направил коня на хазарскую Белую Вежу.

14 января 2014

ДРЕВЛЯНЕ

Все гостям готово – яма вырыта
На дворе широком теремном.
Пахнут корни сладко, горько сыростью.
Ждет земля – укрыть своим ковром.

Ждут холмы, упрямые, набычились,
Гордым сватам не ступить на них.
Вон ладья плывет по-над Боричевым
Мимо стен дубовых крепостных.

Ждет земля – ладья идет по воздуху,
В воздухе цветения дурман.
От корявых веток бело-розовых
Юным счастьем веет на древлян.

Ветер бьется с красными одеждами,
Золото слепит. Завидуй, люд:
Над рекой ни конные, ни пешие,
Честь от Ольги – на плечах несут!

Усмехнутся: больше волку Игорю
Быстрый Днепр не почерпнуть веслом.
Разорвало крик его погибельный,
Кровью мох древлянский напоен.

Ольга ждет, все шепчет «как аукнется»,
Веток бело-розовых белей.
Князя нет, теперь она заступница
Русским людям, Киевской земле.

Отрок Святослав следит за вороном:
Неужели смертен я?! Открой!
Солнце-Бог кладет ему на голову
Нестерпимо жаркую ладонь.

11 февраля 2015

Как лес, источенный угрюмым короедом,
Больной и чахлый, с сердцевиною гнилой,
Мир, вынесший тысячелетий беды,
Сегодня рушится, становится трухой.

Все сдвинулось, горят костры кочевий.
Бегут, стреляют, подрывают, жгут.
Лениво ждут обильной пищи черви
И тянет сладким смрадом новых смут.

Зияют реки черной рваной раной,
Срывают вихри почв отравленный покров,
Трещит кора земная, копят гнев вулканы,
Не влагу облака несут, а кровь.

Но зачумленным все прикол да лажа.
И день, и ночь, пресытившись игрой,
Дикарь гигантским пальцем тычет в гаджет,
Ждет откровений ленты новостной.

И страшно жить средь общего распада,
И как представишь – прошибает пот:
Чернорабочих ангелов бригада
В спецовках грубых только знака ждет.

Повырубят, сожгут – следа не сыщешь —
С нездешней яростью в пылающих очах,
Чтоб новое взросло на черном пепелище,
Как на горельниках кровавый иван-чай.

27 октября 2015

ДУРНАЯ ПОГОДА

Природа напряглась и из последних сил исторгла снег,
но ливень смел его.
Грибы уродливые, жирные на пнях
блестели маслянисто, поднимали
Головки, по-змеиному шурша.
Лось падалицу, битую морозом, губами собирал
с травы декабрьской
Под зимним раздражающим дождем.
И, одурев от черной сладкой гнили, башкой мотая,
вышел на дорогу.
И там стоял, себя не сознавая,
светился дождь на лопастях рогов.
Навстречу зверю неся человек с дурным предчувствием,
Тоскуя слабым телом, изломанным, измученным дождем,
Метался стрелкою магнитной в руке дрожащей.
Глаз ослепили желтые грибы,
Что влезли высоко на ствол сосновый.

Пять тысяч дал на лапу полицейским.
Приехали на джипе егеря, забрали тушу.
Так он рассказывал соседу в электричке.
По протоколу лось поднялся сам и мирно в лес ушел,
Разбив стекло машины ветровое.

Долго обсуждали, как хорошо все сладилось, а то бы
пришлось платить
За каждый килограмм живого веса.

Мужик, в углу сидевший неподвижно, сказал вполголоса:
Дурные дни настали для зверья.
Как зайцу жить? Менять ли шубку белке?
Молись о снеге, Русь, молись о снеге.

15 декабря 2011

Тревожно в Москве, и в России тревожно, и в мире
Тревожно, все бредят войной, говорят о войне.
Со страхом леса чутко слушают мысли людские,
И в изнеможении клонятся ветви к земле.

Пугающи вести: то высохнет древний колодец,
То выжжет поля, то Мамаем пройдет ураган.
Кровавые слезы набухли в очах Богородиц,
И ладаном пахнет все гуще по русским церквям.

Нигде не укрыться: стал мир пронцаем для боли,
Все зло ополчилось, все темное враз поднялось.
Лишь чувствуешь смутно в творящемся грозную волю,
Любовь, от которой по коже проходит мороз.

25 декабря 2015

МОСКВА. РАСШИРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Каленым железом Москву выжигает закат.
Какие пространства! Небесные стынут отроги.
Сверкающий серп, тяжкий молот сжимая в руках,
Шагают по гребням спящим советские боги.

Над ВДНХ, проржавевшим стальным колесом
Сансары российской, над чадом и воем всегдашним
Громады проспекта, над рвущейся ввысь напролом
Обернутой светом рекламным Останкинской башней.

О как широко, как свободно шагают они!
За ними тучнеют стада и поля колятся,
Космическим ветром земные сдувает огни,
Кричат кумачи про всеобщее счастье и братство!

Вот-вот и очнутся, и глянут, прозрев в тот же миг,
Железные боги, внезапный почувствовав холод,
На мир бета-версий, фаст-фуда, убогоньких игр
С размаху, не дрогнув, тяжелый опустится молот.

Но нет, отрешенно-прекрасны их лица, все так же вперед
Стремятся, не видя, не слыша ни солнца, ни чада, ни грома,
Внизу в преисподнюю лезет, толкаясь, народ,
Шанель номер пять синий негр на разлив продает,
И ландыш подвядший смертельной исходит истомой.

12 мая 2016 года

Есть дни, что позволяют в смуту выжить,
В них радостно леса косматые шумят,
В шалашике из мха угрелся боком рыжик
Под елью в синем бархате до пят.

Я ухожу туда тропой неторопливой
Из полной страха тесноты людской...
Заденешь ветвь – и брызнет куст калины
В лицо душистой пылью водяной.

Я становлюсь травы и листьев тише,
Меня влечет ночная глубина
Озерная, где, будто белый Китеж,
Весь космос леса восстает со дна.

Очнешься. Станция. Свет, бьющий по сетчатке,
Бег, гул, полиция, тяжелый чад тоски.
Собака, целый день искавшая взрывчатку,
Легла. Глядит, как в сумрак старики.

23 ноября 2015

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

По воле свыше красным завихреньем
Космическим пространства процвели.
Земля взбугрилась на полях сражений,
И мертвые восстали из земли.

Восстали командиры, рядовые,
И небо зычным золотом гудит:
Вы звали нас? Ну, здравствуйте, живые!
Вы звали – мы очнулись как один.

Трубил Архангел сбор на Белорусской.
От лиц и ликов все светлей, светлей.
Как площадь сжалась! Стала тесной, узкой,
Не поместиться нам уже на ней.

Мы пили ложь, мы плакали о хлебе,
Нас косная к земле прибила плоть.
Мы предков на руках подняли к небу,
Чтоб хоть за них помиловал Господь.

И двинулись торжественно и страшно,
Мы нарочито замедляли шаг.
Была в тот час и у живых и павших
Одна на всех единая душа.

Мы шли Москвой большой победной ратью,
Все больше, больше становилась рать.
Мы плакались, что мало благодати —
Теперь хлестала ливнем благодать.

Над нами грозные иерархии
Парили медленно сквозь облачную взвесь,
И конницы святые проходили —
Бессмертный полк воинственных небес.

Кроваво-звучно, тысячеголоса,
Трещала аж небесная кора
И замыкало камеры на тросах,
Катилось солнцем яростным – Ура!

Только б не растратить до обидного
попусту,
Не растратить бы, не заболтать
Эти выплески энергии невиданной,
Эту явленную небом благодать.

Выразить успеть – ведь нет подобного!
До тех пор, пока над головой
Полыхает радость солнцем огненным,
Вишней золотисто-снеговой,

Как мы шли с победными знаменами
Заодно – живых и павших рать —
С лицами такими просветленными,
Лицами бы стоило назвать!

Как в сердцах вызванивали пеночки! –
Нет, народ не сдался, не зачах,
Если так «ура!» кричала девочка,
У отца поднявшись на плечах,

Если мужество мы пели и бесстрашие
На священной площади Кремля,
Где, ликуя, проезжали маршалы
И с народом плакала земля.

17 мая 2015

Шиповник – алой полосой рассвета
Горит над зеленью, калины свет слепящ.
И синие огни бегут, дрожа от ветра,
Поверх окопника, его зеленых чаш.

В заросший сад распахнута калитка,
Видна терраса, в светлом золоте навес.
И летчик в шлеме радостно-открыто
Глядит на алый жар, на синий лес.

Он сам как свет среди цветущих зарев,
Теченья ветра, листьев молодых.
Его простые вещи окружают,
Что делают счастливыми живых:

Велосипед у старого сарая,
Скамья в цветочной охряной пыли,
Где бревна сообща передвигают
Чернорабочие лесные муравьи.

И если видят мир святые на иконах,
То, может статься, что, уйдя в зенит
И этот воин, солнцем прокаленный,
Сквозь светы радуг видит нас, хранит.

6 июня 2015

За счастье мне – идти по Моховой
И видеть Кремль, намоленный, старинный.
И свет рубинов звездных над Москвой,
Кроваво-жарких и неугасимых.

А выше ласточек, что льнут Кремлю к плечам,
Над чадом уличным, над нынешним, минутным,
Возносится надмирно, величав,
Веков минувших необъятный купол.

То память русская, ей воздух напоен.
Вдыхая, тайновидим, тайнослышим
Пытавших волю русских на излом
Века Батыя, Едигея, Тохтамыша. –

Вопль человеческий и шорох мертвых книг,
С людьми по храмам заживо сожженным,
И солнца обгорелый скорбный лик,
И плач живых над пепелищем черным.

Кровь наша помнит, как, осилив мрак,
К тоске, сомненьям конопатя лазы,
Русь поднимала каменный кулак
И била так – дух вышибала разом.

Гудят набатом эти времена,
Восходят зарева – хоругви и знамена.
Всех, кто пришел глумиться, Русь гнала
Под небом Муромца и Святогора.

Хмелеет сердце, слыша вещей гром.
То скачет конь – таких воспели Веды –
Разгорячась под властным седоком,
По Красной площади, ликующей Победу.

У этих стен, священных врат страны,
Что до сих пор хранит Георгий в латах,
Все чувства донельзя обострены,
Усилены тысячекратно.

И ощущаешь – сквозь тебя идет,
Дух будоража грозовую дрожью,
Торжественно-неотвратимый ход
Истории, на Крестный путь похожий.

15 апреля 2015

Глубинка, говорят, а слышу – глубина.
Коровье стадо тянется по дамбе
Над Осовцом, что в дар Оке в холмах
Несет лугов, дубрав сырых преданья.

Приходят к остановке рыбаки,
С плеч свалят непосильную поклажу,
Вдувая жилы, стащат сапоги
И колпачки отвинчивают с фляжек.

И ждут, следя блистающий заход
Светила, тонущего медленно, без всплеска,
Единственный автобус, что пройдет
Раз в сотню лет по Красной, по Советской.

В заокских далях в проблесках дождя
Пылают в тучах золотые лики.
И местные из-под руки глядят
С достоинством под стать реке великой.

На лицах света золотого слой,
И тот же свет на зданиях старинных,
Купеческих, поросших бузиной,
Да мальвами, сплошь в мураве былинной.

На бывшей школе в заревой росе
Лицо (иль лик?), вязь подписи и даты —
Учился русский воин Алексей,
Что призван был служить в восьмидесятых.

И этот образ, зевы красных мальв,
И гроздь бузины, и неба древний свиток,
Реки дыханье, грозовая даль
Таинственно и неразрывно слиты.

Не здесь ли ткется русских судеб нить,
В глубинке, в сокровенной сердцевине?!
Есть что-то подлинное в том, чтоб жизнь прожить
И умереть под тучами родными.

Дышать легендами, разливами лугов,
А выпадет – стать самому преданьем,
Как этот самый Леха Асташов,
Что голову сложил в Афганистане.

20 мая 2014

ВСЕЛЕННАЯ ТРАВ

*В нас мало звериного, мало,
Таинственно свиты пути.
Родня нам – деревья и травы
С безудержной жадой – цвести!*

И вот нам с тобою открылась
Вселенная трав луговых,
Живущих с языческим пылом,
Сплетения связей живых.
Неправоподобная свежесть,
Дыханий пахучий покров,
Соцветия дудок медвежьих,
Багровая темь клеверов.

Забравшись в горячие дебри,
В лепечущий, шепчущий зной,
Ломаем хрустящие стебли,
Что брызгают кровью живой
И дышат все гуще, все слаще.
О как же друг другу близки
Зеленая кровь травной чащи
И кровь голубая реки!

Тропинка ужом в жарких травах
К цветам, ноги прячущим в ил.
Не сам ли любовник Купала
К воде ее в дебрях торил?

Он! Тайны великой хранитель,
Его это время – лови!
Растенья в расцвете, в зените
И ждут, обмирая, любви.

Ждут ночи, слепящей, громадной,
Что страсть величает и мощь,
Кострами пылающей жадно,
Зовущей из стен и из рош.

И сдвинутся с места деревья,
Теплом отдавая печным.
Пойдут, как ходили издревле,
К сияющим водам речным.

Дубовые дупла покинув
И мшанных лежанок уют,
Все духи, все тайные силы
Свои волхованья начнут.

Пусть влага сойдется и семя,
Дремучее солнце с луной,
С безмерностью вечности – время,
А небо с землею сырой.

Пусть глубь сочетается с высью,
С просторами – дикая глушь.
Безумство любовное – с мыслью,
С женою прекрасною – муж.

...А луга дыханье все слаще.
О как же друг другу близки
Кровь наша и кровь травной чащи
И кровь голубая реки!

Август, сентябрь 2013

Сторукие гигантские дубы
Хранят покой невиданной равнины,
Выходят из оврагов на холмы
В рубахах красных тонкие калины

Пить окский ветер. Желтый берег дик,
Не птицы – время в нем пробило норы.
Пласты земли (как тонок слух у них)
Все помнят, верно, песни Святогора,

Протяжные, как русская тоска,
Бездонные, как вековые дали.
Здесь ворон, прянув с мокрого песка,
Пророчил гибель, травы волховали.

Ни тление не трогает, ни ржа
Богатств земных: по золотым угорам
Все кости богатырские лежат –
Святой Руси священная опора.

Так велика просторов грозных власть
Над сердцем, так крепки с землею узы,
Что впору молча на колени стать,
Как перед Богом, пред равниной русской.

Ступив в ее древесный, травный храм,
Молить ее о мужестве и силе,
Так, руки воздевая, по холмам,
Веками предки до меня просили.

10 сентября 2015

Нина ЯГОДИНЦЕВА

СИРЕНЬ ЗА ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДОЙ

Выбегаешь на крылечко, на мороз –
И косыночка сбивается оплечь.
Ничего на белом свете не всерьез.
Никого на белом свете не сбережь.

Едут сани, режет полоз ледяной,
Виснет месяц от беды на волоске,
Покрывается нежданной сединой
Растрепавшаяся прядка на виске.

Едут сани, едут сами – а куда?
Позасыпаны дороги да пути.
Говорят, что это горе не беда –
Только зиму поперек не перейти.

А повдоль нее крутые берега,
В берегах текут поземка да пурга,
Набухают светом звезды на мороз –
Ничего на белом свете не всерьез...

А всерьез пред этой грозною зимой
Подареная косынка с бахромой,
Да горячая дорожка от слезы,
Да по зимнику тяжелые следы.

...И уже не забудутся никогда
В перекрестье дел и больших, и малых
Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах...

И уже растворилась огнем в крови
Молодая метель над ночной страной,
И уже бессмысленно о любви –
Ибо только она, и ничто иное.

А мороз на Урале привычно груб,
И теперь от него заслониться нечем,
Но уже не отнять воспаленных губ
От шершавого горлышка русской речи.

То ли просто зима, то ли впрямь беда
Высекает слезы из глаз усталых...
...Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах.

Теплый свет заструился из раненой плоти древесной,
Задышала кирпичная печка на кухоньке тесной,
Залетел мотылек, заметался, захлопал крыльями,
Загляделся нечаянно долго в открытое пламя.

Никогда я не стану, о Господи, я же не стану
Открывать словно рану свою незажившую тайну,
Просто чайник поставлю и новых дровишек подброшу,
А в окно погляжу – ни следа не видать на пороше.

Только темные ветлы стоят у студеной излуки,
Молча тянут к бегущей воде обнаженные руки,
И скользят золотые браслеты по тонким запястьям,
Что когда-то звенели своим неприкаянным счастьем...

Убегает вода – и уносит судьбу, убегая,
А назавтра проснешься – и жизнь совершенно другая,
И не надо над нею томиться тоской бесполезной,
Если дышит кирпичная печка на кухоньке тесной.

Так останься же тайной отрадой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отречение
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свеченье
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто не молит золу золотую:
Озари, воскреси, оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви...

Так останься же памятью майской
За оградю прожитых лет,
Где сияет прощальною лаской
Фонаря остывающий свет...

Как тут выбирать, коль попал спроста
В спелую солому – сухую тишь:
Вымолвить хоть слово – спалишь уста,
Ну, а промолчать – изнутри сгоришь.

В общем, эта жизнь – чистый самопал:
Воздуха вдохнул – и уже пропал...
И таких пропащих немерено,
Только знать об этом не велено.

Да и выбирать – было б из чего...
Даже смертный снег не студит чело.
А кому посмеешь пожалиться
Среди угля на пожарище?

Прощевай-прости, да не помни зла,
Было или не было – все зола,
А добром нечаянным – вспомяни
Лоскуток согревшего пламени.

Ненасытной удалю молодой тоски
Воровская музыка мечется в такси.
Бьется в стекла, поймана черным коробком...
Что она, о ком она? Больше ни о ком.

Вспоминать не велено, все пошло не так:
От проспекта Ленина на Свердловский тракт,
Дальше – Комсомольского бурная река...
Помяни их, Господи: мальчиков ээка,

Девочек без вызова, ужас черных трасс...
Музыка неистово обвиняет нас,
Выживших в развалинах, помнящих едва:
Музыке позволено, музыка права!

Слов не слушай, Господи: лгут слова навзрыд.
Плотный сумрак в городе фонарями взрыт,
Высверками высвечен, фарами в упор –
Музыка неистово продолжает спор

Не за души сгинувших в ужас и во тьму –
За невинных нынешних, за себя саму,
Разудало-жалкую в гиблой слепоте,
С неизменно ржавую финкой в сапоге...

Как нельзя замереть на речной излучке
Зеленеющей ивой – на век, не больше, –
Так нельзя протянуть на прощанье руки,
Вопрошая беспомощно: Боже, Боже,

Почему в этой боли так много света?
Почему этот свет в предвечерней черни
Обрывается каплями с тонких веток
В глубину стремительного теченья?

Я не помню горе – я счастье помню:
Так июльское солнце, насквозь пронзая,
На прощанье, до завтра собою полнит
Всё пространство земли от края до края.

И уже невозможно не стать счастливой
В этом свете спасительном, в этой муке –
Зеленеющей, солнцем облитой ивой
Над высокой водой на крутой излучке.

Когда бы знали мы на самом деле,
Как наши карты звездные легли...
Она сидела на краю постели –
Усталый путник на краю земли.

Перебирая в пальцах бесполезно
Больничную застиранную бязь,
Она глядела в пол, как будто в бездну,
Где космос открывался ей, клубясь.

Несли таблетки, кашу приносили,
С трудом тянули кровь из бледных жил...
Июль пролил на окна столько сини,
Так листьями по стеклам ворожил,

Так объявлял грозу, молил о чуде,
Так умолкал в изнеможенье: будь!
...Никто не знает, как ступают люди
На бесконечно долгий звездный путь,

Как за спиною вдоль высоких окон
Проглядывают линии орбит...
Как на столе в стакане одиноком
Серебряная ложечка звенит.

Радость говорить – пробовать на вкус
Воздуха сырой серебряный хруст,
Корочку морозца ломая
До горячей мякоти мая...

Кто для нас с тобой этот хлеб растил?
Кто его питал солнцем спелых сил,
Песни пел над зреющей нивой –
Молодой, влюбленный, счастливый?

Прижимал к груди запад и восток,
Растирал в руках крепкий колосок –
И высокой светлой страдаю
Проходил бескрайней страну...

Собран урожай, смолота мука,
Мякоть горяча, корочка сладка –
Ешь, дитя, расти, не печалься,
На лихом ветру не качайся!

В малой горсточке тепла
Спать да спать, дыша неровно...
Боль пройдет, как ночь прошла.
И она была огромна,

И она была темна,
И ее гроза взрывала –
Даже в горсточку тепла
Ветром брызги задувало.

И, почти сводя с ума
На немислимой поверке,
Была высверками тьма
Прямо в сомкнутые веки.

И казалось, выше сил
Неумолчный грохот ада –
Только кто-то подносил
Сердцу тихую прохладу,

Утирал огонь со лба,
Молча истово молился...
Сохрани во сне, судьба,
Эти призрачные лица,

Эти ясные глаза,
Свет лучащие, спасая.
Тающие голоса,
Невесомые касанья...

Задувает, метелит, вьюжит – но как легко
Пить ледяное, хрустящее снежное молоко!
Так и льнет, так и льется широкой рекой на грудь –
Успевай шубейку драную запахнуть...

Пахнет розами ночь – но откуда в морозы такой цветник?
Ароматный родник – даже ветер в испуге сник.
Словно смотришь в уютный садик через забор –
И глядишь на розы как вор, и дышишь как вор...

Это чистое, нежное, чуть взглянул – и уже украл...
Это в сердце как в тайнике: декабрь, Урал,
Ночь, морозец, сердце рвется из-под руки
Собирать горячие белые лепестки.

И морозец ему не указ, и ночь – не указ.
Если хочет оно украсть – ну как не украсть?
Это сердце, и что для него закон?
Только то и живо, что под его замком.

Полина РОЖНОВА

У БЕЛОВЫХ В ВОЛОГОДСКОЙ СТОРОНЕ

(отрывок из поэмы)

памяти Василия Ивановича Белова

1

У Беловых
в Вологодской стороне
во дому,
на полатях,
во сарае, во хлеву,
добра столько,
что – отечеству всему
хватит.

Как очнутся мужики
от реформ и от сивухи,
так им – по горбуше в руки,
по сохе,
да на горбы – пестери.

Русским бабам –
по квашне
да по кроснам,
а ребятам –
всё работное –
к ремёслам:

топоры, тесала –
ставить избы,
драть лыки...
На чердачном толоку
крошни, зыбки...

2

У Беловых
все как прежде, как было:
наковальни, кузнечные клещи,
рыболовные крючки, удила,
кочерги, ухваты – справно у печи.

Короба, лукошки, набирушки,
коромысла, лохани, корчаги,
и под рыжики – дубовые кадушки,
черпаки для солода, для браги...

И чесала, и льномялки, и кросна...
У Беловых все прибрано, как надо:
вот настанет время, дай Бог не поздно,
все вернется в жизнь, в избы – обратно!

А уж что сундуки, что лари! –
Там на рыбьем на меху добротном
сапоги, порты... Суконные кафтаны...
Русский век – живуч,
все спросится народом!

3

– Пой, родная сторона,
балалайка, пособи,
чтобы Русь вольна, светла
встала на круги свои!

– Пой, в притоп,
с размахом рук,
и по свету разнеси,
чтобы ноне в этот круг
встал народ всея Руси!

4

Эх ты Русь,
скажи на милость
как ты правдами,
выживала, как хранилась
дедами, бабами?

Как леса твои корнали –
перестройками,
поля-долы обрезали
продразверстками.

То – твои корнали косы,
обрезали сарафаны,
и валили на погосты
душегреи-избы, станы...

5

Кром земной –
пролетье наше,
хлеба ломоть...
Сказ такой:
– Кто, хоть в памяти,
но пашет,
кто во сне, но за сохой
ходит,
тот к земле родной
рано ль, поздно ль –
но придёт!
Как водилось –
соберёт
за столом в своей избе –
в силе, в здравии –
свой род!
...Русь – она ведь на земле –
с верой
испокон – живёт!

Летит над жнивою в печали
клин к клину... памяти вольно...
Гремит старуха-жизнь ключами:
– В амбары душ – ложись, зерно!..

– Не дай зерно чужому велять,
лопатить и в мешки ссыпать.
Чтоб к свету – свет на землю сеять,
не разбазаривать!..

Ох, как она строга, большуха,
хозяйка, Мати всей Земли,
и вот ко Дню Святого Духа
в нас Божий свет зерном лежит.

Но суета, как коршун рыщет,
но ярмарочное время прёт...
А свет, дарованный нам свыше,
пускает корни и растёт!

Спотыкались о Русь,
о Спас-камень,
о свят- Алатырь,
что вначале времен был явлен,
к нему реки с небес текли,
с-под него
по Руси протекали.

Спотыкались о Русь...
о язык, что напевом коробил,
о народ, что был рус,
о устоев глубинные корни.

Но какие просторы,
но какие луга заливные
чуженинам являлись:
и как тучи – коровы,
и яры быки, что рогами
туч – касались!

Спотыкались о Русь,
о сиянье в сетях белорыбиц,
о собольи меха, и о хруст
сарафанов льняных,
о березовый дух околиц.

Спотыкались о Русь...
Привозили заморских царевен,
Марь-Маревен,
с коих на земь свисало
злато бус...
Привозили сватать – за Север.

Ох, мужичий народ,
царский корень,
кровь с молоком,
ты был пяди родной покорен,
крест целуя,
шел на битву с врагом.

Твои Феклы, Маланьи,
Ярославны твои,
ждали,
сеяли, жали,
предков мудрость
в сердцах, как в ларцах,
держали.

Ох, мужицкий народ,
царский корень,
до сих пор и мир идет,
спотыкаясь о Русь,
о твой дух,
что свободен!

Пролетает осенний куст.
Корни дыбом.
Долгий вздох. Веток хруст
над обрывом.

Он бы мог зацепить за крест
той часовни,
что весь мир спасала окрест, –
свои корни...

Ведь она
заблудшим была
кровом.
В горький час утешить могла
Божьим словом.

Но когда куст осенний несет,
то словно,
Птица Феникс – из пепла встает
часовня!

Если буду в последний час
я бессильна,
зацепи
за крест Божий меня,
Россия!

Если мы
в своей последний час
будем ничтожны,
зацепит за Крест Божий
нас,
Святый Боже!

ПОКРОВ

Вот и снег.
Вот и первый след
непокорный, размашистый, древний...
Русь несет негасимый свет,
Русь обходит поля и деревни.

А за ней моя мама с отцом,
и дядья, и прадеды – вместе
золотым огибают кольцом
дом родной и родные веси.

Как же царственна эта пора!
Сколько в ней торжества бывает!
Вновь у каждого дома, двора
родовая тропа сияет.

Дым над крышей – затоплена печь.
Первых льдинок в березах звон.
Время – снова гармошке запеть,
в этом – память и связь времён.

В этом – удали русской зов,
крепость русского духа, соборность.
И взлелеян крестьянский кров,
и на лицах – святая гордость!

Так поры этой не пропусти
и настрой свою душу на лад.
Богородица с высоты
опускает на землю плат!

ПО ДОРОГЕ В ЦДЛ

Пахло шашлыком
на Большой Никитской,
сумрачным Кремлём,
на «эспрессо» скидкой.

Запахи разрух,
встреч с мобильным, новым...
Но запахло вдруг
Вечным Русским словом.

Самым свято – кровным,
главным в своей сути...
Это шел с Беловым
Валентин Распутин.

РУССКИЙ ДОМ

Вестью скорой по свету пошло:
вырос Дом среди города-града,
в нем от русской печи тепло,
в нем светло и спокойно от лада.

И пекутся в печи пироги,
на столе самовар закипает...
Дом стоит. Потолки высоки! –
Шапки робко народ снимет.

Площадь Красную красит Дом.
В нем живут старины заветы...
И приходят цари на поклон,
замирая, стоят президенты.

Радость, счастье, все вечное в нем!..
Плачет колокол и ликует.
Слышен пушки торжественный гром.
Дым печной в ответ – салютует!

В окнах видно – накрыты столы,
чаш и братин сверкает медь!..
С чужедальних сторон послы
прибывают на Дом поглядеть.

Неужели и в правду воскрес?
Русский Дом – не сказ и не сон?
По России несется весть:
– Жив воистину Русский Дом!

От Спас-Камня, от старцев – с времен
летописных – поверье идет:
что под сенью своей Русский Дом,
Богом созданный мир соберет.

Ясен площади Красной простор,
потянулись дороги к ней
из – не вписанных в перепись сел,
из-за гор, лесов и морей!

Как же души-то Дом зовет –
и надеждой и верой обжитый!
Дом заждался. Входи, народ!
В Русском Доме двери открыты!

КЛЮЧИ МАРИИ

Быть может, то, что на корню,
и вправду – нынче никому
не надо?..
Исконным – нынче ль не надсада
вновь трогать души?..

Что на засов давно закрыто,
и в сундуках, как скрута, свито:
поддевки, душегреи, платы –
все родовое, что когда-то
к нам – на подзорах, на убрусах
заветами – писалось Русью...

Узорами – в конях крылатых,
с полей – со ржанием летящих,
в их челках и в косицах влажных,
где крестик к кресту ... К чему
нам эти письма?.. Поклажа
под силу ль нам?.. Но по слогам
читает внук ... А кто учил?

Ведь дом его не на болотце,
где лишь багула колокольцы,
да зыбь, да омота оконце,
да вещей старицы домок
замшелый – кочек поперек...

Но кто из старины Ключи
Марии – внуку поручил?

Уже по душам бродит мыть
безверия... Погода в лысых
просторах – с севера на юг
плутает... Но читает внук
о силе велесовых дней,
когда земля зерно берет,
и проливает в поле – пот,
отец под Божиим покровом...

Читает: Макоши кокора –
как русский короб,
крестики в узорах.
корнями,
и приходит скоро
по знакам велесовым Святая Русь
лихие беды победить!..

Нет! Вспять нам не дано ступить!
Но дедовых заветов смысл
понять –
и в Житие сложить,
и в русском коробе поднять...
Ведь в мире
слышно, как опять
и плачут, и поют Ключи
Марии...

Ядрено, колосисто время то.
Дожжочки похлестали – и отстали.
Дождь косохлеть –
он бил по мне потом...
когда в овинах бабы лен трепали...

Когда ты мне
ни слова не сказал,
но зиму замыкая, обвязала
тебя другая золотым холстом...
Я – узелок на память завязала...

Вот так и было.
Было и прошло.
Под матицей в работе снова кросна.
И вспоминать – не больно, не грешно,
и внешний мир с обыденным сошелся.

Стрекозами, туманами легло
и солнцем в каждом на земле уступе...
Ты погляди, записано в убрусе,
как мир устроен,
как душе светло.

Не торопись!
Сосредоточен мир
не на твоих печалях и мечтах...
Убрус, что вышивала я,
прими,
там Матерь Божья с Сыном на руках.

По заоблачным дорогам
не ходи. Там нет меня.
Там одна седая дрема,
а не жар былого дня.

Не сижу за веретенцем.
Стихотворной пряжи нет.
Черный хлеб посолен солнцем.
В блюдце – негасимый свет.

Молчат колодцы
в деревне моей матери,
в деревне, когда-то славной
невестами и соленьями,
припасенными к свадьбам.
Рвется о чертополох
солнца тулуп,
шитый
нитью атласной.
Едок крапивы дух.
Но вот – лязг дверного крюка
слышится,
и на крыльцо
выходит старуха –
Праматерь этой деревни.
Она чешет волосы гребнем
и ситцевою тряпицей
связывает косицу.
Потом к сарайке идет,
из скобы вынимает
деревянную тычку
и кур выпускает.
Они к холму семят,
к чертополоху,
а старуха
стоит, опершись на бочку,

в которой
зеркальным кругом –
вода.
И бабочка на поверхности –
распластаны красные крылья –
бликом недвижимым.

МАМА

Какая стойкая моя мама...
Маленькая и стойкая на склоне лет...
Одна по колени из не-жизни самой
выкарабкивается на Божий свет.

Еле переступает по мосткам отбродящим,
тянется к ставенке незакрытой,
спуску не дает нам:
– Мол, научайтесь любви неразрывной
к дому,
к оставленным в нем корням.

– Подумайте,
можно ли бросить его ненароком,
как старика –
перед образами Матери Пресвятой и Богом?..
Она устыжает нас, и ведро с водой
тянет над грядой.

Она-то, оставленное нами, отаукала,
ласкою одарила,
у печи отогрела...
А ей махала рукой
с поездов то и дело
наша жизнь – сутолока.

Она-то нас оттерпела, отождала.
И корпит,
лишь на себя надеясь,
от нас – ей уже никакого тепла.
И вот она! – судьбы недолга –
мы собираемся под родительской крышей
и поем, как когда-то пелось.

Вот они – мы! –
ее дети, оставив на день, на два,
выстроенные нами,
в разных сторонах света
свои дома...

Время...
Все на разрыв:
наши судьбы, наша мама и родительский дом...
И пока навспоминаемся,
пока обываем в родном,
мама уже лопатит,
за комом ком.

Копает гряды ...
Опирается на крестьянский посох...

Мама, когда-то нас отправляла
учиться уму-разуму,
напутствовала: выйти в люди...
Сама не знает ответа:
– Почему так стало,
что мы далеко, что мы где-то...

Как дать слово, глядя ей в глаза:
дом родительский
в чужие руки не отдавать,
и как бы ни был он стар,
кормить и поить,
жизнь его продлевать.

Мама! Мама!
На разрыв наша любовь.
У нас, у твоих детей,
свои дома,
свои дети...
И то и другое – своя кровь.
И то и другое – до смерти.

Прислушаешься:
по всей русской земле
во все века –
разрыв и тоска.
Оставленное,
родительское, растившее,
в веру одну крестившее,
ждет у отводка,
надеется на Всевышнее.

Наталья ЧИСТЯКОВА (Мазалецкая)

Я ВЕРЮ СЕРДЦУ СВОЕМУ

Умоляю грозную лавину:
– Мимо, мимо проложи свой путь!
А настигнет – не подставлю спину,
Пусть же бьет, безжалостная, в грудь.

Только б не пропасть, не раствориться,
На колени в страхе не упасть.
Мне по жизни путь укажут птицы.
Не дадут, залетные, пропасть!

ТЕЛЕГРАММА

Льется жизнь из-под пера –
Озаренья ищет в слове.
А вчера, еще вчера
Сердце было на засове.
А вчера еще река
Подо льдом была спокойна
И не волновала волны –
Шелком ласковым текла.
А сегодня – ледоход,
Жизнь выиграла в каждой капле.
Дни и ночи напролет
Не заснуть теперь, не так ли?
И до самого утра
Укрощаешь:
– Бета!
– Гамма!
Льется жизнь из-под пера –
В будущее телеграмма.

С привкусом морей ночные ветры
И коринфский завиток волны –
Со времен Геракла и Деметры
Неизменны в мире лишь они.
Да еще в прозрачных брызгах звезды
Выбрались из моря над волной
В долгий Млечный путь порой ночной,
Бредят раем – не считают золотые версты.
Мне бы прикоснуться к древним тайнам –
Ускользают, словно лунный свет,
На одной из солнечных планет
Высветив меня одну случайно.

Коринф. 2015

РОЗОВЫЕ ТОПОЛЯ

родной Кузнецкой улице

Дымкой метельною кружится
Сказочный пух тополей.
Диво предивное – улица
Ночью бессонной видней.

В дреме дома простоватые,
Время сквозь окна течет,
Каждый наличником сватает
И на смотрины зовет.

Розовой памяти узница –
Вновь ожидаю гостей.
Дремлет пустынная улица,
Ждет не дождется вестей.

И небылицею чудится
Дом, над окном вензеля...
Диво предивное – улица,
Розовые тополя.

ВОСПОМИНАНИЕ

А над Вологдой вечером синим
Переборы гармошки слышны.
Это теплые, светлые ливни
Принесли нам дыханье весны.

И душа очищается песней,
И родные просторы видны,
Если рядышком ты, даже если
Далеко от моей стороны.

Вспоминается праздник застольный:
Вздых гармошки в избе дотемна,
Где до пота трудилась, до соли,
И до боли рыдала она.

До чего же ты, память, упряма,
Что я вновь подчиняюсь тебе.
И лебедушкой плавает мама
Под гармошку отца по избе.

ЗОЛОТАЯ

И почему там даже воздух схож
С дыханьем матерей полузабытых?

Павел Васильев

На земле, не такой уж большой,
Знаю я уголочек укромный:
Только там отдыхаю душой
Под вечернюю звень колокольни.

Как с деревьев слетает листва,
Все – залетного ветра потери.
Там и мамочка – мама жива,
И вот-вот постучит в наши двери!

Словно вновь из родного угла
Хлебным духом пахнет, пирогами:
– Вот, ребятки, для вас напекла.
– Золотая, испей чаю с нами!

И восходят из сердца слова,
Прогреваясь, как в стоге солома.
А без памяти кто мы –
Ну, кто мы?
Ни жива – без нее – ни мертва.

НЕЗАМЕТНОЕ ВРЕМЯ

Внимай их пенью – и молчи!..

Федор Тютчев

Ничем себя не утруждать
И слушать шум дождя и ветра,
Седых волос приладить прядь
И быть как время – незаметной.

Лететь за стайей журавлей
На перекрестки мирозданья,
Где светлые пути видней.
Забуть про знаки препинания,

Чтоб не осталось и следа.
Хвала мучительным молчаньям!
И чтоб не показаться странной –
Лететь над заревом листа

Сквозь золото потухших лун,
Сквозь суматоху зим и весен.
Припомнить шум поющих струн,
Припомнить, как синее просинь.

Пылят по земле печенег.
В округе не видно ни зги.
Но будут моря, будут реки,
И будут на свете враги.

ГОСТИ НОМЕРА

Пылят по земле печенеги...
И сколько их полчищ окрест...
Но есть у Руси обереги:
Молитва и вера, и крест.

Поцелуй земли и неба –
Роза красная в саду.
День святых Бориса, Глеба
Затуманился в цвету.

Кажется все просто, гладко,
Словно на лице холста.
Лишь игла скользит с оглядкой –
Выстилает путь креста.

НЕ СПИТСЯ

Тема эта сердцу нелегка:
Ни оставить, ни поднять не в силах.
Задыхается над ней строка,
Сколько бы я к ней ни подходила.
Вспоминаю я тебя, отец,
И недорассказанность былого.
Тихо нес по жизни тяжкий крест –
Горечь отступленья рокового...
Вот под Ригой наступила тьма –
Лучше б этот день не начинался!
Окруженье, лагеря, тюрьма.
Горе, горе...
Пусть хоть там воздастся!
Ты во снах: «В атаку!» – не кричал,
Сон, оберегая детский.
Не припомню, чтобы крепко спал.
Помню – речи не терпел немецкой.
Видишься в рубахе мне порой
Из простого клетчатого ситца.
Ты ушел. Воспоминаний рой
Налетел. Теперь и мне – не спится.

09.05.09

ПЕРЕВОЗЧИК

Через речку перевозчик
За пятак перевозил.
И весла веселый росчерк
Развеселое сулил.

Мне, девушке, снились ночью
Весел смелые круги.
Я кричала что есть мочи:
– Мама, мама, помоги!

Что круги? Куда ни гляну,
Хоть реви, но это былъ –
Все войны живые раны:
Из-под брючины – костьль.

Я божилась, что не стану
В топкие глаза глядеть:
Он кладет бинты на рану,
Начинаю я – белеть.

Сердце выбьет многоточье
Ночью сквозь немую стынъ:
– Бедолага перевозчик,
Перевозчик-поводырь...

НЕБО, ЗЕМЛЯ И ЛЮБОВЬ

Вот он – за елями скит.
И ничего наносного.
Птица куда-то летит,
Крестится крыльями снова.

Пусть не привидится кровь,
Птице, собравшейся к Богу.
Небо, земля и любовь,
Воздух, мечта и дорога.

Девчонкой была упрямой
И косы из трав плела.
В глаза всем смотрела прямо,
Хотя и была мала.

Березы росли со мною,
Меня обгоняя всерьез.
Листвою своей шальнойю
Порой доводя до слез.

Подумать – какая малость:
Деревья, трава, листва.
В плену я у вас осталась,
И этим – жива.

И полем иду цветущим,
И сердце не знает хлопот,
И дней не припомню лучше –
Мама поет.

Ты слово выдохни живое
Из потаенных недр души.
Оно обдаст меня волною
Озноба золотистой ржи.

Простое, свежее, шальное,
Что губы во хмелю.
И от тебя уже не скрою
Слегка соленое – люблю.

Я измучилась сегодня –
От крапивы волдыри.
Ночь, потомственная сводня,
Погасила фонари.

Соловьи окраин рая
Заманили в глухомань,
И краухой каравая
Дразнит месяц сквозь туман.

Ни полян, ни троп звериных –
Вот пуститься б наутек!
В небе тучи словно льдины,
Где здесь запад,
Где восток?

Твоему поверю слову
Средь неведомых высот,
Колокольчиком лиловым
Проведи через осот!

ДЕРЗКИЙ ВЕТЕР

Был дремотный летний вечер,
Кружевную вязь плела,
Слушала колокола –
В дом ворвался дерзкий ветер.

Он могуч, а я – слаба,
Он напорист, я – покорна.
Было так ему привольно
Навязать свои права!

Закоулочков знаток
Обрядился паутиной,
Словно, правда, видел толк
В нежной вязи и старинной.

Укутавшись в сиреневую шаль,
Смотрю в окно я долго-долго...
Я разложила жизнь по полкам,
Гуляка-ветер, не мешай!
В лесу
за каждой елью – сказка.

Мне
небылицы ни к чему.
Я верю сердцу своему,
Что скоро, скоро будет Пасха.

В ЗОЛОТЫХ ТУМАНАХ

Мой хороший, то, что было,
Ты, конечно, не забыл.
Я тебя ли не любила?
Ты меня ли не любил?

Осень в золотых туманах.
Без тебя – какая жизнь?
Если ты пропал в бурьянах –
Выбирайся и божись.

Так не раз уже бывало –
Уходил и приходил.
Провожать тебя – устала,
А встречать – не стало сил.

Днем нет мочи притворяться –
Улыбаюсь напоказ.
Ночью – наши ночи снятся,
Вновь прощу...
Последний раз!

НЕ ОТПУСКАЙ

Улетят из продрогшего сада
Наши птицы в загадочный край.
Мне ни славы, ни злата не надо,
Только ты меня – не отпускай!

И на сердце сегодня тревожно,
Так тревожно –
До птиц ли ему!
Невозможное, знаю, возможно.
Как ему объяснить – почему?

Как ему объяснить, бедолаге –
У обрыва стою, на краю.
И не знаю что там – в полушаге,
А на кончиках пальцев стою...

Задыхаясь от дерзкого ветра
С ароматом дурманящих трав,
И со мною дыханье рассвета
Обмирает в горячих руках!

О СВОЕМ

Загрустила гармонь под окном –
Переулком уходит в преданье.
Без нее дом как будто не дом,
И не жизнь – а одно наказание.

Нет ее – нечем сердце согреть,
И дышалось-то с ней по-иному.
Нет ее – и душевная мреть.
Что поставлю теперь под икону?

А когда-то покинув мой дом,
По фронтам боевым кочевала.
Увязалась вослед за отцом,
Вместе с ним возвратилась с вокзала.

Что сказать в утешение ей –
Привечаем нездешнюю дудку.
А гармонь, темной ночи темней,
По глухому идет первопутку.

Не серчай, возвращайся в мой дом,
Как весной белоснежная стая,
Запоем о своем, о родном,
И душа, шевельнувшись, отгадет.

СОЛОВЕЙ

За духмяною калиной
Старосветский соловей
Песней дивною, старинной
Сладко потчует людей.

Неприметная пичуга
К микрофону вновь встает,
И одна на всю округу
Ночью душною поет.

Про далекую чужбину,
Про житье-бытье на ней.
Как поет из-за калины
Одичавший соловей!

И Россия слышит это,
И не спит в слезах она.
У певца и у поэта
Жизнь одна, и ночь одна.

Галина ЯКУНИНА

И ВЕРИТЬ В ЧУДО, И ТЯНУТЬСЯ К СВЕТУ...

СУДЬБА

Кайрату Каримову

О, наука души –
через боль прорасти,
обретая с годами
особую стать.
Восходить одиноко
сквозь страх и сквозь ложь,
даже толком не зная,
зачем ты растешь.
Пробивать нежным темечком
адскую твердь,
не заметив во тьме,
как пророс через смерть.
И взойти, наконец,
среди рассветных вершин.
И увидеть, что ты – не один.
Не один!..

ОДА ГОРОДСКОЙ ТРАВЕ

Светлане Пак

Склоняюсь перед первою травой,
Перед великим воинством зеленым,
что по весне ведет неравный бой
со льдом, асфальтом, камнем и бетоном.

О, как горда былинок нежных стать!
Как светятся, поют в лучах побеги,
не думая, кто будет укрывать
их от морозов и ветров, и снега.

Кто почву им, безродным, разрыхлит,
Расчистит от подтаявшего хлама.
Кто, кроме солнца, тихо подбодрит:
– Не отступать! Держите спину прямо!

И – держатся. Встают за рядом ряд
там, где пробиться, выжить невозможно:
из-под бордюров, с мостовых глядят
на хмурый мир счастливо и тревожно.

... Откуда придорожным травам знать,
что Бог задумал поединок этот,
в пример другим – как надо побеждать
и верить в чудо, и тянуться к свету...

Але Мещеряковой

Люблю людей, которые растут,
которых не страшит мещанский суд,
которые единственную властью
негромкий голос сердца признают.

Люблю людей, которые растут
и, оступаясь, падая, – встают.
И знают цену и любви, и дружбе,
поскольку сами их не предают.

Спроси людей, которые растут:
зачем они себя не берегут?
На острие, на грани, на пределе –
зачем непоправимо сердце рвут?

Они молчат устало, но – идут.
Их даже те, кто любит, не поймут.
Сады растить – нелегкое призванье,
растить себя – нечеловечий труд.

Люблю людей, которые растут...

ВАША СВЕТЛОСТЬ

Яблони клонят налитые ветви,
кот на завалинке дремлет вполуха.
Анна Антоновна с улицы Светлой
чинит, как может, крыльцо-развалюху.

К ночи управится с помощью Божьей.
Внук обещался, да что-то все нету...
День-то какой: благодатный, погожий –
славная смена холодному лету.

На разговоры о зле, о корысти
Бабушка Анна не отвечает:
молча срезает созревшие кисти,
молча косички из лука сплетает.

Молча несет одинокую старость.
Даже хворает с достоинством, молча.
Вся для других ее тихая жалость:
– Доча, ниче... Образуется, доча.

И потаенная нежность, несмелость
мне не позволит сказать от души ей:

– Анна Антоновна,
Ваша Светлость,
если б не Вы –
что бы стало с Россией?

ТРЕТЬЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Вдоль строя великих столетий
по главным дорогам страны
идут рядовые третьей
Отечественной войны.

Войны, о которой не знали,
что это – война во плоти:
без боя почти все отдали,
почти проиграли...
Почти.

Враг гением был. Но не ведал,
спеша уничтожить народ,
что, подло глумясь над Победой,
нам силу и ярость вернет.

Немного в истории нашей
столь грозных, отчаянных лет,
когда призываем мы павших –
на помощь и на совет.

Когда в спину бесов несметных
в рассветный спасительный час
ударил полк *наших*, бессмертных –
Как нечисть рванула от нас!

Полк шел от Камчатки до Курска
и дальше на запад во мгле
нес правду: цены, выше русской,
нет в мире за жизнь на земле.

Война не закончена эта –
и полк продолжает идти
по всем континентам планеты.
Но верится: мы до рассвета
почти достояли.
Почти...

ВЛАДИВОСТОКУ

Я люблюсь тобой
со скалы, в этом старом дворе,
что орлиным гнездом
нависает, кренясь, над волнами.
Город мой восходящий,
взмывающий на заре
альбатросом
над гребнем туманных цунами!

Сколько раз над тобой
лютовали, сшибаясь, шторма,
и казалось, что ты
неминуемо сгинешь в пучине...
Но на склонах крутых
развернулись, как флаги, дома, –
и блистают в ночи,
Млечный Путь проложив по вершинам.

Сколько жертв ты принес,
сколько выплатил карме долгов –
только вольный твой нрав,
непохожесть твою – не простили...
Отчего столько радуг
встает от твоих берегов
над усталой,
теряющей веру Россией?

Здесь, вдали от столиц,
ты превыше знамен и крестов.
И в стремительных грозах
пасхального мая
пусть лучистые крылья
твоих долгожданных мостов
над безумием века
тебя поднимают...

ДЕНЬ ОТЦА

Какая редкость – дома все мужчины:
Отец и муж, и оба взрослых сына,
И двое внуков на траве играют,
Где пес блаженно дремлет у сарая.

Какая радость – собрались мужчины:
Стучат, строгоют, рубят, пилят, чинят...
А солнце поднимается все выше,
И стол накрыт в тени под сенью вишен.

День будет добрым, долгим, не напрасным.
И будет в сердце так тепло, так ясно.
И будет небо мирное бездонно...
Какое счастье – все мужчины дома!

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО НЕДРУГАМ

Недругами нужно дорожить.
Их, поверьте, надо заслужить:
Что-то написать или построить,
словом, – настоящее свершить.

Многолетний недруг – это клад.
Он верней, чем лучший друг и брат,
каждый шаг твой и любое слово
будет помнить много лет подряд.

Он дотошен и неутомим
до того, что тошно рядом с ним.
Но на горних тропах к совершенству
он, как тренажер, незаменим.

Он – твоё сверхзнание о себе,
Божия отметина в судьбе,
Тяжкий крест и щедрый дар Господень,
вечный стимул к росту и борьбе.

Он отнюдь не бездарь, не слабак,
Но, шлифуя дух твой так и сяк,
он с годами попросту сотрется,
не сознав, что творчески иссяк.

Пожалей бескрылого, прости.
Он, как мог, помог тебе расти...

ВДАЛИ ОТ РАЯ

Мне все напасти и ненастья
Знакомы – ну и что с того?
Спасибо, Господи, за счастье
Быть частью мира твоего!
За счастье жить вдали от рая,
Заякорясь судьбою всей
Здесь, на светлейшей из окраин
Отчизны облачной моей,
Где плечи расправляют рано,

Где риск, размах, и взгляд иной:
С утеса купол океана,
Как с борта шаттла шар земной –
Так близок в остром звездном свете,
Что жаждет взмыть с отвесных круч,
В просвет меж вечностью и смертью
Души моей зеленый луч...

... Здесь солнечное соло ветра
Подарит мне свой лучший блюз,
Когда не пеплом – сгустком света
В родные небеса вернусь.

Борис БАРТФЕЛЬД

К ТЕБЕ ПРОТЯГИВАЮ РУКИ

В затишке на балтийском берегу,
что в прошлом веке называли сковородкой
курсанты КВИМУ и студенты КГУ,
я кутаюсь от ветра, берегу
тепла остатки, согреваюсь водкой,
но что с собой поделать, не пойму.

Полвека жизни проскрипело по песку,
так незаметно, как крадется море
к заснувшему под жарким солнцем льву
и, кажется, что держит на плаву
вода в плену поселки взятые измором
пока поэты пьют и ближнему поют хвалу.

Сегодня зябко мне, лишь памяти следы
на выглаженной ветром дюне
свидетельством любви или вражды,
что здесь случилась с нами в том июне.
Все исчезает, времени потоки, подъем воды,
крушащий все в итоге, и онемевшие от холода дрозды.

Но не сдается море ноябрю, в его глубинах живет тепло,
поутру, волна еще несет янтарь на сушу,
порой мне кажется, твоей туники белое крыло
воды касается, прибой все глуше, глуше,
туман над берегом, твое в нем узнаю лицо,
к тебе протягиваю руки, но понимаю – время истекло.

Робко босая Ева
ступает по снежному насту,
зябнет старая дева
шахтерского рая,
метель не стихает,
сегодня в раю ненастье.
Узкая тропка бежит по краю,
от линии фронта до шахты,
ангел на вахте лениво
крылами гильзы и снег разгребают
давно ни войны, ни мира, уныло
в душах, а Богу для акта творенья
угля не хватает.

Тает и падает снег,
от обстрелов и холода сад обомлел,
птичьих стаяк не слышен гомон,
околел на ветру райский ворон,
трепет в душах, вчера Бог изрек –
размножайтесь, и сразу же выпал снег,
а следом и град полетел.
Но как размножаться в холод?

Свернувшись, в коробке
от дамского счастья,
мерзнет робкий
Адам в сапогах и шинели,
переживает войну, годами
в окопах сидеть очертело,
фиговыми листьями и прыжками
не согреешь тело.

Яблоки в инее,
ни змею, ни Еве
их не достать,
древо познания,
(кому как не ангелам знать)
растет на разделительной линии,
не избежать поругания,
скользко, лишь гимнастам
доступны ветки с плодами,
да где таких нынче взять.

В оцепенение змей,
осталась целомудренной Ева,
Адам не сорвал свое яблоко с древа,
так Земля без людей опустела.
Не стреляйте, берегите тепло для людей,
размножайтесь, Ева тоже хотела,
да вот не успела.

АНГЕЛЫ НЕ ОБЪЯСНЯЮТСЯ

Ангелы не объясняются матом,
они не объявляют войн,
в братьев наших лохматых,
бедных, а может, богатых,
размахивая автоматом,
не разряжают обойм.
Они берут грешников за руки
и, нежно глядя в глаза,
читают молитвы Радонежского
и вирши Ивана Франка.
Они говорят: «Братишки,
пошлите к черту вождей,
разлейте в стаканы горилки
и рюмки налейте полней.
Попарно возьмемся за руки
и двинем в ближайший кабак...
Но косо глядят украинцы,
и русские глухо молчат.
И ширится заваруха,
и некому слово сказать,
а православные ангелы
в канавах дорожных лежат.

ФЕВРАЛЬ

Нынче робка, как дева зима,
то пришла, то ушла. Сиротливы дома
без пушистого снега,
но проклянется скоро
на вербе листва и в струях дождя
будет долго тянуться весна,
как бродяга вдоль озерного берега.

Что поделать. Хоть жизнь коротка,
переждем, переждем, как сухие дрова
эти месяцы грусти,
как не медлит река,
но кораблики детства сбиваются в устье
и эскадрами канут в века
салютуя гудками и пеньем волчка.
Сядь поближе. Попробуй сберечь,
хоть немного тепла, хоть немного. Печь
остынет за долгую ночь,
и спасеньем для зябнущих плеч
лишь объяття останутся, впрочем, прочь
уходит зима, птичья ранняя речь
за окном, обещаьем счастливых встреч.

Снег выпал в ночь на воскресенье.
Весь город спал, а в тишине
Кружился снег, и во спасенье
Рождалось чудо в вышине.
Кружился снег и падал в реку
Еще свободную от льда,
Мне все казалось – Человеку
Жить без любви никак нельзя.
Мне все казалось, где-то, где-то
За старой школой во дворах
Идут два юных человека
И держат счастье в руках.
Пойдем и мы бродить по паркам,
По стихшим к ночи площадям,
Через мосты пройдем украдкой
И выйдем к первым поездом.
Где все так зыбко, так тревожно,
Но невозможное возможно,
Где я из старенькой тетрадки
Стихи читаю по слогам.

НЕБЕСНЫЙ ПАРТИЗАН

Поштучно слова подбираю,
шепчу их, нанизывая на ритм,
как лесной партизан в раю
оленину нижет на шомпол,
к собачьему лаю
прислушиваясь с облаков
или прячась от ангелов в подпол.

Кто его убедит, что война утихла,
он победил, уж нет его вожаков,
войска разошлись по домам,
но жив язык его земляков,
звучащий от Брянска и рая,
до ада и Амстердама.
Живым не хватает небесных смыслов
и детских счастливых снов –
Партизан, на землю опусти коромысло
с полными ведрами слов.

ВРЕМЕНА ГОДА

В наш город полный тайн и волшебства
нагрянет осень, выходных не зная,
срывает листья, под ноги швыряет из щедрости, а больше – озорства.
Ах, эта осень пьяная, глухая, дождливая, но все-таки моя.

Охапки листьев, в жажде торжества,
познания изменчивой природы, расстелит щедро осень пред тобою
и ты определитель насекомых раскроешь, слово книгу бытия,
и зачитаешься и будешь поглощен зимою.

В наш век наивных мудрецов, забыв о неге сна
и муках яви, ты допьяна напьешься талой влаги,
очнешься от зимы и прохрипишь – пришла весна.

Но грянут грозы, из небытия восстанут травы,
оживут дубравы и с нежностью небесного отца
тебя объемлет лето, так жизнь летит, и нет на времена управы.

Иго страсти пало
осада снята
с непреступного тела
сброшено одеяло
сарацинского лета
вырвано жало
ты спала
когда я –
одиноким воин покидал
опаленные негой поля
нелюбви
увы, после жатвы стерня
колет сердце и ноги
нет, я не предал тебя
просто для такой любви
не хватило
воздуха в легких
одиноким наводит печаль
на ночное светило и небо
только время допьет их
печали до дна
тасуя как шулер
зимы и лета
но где там
снова грядет весна

Нет, не в Углич,
Только не в Углич,
Не зови меня по весне,
Там царевич Дмитрий загублен,
Там ладьи плывут по реке.
Слышишь, Дмитрий,
Зачем тебе перышко?
Не броди по двору в тоске,
Вот, возьми лучше вострый ножичек,
Вырезай стихи на доске.
И последний законный из Рюриков
Резал буквы на берегу,
И зарезался, и зарезался,
Сам зарезал себя и страну.
С той поры от вражды
Не избавились,
Кровью харкаем в царской узде
Самозванцы мы, самозванцы...
И ладьи плывут по воде.

Анастасия ТРИФОНОВА

ЧЕРНЫЙ КРЫЖОВНИК

ОТРЫВОК

...К полуночи в мой двор лиса приходит
по старой памяти: на месте леса
стоят многоэтажки больше года,
но в поисках съестного рыщет зверь,
в помойке роется, вытягивая мусор,
напитываясь духом городским.

Привыкнуть можно точно ко всему:
к разлукам, переездам, холодам.
Но как могучий беспросветный голод
лисицу гонит через автостраду,
так человека гонит из себя
звучащая незыблемым каноном

оторванность так гонит из себя
нелепого пустого человека
сквозь череду огней на автостраде
в могучий беспросветный лес людской
к разлукам новым, к новым холодам,
к деталям одиночества былого.

Это детство, такое детство.
Мы поймали весной лягушку
и в песке раскопали яму
от плеча до кончиков пальцев,
где отвесные стенки пахли
перегномом прошедших весен.

Ну-ка, выберись, хладнокровка!
И недетский азарт бездушный
заплясал, поджигая травы,
что в песок уходили корнем
и мочалились, если дернуть
в самый воздух сухие стебли.

Эта яма исторгла крики,
эта яма исторгла слезы.
Если боль мне на шею лезет,
поджигает сухие нервы
от плеча до кончиков пальцев,
я хочу, чтобы чьи-то дети,

как лягушку, меня поймали.

Черный крыжовник, изабелла северных дач,
отведи дурного соседа десятой дорогой.
Разлапистый куст колюч, и укол горяч,
и крыжовенное вино горячит и горчит немного.

Царь царей, мичуринское дитя,
сколько болезней вынес, которой влагой
напитан, если каждый плод венозная чернота
пронизывает и рвет, как слова бумагу.

К телу ближе своя земляца – дыши, трудись.
С безголовой бутылкой долу хожу по кругу,
и крыжовник черный мне продлевает жизнь,
прививаюсь, колюсь – от какого-такого недуга.

а ты когда-нибудь вставал на гвоздь,
чтоб он вошел в стопу до шляпки сквозь кроссовку?
потом травмпункт и противостолбнячный укол.
сценарий прост. и все-таки не сотка,
но помнится. как хруст, как ветка бузины,
которая всю ночь в окне стояла,
пока температура не давала спать,
пока сидела мать у изголовья
и говорила, что до свадьбы заживет.

какую стену этот гвоздь держал,
какую он лелеял древесину
до той поры, как пробуравил ногу,
с кроссовкой породнив ее на вечер,
а в памяти – навеки породнив?
теперь окно взлетело до восьмого,
в нем нет ни тени, ни сомнений детских.
один балкон в соседнем доме
гвоздит мой взгляд в иную ночь нездешним светом –

дневная лампа холит чахлую рассаду
и смотрит на меня из-под подошвы
синеющего городского неба,
как будто повторяя: "Боль, боли
у кошки, у собачки, у голубки,
у курочки, у ежика, у мышки,
у змейки, у лисички, у лошадки,
у паучка, у ящерицы, у зайки,
у Настеньки пройди, пройди, пройди".

1.

Я на солнышке лежу,
«Новотерскую» цежу.
Подо мной морская галька,
надо мной зудит жу-жу.
Чуть по чуть жара кругом,
у горы под каблуком
я набойкой обращаюсь,
наскатерным завитком.

2.

Забери меня, гора,
может, я тебе родня
через битую коленку,
через чашку киселя.
Буду камень, буду пыль,
отживусь от суеты
в можжевелевой пещере
на окраине гряды.

3.

Положи меня в карман,
море завтра окиян,
где бурлят большие были
и витийствует сазан,
где ни донца, ни небес –
оступился и исчез,
за подкладку провалился
в мировой соленый лес.

4.

Насовсем бы здесь лежал –
хоть потом, а хоть пожар.
Утро пенку расстелило,
полдень градусом прижал.
Лейся песня, мойся мыс,
над мангалом дым клубись.
Раз пошла такая сила,
все по-новому родись.

Кукуй не кукуй,
времени все равно
не останется ни на грош,
что ляжет под языком,
притворяясь
утоляющим жажду камнем,
соленым агатом,
лихорадкой острого Кара-Дага
в широколиственной полосе.

Памятные манатки
собираются в кучу,
из прошлого возвращается зрение,
не прорываясь в грядущее,
словно кузнечик,
бьющийся о стекло веранды,
но снаружи,
из лая десятка
соседских цепных дружков.

Разноцветные лодки-долбленки
всечасно отчаливают от крон.
Мысли, как неудобные гости,
набрасывают ветровки
и спешно выходят вон,
порывом тревожа яблоню
над крыльцом,
в землю стучась
переспелыми кулаками.

Осенний пейзаж
начинается с птичьего неба.
В частном секторе
дорога плывет от дождей
до первых заморозков.
Под колесами еловые ветки
тонут и вовсе становятся не видны
постороннему глазу,
слезящемуся от ветра.

ПЕРЕД КАЗАНСКОЙ

Я помню глаз
и трещину насквозь,
как будто не доска, а книга разломилась
на том единственно возможном развороте:
ни красок, ни оклада, только глаз,
пронизанный насквозь, насквозь разящий
всезнанием, всеболью, вселюбовью.
Нет рук, лица, лишь полутьма собора
теснит толпу пришедших ближе, ближе
и раскрывает сводов полотно –
войди, войди, – а я стою, насквозь,
не в силах самое себя умерить,
надтреснутая, суетливая душа.

Санкт-Петербург

Александр КОКШАРОВ

СПЛИН БОЛИ

Прощальный поцелуй кленового листа...
Зима, увы, уже не за горами.
И что случится в эту пору с нами,
Когда душа, как глупый день пуста?

Каким большим казался этот день! –
Мы словно птицы в пору ту летали!..
Ну, а теперь он – блик свечи в тумане,
Дрожащий будто спугнутый олень.

И как нам задержать, остановить его?!
Взгляни – вновь блещут на рассвете дали!..
А мы потертой стороной медали
Хотим блистать... но лучше – ничего.

Знай, зимнею порой согреет нас любовь,
И подведет к последнему чертогу...
Очистится душа, уйдет тревога...
Но осенью, зачем такая боль?!

Нежная свирель играет где-то,
Снова я ищу свищу ответа...
Нежная свирель еще играет!..
Пусть она поет – не умолкает.

Внутри меня молчание...
Три ночи на часах,
Колесное шуршание –
Мой заполночный страх.

Сижу халатной мумией
И думаю: «Кто я?..
На кой мне черт заумия
О смысле бытия,

Которого на гулькин-то
Не хватит? – только быт,
Рутинa дня и хлопоты –
Путь бытию закрыт».

Но я сижу и слушаю
Шуршанье нервных шин...
Ноябрьской порошею
Присыпан боли сплин.

Сверкал этот вечер осенний,
Как-будто промыли стекло...
Пестрядевой канителью
Мерцало и грело оно.

Я шел, вспоминая, как в детстве
Из школы – в конце декабря,
Я плелся, и вдруг, пораженный,
Застыл – от причуды огня!

Вся в лампочках, может в три цвета,
А может в четыре – не суть,
Но елка простецкая эта
Открыла мне праздника суть.

Не сиюминутного, что вы,
А праздника жизни, как есть.
В сверкании гирлянды еловой
Открылась мне тайная весть.

В аккорде искрящейся вьюги,
И в гамме трех скромных цветов,
Струилась симфония звуков –
Волшебно поющих миров!..

Я понял всю истину чуда:
Его недосказанность – бог,
Рождающий из ниоткуда
Основу прекрасных дорог –

Иллюзии и вдохновенья,
И детского взгляда на мир...
С тех пор, вести той мановенья –
Благой мой хранитель-кумир.

Тихим снегом полна чаша –
Поседевшие края...
Взгляд задумчив,
Близость наша, как январская заря.

За фантомом дымных веток
Вижу чистый образ твой –
Будто зыбкий лепет лета
Над поникшей головой.

Эме Фитцджеральд

Пела дождем за окном...
На кристаллы разбиты звуки,
И рояль в реву ледяном
Мне протягивал черные руки.

Лорелея, Лорелея... страстным пламенем лелея,
Томных лилий тянет звук.
Эла, Эла... густо-белым
Тонет в сердце пряный стук.

Стынут струн тончайшие лучи,
Сонный воздух разрезают трубы!..
Ветошь грязных облаков молчит,
Слушая, как плачут эти губы.

Вздрыгнула вишня!
Белый летит лепесток –
Ветренный май.

Свинцовым лепестком –
Печаль на стол...
Тяжелая печать
Земной разлуки.

В ней чьи-то судьбы,
Как согбенный вол,
Бредут, бредут
Сквозь слезы, боль и муки...

Жидкая купа ольхи
В поле – у черной реки,
Белая церковь вдали,
И облаков корабли.

Августом пьян пряный лес,
Косит кузнечик жару...
Синее пламя небес
Тонет в студенном виру.

Неон огней на россыпях алмазных,
Разбрызганных по веткам черных лип...
Сверкает в лужах брошью безобразной,
И прячет в ряби века детский всхлип.

Ничего не кончается –
Это было бы слишком просто.
Мы идем бесконечной дорогой
Мимо бранных погостов.

Н. Л.

– 1 –

В глазах твоих тоскует море...
Совет... а губы – шум прибоя,
Влекут сумятицей глубин,
И шепчут мне, что я – один
Пловец – меж этих волн бесценных,
Глубин и впадин драгоценных
Никем не тронутой любви...

Вновь пальцев нежное касанье,
Соитие волны и дюн,
Клубка горячих змей метанье
Среди осколков сотен лун.

– 2 –

Железнодорожная лихорадка
Трясет на стыках...
Я еду в копейку –
Изгоем припадка –
Влюбленностью мыкать,
И ждать на скамейках
Твой выход и встречу –
На мертвых скамейках.

Гроздь сирени
В мареве мая,
Ласточек звонкий полет...

Все расцветает
И умирает...
Но никогда не умрет!

Старики, как опавшие листья
Опадают... И все. Навсегда.
Да, я знаю, что смерть словно бритва,
Только жизнь, это – просто вода.

А чужая?.. Чего она стоит?!
Глуп вопрос. Ничего, если нет
Этой нищей покинутой веры
У страны, где вся жизнь, как вертеп.

Старики, как опавшие листья...

Может я уже в аду?!
Или это все приснилось?..
Все живут, как в том саду,
Где нам счастье только снилось:

Все уверены в себе,
Скалят в небо наглой рожей...
Неужели это мне?..
Сохрани, Великий Боже!

Я узнаю твой образ дикий –
Багровых крыш холодный лед, –
Мой город в тишине безликой,
В январский утренний восход.

ТРИОЛЕТА

Как ни люблю тебя, родная,
Но, все же, путь мой одиноч –
Такой на мне лежит зарок.
Как ни люблю тебя, родная,
Манит дорога полевая,
И дальних звезд милей кивок.
Как ни люблю тебя, родная,
Но, все же, путь мой одиноч.

Улыбнись, дурачок!
Не ищи пятачок,
Не скачи и не плачь
Спозаранку.

Жизнь – обидный щелчок?
Не скули, дурачок!
Нынче людям
Завидуют танки.

Я поеду по снегу,
По первому снегу – к маме...

Я поклонюсь рябинам,
Я погляжу на поле,

Я посмотрю на небо,
Звездам кивну родимым.

Выйдет к крылечку мама,
Маму я поцелую.

В позолоте октября,
Кровельщики молотками гремя,
К крыше здания
Прибивают гвоздями небо...
Не пахнет похолоданием.
Листья кочуют по улицам –
От закоулка до закоулка...
Под шебуршащий променад
Выползают люди
На прогулку вечернюю,
Кто на час, кто на сутки
Отбросив свой ад...
Птицы небесные
Знают толк в предвестьях,
И оставив стремянку из веток,
Подкинутые к солнцу
Благою вестью непостоянств,
Толкают пространство
Света Божьего...
Холодно, тепло, жарко!
А у мира запарка –
Постоянство войны.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЛЮ СЕЗАННУ

Драконы под соснами...
Голос ветра чуть слышен
В корявых корнях,
Извилистых словно
Драконовы спины...

Вся тайна сосны – в корнях и вершинах –
Страстях и надеждах Сезанна.
Драконы поют: – Донна Анна!
И пламя на соснах горит
В лучах уходящего солнца!..

И в море стекает слезой янтаря,
Медовым овалом ствола
Шершавость ладоней коры обтекая – по линиям жизни,
С полынной горчиною ветра смешавшись –
Спешит прямо к морю...

О чем этот плач твой, сосна: «Донна Анна!»?
Быть может стоять ты устала
У самого древнего моря –
Так неприятно, и одноного, и неустанно?..
Шепни мне, прошу!

Ведь я еще слышу шуршание речи твоих муравьев,
Бегущих с поклоном – к драконам...
Несущих застывшие капельки солнца
В своих челюстях мелкоскопных,
И скопом кладущих в корявые лапы,

Что вдруг претворились корнями твоими...
Шепни мне, сосна, я пойму!
И вечером тихим, к тебе приглашу я Сезанна,
Чтоб вы, наконец-то, сумели во всем объясниться –
До самой последней янтарной слезы...

Я знаю, что птица на ветках твоих –
Это он, пахтающий кистью
Сверкающий солнца желток – с синью неба...
И сквозь восхитительный сон,
Смешав гроздь боли, поступков и мыслей,

Он красочной трелью танцующей кисти
Напишет тебя на холсте безвременья...
Все море бушующих в мире страстей
Легко уместив на вершине твоей,
И крик: «Донна Анна!» – Сезанна.

Какой-то стальной поволокой
Затянуты мысли и смысл...
Тащить камень быта далеко, –
Сизифова поступь – вверх, вниз...

А небо, в прожилках сирени,
Густеет ультрамарином,
И скалы небес – в рыжей пене –
Зеленой волной окатило!..

Я сброшу с души черный камень,
И гору страданий покину,
Шагнув через ворох желаний
К небесной тропе пилигримов.

А. Белому (Б. Бугаев)

Беспечный цок танцующих шагов,
Глаз зелень – в золоте лазури,
Певучий вой прозрений и стихов! –
Летающий белый бык – серебряная пуля...

Улыбка призрачна, как Петербург
В ночь бледную – под белизной эмали
Небесной... Завершая круг
Угла, летит он в ангельские дали!..

О эта неухоженность эпохи
В трезвонах дребезжащего трамвая! –
Прохожие, как скачущие блохи,
Пытаются вцепиться в ляжку рая.

Снились сны
Всю ночь сегодня –
То страшней,
То благородней:

Дрожь земли,
Страна забвенья,
Шалый ветер,
Мамы зов,

Глупый друг,
Река, деревья,
Мрачный грохот
Злых низов...

Крикнуть бы: «Мама!» – с облаков –
В последнем «прости»,
Стать новорожденным –
Знающим конец пути,

И все простить
С верхушки паутины,
И вырасти пером –
В хвост перистый,

Шипящий в бирюзе –
С сапфировым отливом –
Из-под заката,
Тянущего гром.

Александр ГУРЕНКО

ИЗ ВОСТОЧНОГО ЦИКЛА

Мысль моя, не знаешь ты преграды,
Старой книги шелестит листок.
Сказками своей Шахерезады
Ты давно пленил меня, Восток.

Не бывал на рынках я Багдада,
С плеч своих не стряхивал песок.
И ночных садов твоих прохлада
Грезилась мне только между строк.

В шелесте страниц все так знакомо,
И не властно время и года.
Наполняя душу мне истомой,
На востоке вспыхнула звезда.

Здесь она и там горит, я знаю,
Отражаясь и двоясь в окне,
И как в детстве, я опять мечтаю
О далекой, сказочной стране.

Сколько б ни скитался по вселенной,
К Иордану рвался я душой,
Чтоб, омыв лицо струею пенной,
Помолиться тихо под луной.

Как учили люди и пророки
Посреди безжизненных пустынь,
Где бессмертные рождались строки
И звучало тихое «Аминь».

Где душа свободу обретала
В горестных и радостных слезах,
Где конец, и где берет начало
Истина, сокрытая в веках.

Зари вечерний свет, как золото браслетов,
Запястья обведет невидимой чертой,
И на камнях седых сквозь тени силуэтов
Покажется на миг неясный образ твой.

В тревожной тишине египетского зала,
Где эхо в пустоте пугающе звучит,
Мгновение одно ты, как звезда сверкала,
Свой оставляя след в узорах древних плит.

Вечерний свет уже над обелиском где-то,
И поглотила ночь неясные черты.
И странные слова, и золото браслетов,
В которых предо мной на миг предстала ты.

В лунном свете с высоты балкона
Я гляжу на берег. Там, в дали,
Не слышать ни шороха, ни стопа,
Лишь темнеют в море корабли.

Лишь темнеют пальм высоких листья,
Да в соседнем свет горит окне.
И бегут, бегут куда-то мысли
Лунною дорожкой по волне.

За Синай, за горные вершины,
За пески бескрайние пустынь,
Где в шатрах походных бедуины
Стерегут возлюбленных рабынь.

Там кочует ветер грусти полный,
Там верблюды в круг шатров лежат
И струится лунный свет безмолвно,
Как и сотни лет тому назад.

В жарких объятьях Востока
Себя я хотел отыскать.
Чаша пророка глубока,
Не выпить, не расплескать.

Стройность манит минаретов,
Сур бесконечный полет.
Время закатов, рассветов,
В вечность души переход.

В дальние смотрится дали
Сфинкса загадочный лик,
Где мы себя потеряли
В жизни нам данной на миг.

Слезой прозрачною дрожит
Звезда над гладью Иордана.
Смолк муэдзин, и не звучит
Напев привычного изана.

Земля богов, земля царей,
Всех человеческих истоков,
Ты снова стонешь от страстей,
И лжемессий, и лжепророков.

Во власти гредишь миража
И снова, как мираж, во власти
Пространства, призрачно дрожа,
От своего стремишься счастья.

Благословен будь, свет лазурный,
Когда из розовых ветвей
Ты выступаешь, – и, безумный,
Ловлю я блеск твоих очей.

В дыханье – вздохи нетерпенья
И ароматов облака.
О, миг волшебный обнаженья!
И вот – в моей твоя рука.

Чадрую легкою прохлада
Укроет смятые цветы.
Свет, не спеши, прошу, не надо,
Ты не спугни моей мечты.

Замру, отдавшись наслажденьям,
Срывая с губ горячих стон.
И припаду к твоим коленям,
Чтоб вечно длился этот сон.

Всплывают образы, мечты,
И души тянутся друг к другу,
И ты бежишь от пустоты
Ко мне по замкнутому кругу.

Пусть будет долог путь земной
И не гнетут тебя тревоги.
Они – как пыль, как дождь и зной,
Всегда сопутствуют дороге.

Осыплет бледная заря
Холмы – слезинками рассвета.
И радость светлую даря,
Падет на камни Назарета.

Пусть будет долог путь земной
И люди да не будут строги,
Когда с холщовою сумой
Ты будешь обивать пороги.

Погаснут дальние огни
Под небесами в мироздании,
И будем только мы одни,
А между нами – расстоянье.

Пусть будет долог путь земной
И в кровь изодранные ноги.
Пусть приведут тебя домой
Мои молитвы и дороги.

Ветер, ветер, видел ты полмира,
В разных странах был ты и краях!
Почему же у руин Пальмиры
Ты затих, ее целюя прах?

Те пески, что помнили когда-то
Бат Заббат, неизгладимый след,
Караваны с серебром и золотом,
Горести и радости побед.

Помнили триумф Аврелиана,
Колоннад величественных ряд
И простые строки из Корана,
Что о вечном миру говорят.

Скоро, может быть, и я уеду.
Ты уйдешь опять к кому-нибудь.
Так зачем же странную беседу
Ты ведешь, склоняясь мне на грудь?

Все у нас с тобою очень сложно,
И понять тебя мне не дано.
Подбираешь фразы осторожно,
А сама с другим давным-давно.

Виноградные в саду мерцают гроздья,
И луна в окно всю ночь глядит,
А моя загадочная гостья
Надо мною что-то ворожит.

Просят губы жаркие прохлады,
Страсть прощальной ночи утолив,
И поют цикады серенады,
И блестит таинственно залив.

Сергей ПОДОЛЬСКИЙ И МАЛЬЧИШКОЙ СЕБЯ ОЩУТИТЬ

ДЕРЕВЕНСКАЯ ГУЛЯНКА

Вот осветил деревню
Луны неяркий луч.
Рвет ветер дерзновенно
Меха нависших туч.
Бескрайние просторы,
Метели буйный свист.
На клавиши-заборы
Жмет ветер-гармонист.
Разнузданно-веселый
Гармони разговор!
В печи застряло соло:
Задорный фа-мажор.
«Гуляй! Уснуть не пробуй!» –
Стучится ветер в дом.
Вокруг лежат сугробы,
Как гости под столом.
Над снежными полями
Мотив несется прочь.
Висит в оконной раме
Хмельная гостья – ночь.
Припомнив па канкана,
Пошла в разнос метель.
Как грохот барабана,
Незапертая дверь!

ВЕСНА. ВЕЧЕР

Зеану Кагану

Вечер серенькой мышью
Юркнул в окно, словно спринтер.
Ворона с соседней крыши
Глядит попугаем Флинта.

Вмещают случайных прохожих
Толстые линзы очков.
Диагноз он ставить им может
Строчкой своих стихов.
Из капли света и тлена,
Из плоти своей – по частицам
Созданы им вдохновенно
Слова их, характеры, лица.
В этих своих открытиях
Он, словно снайпер, меток.
Уверенно двигает нитями
В театре марионеток.
Морщинки усталыми лучиками,
Взгляд пронизательных глаз.
Немного у вас попутчиков,
Немного друзей у вас.
Где-то, увы, потерялась
Не встреченная «мадам».
Нет, это вовсе не зависть,
И не упреки друзьям.
Свет желтый лампочки косо
Тени кладет на паркет.
Знаком немого вопроса
Застыл у окна силуэт.
И все же он счастлив, видишь?
Весна. Прилетели грачи.
Мамина песня на идиш
В комнате тихо звучит.

Талант и труд достигли цели,
Обласкан славой менестрель.
Но полон зависти Сальери
Коварный замысел созрел.
Что одному легко дается,
Другому – Богом не дано.
В хрусталь бокала щедро льется
Рукой лукавою вино.
Вот, дивной музыкой не ставший,
Лист нот на краешке стола.

Да гений, на полу лежащий,
В осколках битого стекла.
Злодей, на цыпочках крадется
Накинув плащ, в ночную тьму.
Но кто последним рассмеется
Известно Богу одному.
Не властна зависть над талантом,
И каждым выбран жребий свой:
Тот был великим музыкантом,
Зла воплощением – другой.

МОСКОВСКИЕ ГОЛУБИ

Жил мальчишка – натура простая,
Непокорный упрямый вихор.
Во дворе голубиную стаю
Выпускал на небесный простор.
Заберется парнишка на крышу,
И оттуда с восторгом следит
Как кругами все выше и выше
Поднимается стая в зенит.
Ненадолго исчезнув, однажды
Он вернулся. Был двор удивлен.
В новой форме, подросший и важный,
Портупея и крылья погон.
Не пацан, а уж летчик военный,
Только крыша, как прежде манит.
Сбросив китель, самозабвенно
По-разбойничьи стае свистит.
Ах, как здорово было вернуться!
С губ водой голубей напоить,
К нежным перьям щекой прикоснуться
И мальчишкой себя ощутить.
На войну всем двором проводили,
Обещал он: «Врага разобьем!»
Над Москвою в ночи закружили
Самолеты с паучьим крестом.
Через год прочитали в газете,
Что, исполнив присягу свою,
Он погиб в январе в сорок третьем
В скоротечном воздушном бою.

Двор сегодня пустой и холодный
И знакомых не встретишь людей.
Нынче, знаете, стало не модно
Над Москвою гонять голубей.

СТРОКА СИМОНОВА

Сюжет войны. Его основа
Из книжки записной листок.
На фронте, зная цену слова,
Он, как патроны их берег.
В строке его ожил сегодня
На землю рухнувший солдат.
И вновь, скрипя зубами, «взводный»
Готовит связку из гранат.
Все ближе танки перед ними,
А смерть глядит в глаза бойцов.
«Держаться!» – требует Серпилин,
И по врагу строчит Синцов.
...Горят кострами танки вражьи,
Устало «взводный» закурил.
Живые, мертвые – каждый
Не струсил и не отступил.
В сюжете рано ставить точку.
В строю, в кабине, на броне
С бойцами вместе эти строчки
С жестокой правдой о войне.
Сегодня здесь под Могилевом
Строку бессмертную твою
Прошепчет спелый колос снова
О тех, кто пали в том бою.

Эдуард БОРОХОВ

АФОРИЗМЫ

НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО

Внимать не стоит ахинее,
Что жизнь лишь сытой хороша,
Чем пищи рацион скуднее,
Тем легче на подъем душа.

Я жаловаться на судьбу не стану,
Слова на оправдания тратя зря,
Удача мне в делах не по карману,
А я, похоже, ей до фонаря.

Покойник содрогнется от обиды:
Его заслуги ничего не значат,
Когда, домой вернувшись с панихиды,
Никто о нем из близких не заплачет.

Какая удивительная публика,
С которой в жажде зрелищ нету сладу,
Показывают дырку ей от бублика,
Ну, а она хохочет до упаду.

В делах, игре страстей и быте,
Хоть ясно все на первый взгляд,
Не торопите ход событий,
Не зная, что они сулят.

Он есть готов в любое время суток,
Не упуская ни одной okazji,
Уверенный в том, что пустой желудок
В уме не будит творческой фантазии.

Иллюзиям мы попадаем в плен,
Надеясь, что пройдут несчастий дни,
Но если мы дождемся перемен,
То будут только к худшему они.

От прорицателей не ждите честности,
Когда они картинно морщат лбы,
Уж лучше оставаться в неизвестности,
Чем в страхе ожидать удар судьбы.

Не опасаясь адовой расплаты,
Без угрызений совести грешим,
Почти всегда мы в чем-то виноваты,
Но признаваться в этом не спешим.

Усмири в душе своей растерянность,
Ни преград не бойся, ни помех,
Только, обретя в себе уверенность,
Можешь строить планы на успех.

Присущи им тщеславие и косность
И жажда присвоения ярлыков,
Но, несмотря на всю их вредоносность,
Я не держу обид на дураков.

СОБЛАЗНЫ И ПОРОКИ

Как загнанные звери мы живем:
Такая на дворе стоит эпоха,
Не потому все плохо, что мы пьем,
А пьем мы потому лишь, что все плохо.

Он умерщвлен был не змеей,
Не пулею в затылок,
Сражен был водочной струей
Из тысячи бутылок.

Не теряй с реальностью контакта
И не возводи здоровье в культ:
Если убежишь ты от инфаркта,
То настигнет рак или инсульт.

Умным следует учесть:
Глупость прытким не преграда,
Если денег много есть,
То ума совсем не надо.

Излишества нам всякие по силам,
Но вряд ли беспределен сил запас,
Обжорство приближает нас к могилам,
А пьянство в них укладывает нас.

Смотря, как размножаются бактерии
Под микроскопом, думал он тоскливо
О том, что все высокие материи
Не стоят в жаркий полдень кружки пива.

В старости не скучно жизнь течет
В хлопотах на даче с огурцами,
Окружает стариков почет
Без надежд свести концы с концами.

Исследуя истории анналы,
Потомки пусть на нас не смотрят косо,
Мы, если и меняли идеалы,
То в силу их морального износа.

А СЛУГИ КТО?

Без кома в горле думать не могу,
Скорбя по тяжким жертвам и утратам:
Москву не уступили мы врагу,
Чтоб сдать на разграбленье бюрократам.

Живем мы так убого, мужики,
Из-за засилия чиновной братии,
Глодают бюрократские жуки
Зеленые побеги демократии.

Нас честь и совесть не спасут:
Они в России мало значат,
Вершат над нами скорый суд
Те, по кому параша плачет.

Тучнеют в кабинетах бюрократы,
К народу относясь без уважения,
Мигалки, привилегии, откаты
Им создают среду для размножения.

Ты б с критикой властей унялся,
Какого хочешь ты рожна?
Ведь жизни уровень поднялся,
Став выше, чем ее цена.

Крепнет у народа пессимизм:
Вновь власть норовит дурачить нацию,
Раньше обещала коммунизм,
А теперь сулит модерьмозацию.

Прибавил в жестах он степенности,
А с ней – во взгляде безразличия,
И комплекс свой неполноценности
Сменил на манию величия.

В очередном спектакле он – король,
С ним рядом суетятся фавориты,
И он настолько вжился в эту роль,
Что по нужде отвык ходить без свиты.

Чиновник благоденствует в почете,
Добившись привилегий и наград,
Он чуть не надорвался на работе,
Переноса из кресла в кресло зад.

ОХ, УЖ ЭТИ ЖЕНЩИНЫ

У раздумий нахожусь во власти,
Мыслью донимаемый панической,
Что любовь к тебе, остыв от страсти,
Станет очень скоро платонической.

Хотя ценю я в дамах совершенство,
Которое достойно пьедестала,
Вкушаю часто райское блаженство
Я с теми, кто далек от идеала.

ПОЭЗИЯ СМОЛЯН

В природе человека есть изъян,
А может быть – преемственность в рефлексе:
Раз мы произошли от обезьян,
Нам суждено менять партнеров в сексе.

Снимает многие барьеры
Отсутствие альтернативы:
Хоть по ночам все кошки серы,
Зато все женщины красивы.

Не оскорбляй подругу одолжением,
К ее капризам быть старайся чуток:
Мужчину с неприличным предложением
Ждут женщины в любое время суток.

Хоть женщины на дар судьбы надеются,
Но за мужчин сражаясь всякий раз,
Они на свои лица, как индейцы,
Наносят густо боевой раскрас.

ПРОЗАИЗМЫ

Каждый человек может быть чем-либо полезен для того, кто знает ему цену.
Выйти сухим из воды лучше получается у того, кто льет ее на чужую мельницу.
Каждый ищет тот смысл жизни, который послужит оправданием ее бессмысленности.
Клятвами любовь не пробудить.
В России умеют так решать проблемы, что в результате появляется еще больше новых.
От некоторых друзей узнаешь все, что они о тебе думают, только после того, как они становятся врагами.
Чиновник отличается от страуса тем, что, прежде чем прятать голову в песок, он успевает что-нибудь захватить в клюве.
Женщине легче найти повод для обиды, чем мужчине для выпивки.
Повышение цен формирует новый взгляд на вещи.
Результат современного лечения имеет два варианта: разорение или летальный исход.
Нельзя добиться от жизни ничего хорошего, не сделав никому ничего плохого.
Он прожил жизнь так, что даже после того, как стал покойником,
никто не смог сказать о нем ничего хорошего.
Если ничего не получается, то и на помощь рассчитывать не приходится.

Тот, кто принимает жизнь всерьез, обычно бывает лишен чувства юмора.
Народ давно понял, что многие политики – идиоты, а они все продолжают это ему доказывать.

У чиновников есть места, где жировые отложения особенно заметны, – это задница и мозги.

В России не торгует совестью лишь тот, кто давно ее потерял.

Слугами закона становятся для того, чтобы быть хозяевами положения.

Кляп – это тряпочка, в которую приходится помалкивать.

Легче начинать все с начала тому, кто только что избежал ужасного конца.

Старая дева – это девушка, которая всю свою жизнь боится показаться нескромной больше, чем потерять девственность.

Некоторые ошибки в жизни следует совершать так, чтобы их невозможно было исправить.

Хаос часто создается в процессе наведения порядка.

В России первые лица часто заслуживают последних слов.

Пока выйдешь в люди – озвереешь.

В любой организации наиболее занятым выглядит тот, от кого ничего не зависит.

Хотя на льстеца противно смотреть, но слушать его приятно.

Смех больше других продлевает жизнь тому, кто смеется последним.

Даже если женщине нечего сказать, она сумеет заставить кого-нибудь себя слушать.

В некоторых музыкальных произведениях наибольшее удовольствие слушателям доставляют паузы.

Даже самый прочный бронезильт не спасает от контрольного выстрела в голову.

Лучше быть умнее своего начальника и ему этого не показывать, чем быть глупее и все время ему это демонстрировать.

Тому, кто решил сделать карьеру, не обязательно любить своего начальника, но демонстрировать любовь к нему необходимо.

Все проблемы, стоящие перед правительством, оно решает за счет народа.

После знакомства с тещами у некоторых мужчин пропадает всякий интерес к женам.

Многие не упускают своего шанса разделить завидную участь с теми, кому она уготована.

Большинство людей такие, что хотелось бы их видеть в меньшинстве.

Антон АЗАРЕНКОВ

Звездочкой лишней, сердцем
дрожит ночной самолет,
между Алиотом и Мегрецем
ломая Медведицы черный лед.
Мерцает в крепящих пальцах
надломленная сигарета.

И видно ее с того света,
и слышно ее мимолетное скерцо
в торжественной музыке сфер,
между твердью и хлябью,
и давление атмосфер
вспыхивает артериальной рябью

под одеялом того,
кто сейчас одинок, кто я.
Кто себя от вечности затая,
празднует Рождество.

ЭЛЕГИЯ О ВОЗНЕСЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

На потайной скамейке
встречались ввечеру
(у матушки Ирины,
Панкратовой в миру,
покинутой в могилке...
А я потом умру).
По узеньким тропинкам
гуляли наугад
до сумерек, и бедра
скользили меж оград.
И в сумочке лежали
таблетки циклодол.
От холода дрожали,
и длился поцелуй...

Как юности детальны
и память, и вина!
И как сентиментально
то кладбище: *больна*.

Увидел привиденье,
знакомое лицо,
в соседнем отделении,
тоскливом ПСО.
«Мы все перетерпели, –
шепну через года, –
и, сколько б ни болели,
мы здесь не навсегда».

ВМЕСТО МОЛИТВЫ

пусть мне проломают голову
эти подростки возле
торгового центра если
я наконец откликнусь

или сосед по клетке
с кашлем туберкулезным
на ночь не запираю

сама приходи с железкой

пожалуйста ну пожалуйста

и никакой тревоги
праведная обида
маленькая свобода

жаль что никто не дарит
этого удовольствия

Антошка, Антошка...
Будет твоя душа
как жареная картошка.
Вынут червивый клубень,
отмоют и приготовят
с пряным чесноком,
базиликом душистым.

Носят тебя, Антошка,
по воздуху за подтяжки –
от дома и до работы,
от работы до гроба.
Сучишь тепловатыми ножками
во сне, а думаешь – по земле.

Ох, Антошка, Антоний,
Тоша, Антонция, Тонче,
Антон Александрович, Тоха –
кто ты для них еще?.. –
спи в этой персти и прахе,
спи до последнего вздоха,
спи и не думай,
что ты прощен.
(И соблюдай диету!)

Неслышно ковыляет человек.
Вокруг, колыша ветхий борщевик,
клубится снег. Ложатся покровы
на кровли, трубы, бани и хлева
(дрова, сараи, тряпки, конуры
и прочее скупое иудейство).
В прихожей собирается семейство.
Шипят говоруны.

Где мыкается бедная дочка?
Чем угощать священника, дьячка
и певчих? Аль выгнали Дружка
и Муську из гостиной? Мужичка
позвали, Сашку с Костырей? Скажи
ямú, шоб подсобил. А свечки?
На кухне вчетверо по луковой дощечке
быстрее стучат ножи.

Сижу на лишней табуретке, разделив
сестру и мать – как дикобраз
какой-то – молчаливо: здесь табу
на разговоры. Лезет снег в избу
постылой панорамой, но белей
рассохшаяся краска крестовины
и на трюмо спадающие криво
лавины простыней.

Там пятна растекаются гвоздик.
Мы обступаем, будто борщевик.
Клубится ладан, сходятся лучи –
семь лезвий – в сердце. Мати, умягчи!
И полностью пропитанный покров
на зеркале. Стоим, не замечая:
спеленатую куколку качая,
Кто высится, поправ.

Екатерина СМИРНОВА

ДУМАЕШЬ – ЛЮБОВЬ, А ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕЧТО ИНОЕ

Как-то в детстве мы с другом
Увидели на ободке унитаза что-то коричневое
Подумали – шоколад
Решили лизнуть

куку, ляля!
мы так повзрослели,
так подросли...
слушаем укулеле,
читаем Айги.
травим клопов и
чистим ботинки,
поправляем спинки
на мятых креслах.
кресла не мучим –
измучены сами!
подари мне
педаль с тормозами,
не спрашивай: «На кой?»
обеспечит покой,
может чмокнуть
с первой попавшейся кочкой
асфальтированного упыря.
для кого строчки?
чего для?
злобыдйство не в моде.
куда ж мне при такой погоде?

только тудысь.
придешь надысь?
поговорим тудой-сюдой.

Мама, мама!
На кого меня оста?
Я стою вся в побрякушках,
Глушу водку у моста.
Раритетная картина:
Два блевотных аргентина
Клеят юную меня,
Южный жар батрачит в глотке,
Разрезается селедка на картонке,
Опускается ручонка
На мясистые бока, –
Какой уж тут бокал!?
Спазм сдавил мою утробу.
Трется грязненькая роба
О телесности молокой...
Заглянуть бы маме в око,
Намекнуть на дом...
Я не плачу, не кричу я,
Только одного хочу –
Прыг головкой о бетон.

Трется ножик о картон...

ты никакосовой закладки разносила
на столетней Мотороле сбрасывала вызов
не мой трафарет неудачной жизни

резать руки больше не больно
перейдешь на ноги
перекатишься клубком
в чужие лапы

а он раззявит рот и прыснет
«чего волосы не мыты?»

ты высмеешь его галстук —
ты выгладишь его галстук

«отчего руки дрожат?»
ей нечего сказать.
это дитя наглости
и извечного скепсиса,
правда, она так себя не позиционирует

ВКУС ЖИЗНИ

Выход один - E621.
Но
Взлететь =
Залечь на дно?
Где суть?
Ты свыше,
Одновременно ниже
E=0.
Как быть?

Терпи.

Полина ЛЕОНОВА

В молодости бабушка проснулась,
ее муж – нет.
Она рассказывала
о его холоде,
о ее страхе,
поселившемся и во мне.

Твоя подруга детства
подверглась насилию.
Ты видел ее слезы?
Я вижу,
они живут в тебе.

Ты говоришь,
что умрешь во сне,
закрывая глаза,
прижимая меня к теплomu,
любимому,
своему телу.

Меня бросает в дрожь.

Я возвращаюсь домой
по подворотням,
где целые стайки
полулюдей
рано или поздно
меня помянут
и схватят за локоть,
притянут к
чужим, холодным и грязным одеждам.

Тебя не будет рядом.
Тебя бросит в дрожь.

Пусть это будет сон.

Пачки акварели
с изображением Ариэли
медовые

Мы видели эти отливы
на нас

Фиолетовый язычок
чау-чау

Прокаженные и минздрав

Цвет
середины ромашки

Маковый

Тела-палитры

Пускай болит

Вытираем личики
и идем божьи краски смотреть

АРХАНГЕЛЬСК

Никаких ангелов
Архивелизна
Лужи
Как у всех
Да не все
Кобельки отстукивают чечетку
Цок-цок
Разбегаясь по паркету
Они прыгают в объятия
Стремясь опередить друг друга
Вгрызаются в шею
Но так любят
Радуются
Как я хочу, чтоб меня укусили в затылок

От топота копыт
душа болит.
От опыта обид –
Знобит.
От ласки до неги
претит.
Тобой я забыта,
забита
статью, копной волос.
Отрежь мой конский хвост. Отруби
за завтраком в полусне.
Ушла в гнедом плаще,
Ты ушел в пальто.
А на лугу паслась кто?

Обгореть на твоём светлом солнышке
Кожа слоится
внутри живота
и трется об шарик надутый тревогой
Метаться
уже не внешне
Иногда происходят такие вещи
что хоть пропадай
От рюмочного сапожка
до стерильного творожка
меньше суток

Андрей ФЕДОСКИН

Деревню накрыл полуденный сон.
Жаркое лето – трава и выгорела.

Ночью бил град. Выбоины,
будто по хатам топтался слон.

У крайних домов – передача:
Иван Васильич меняет историю.

Дулом развернута камера,
в линзе – искажение Пегова.

Дивись, яки погани хлопци.
И що им тут тільки треба?

попуа попуа попуа попуа
ляляля ляляля ляляля ляляля
утопим <кого-то> в <таком-то> канале
вместе с его друзьями
собакой женой
и научным руководителем
потом сломаем плотину
и вымоем город
мусор банки и все такое
на дно
и будем плясать и радоваться

Кто пошел отвоевывать Гроб Господень
В четвертом с полтиной крестовом походе?
Палок – мечей бесполезные орды,
Лучшие дети народа.

За лучший мир! Праведный бой!
Супер-святое мщение!
Сподвигнул епископ.
Сподвигнул король.
А малыши в предвкушении,

В доспехе из налипшей земли
По дорогам шарились...
Их привечали в каждом селе,
Вывешивая шарики:

Слава героям!
Сало неси!
Овощи! Будете
Самыми сильными!
Постойте, сир!
Возьмите сыр!
Так уходили
В сторону Сирии...

Марсель. Корабли. Добрались! Близко!
За ширмой воды притаилась цель.
"Откройте!" Не битва. Побои и цепь.
В плюсе король.
В плюсе епископ.
Радуются купцы:

За каждого было уплачено
Еще когда собирались идти.

Общее число пассажиров.
Количество посадочных мест.
Говорите заранее, чтобы водитель
Успел переставить на тормоз протез.
Помощь юриста дешево.
Тысячу раз сегодня видел
Эти наклейки на окнах
За время пути.
Кто-то вспотел.

Кто-то на стеклах рисует овал
Для глаз, мгновенно заживающий льдом.
Кто-то читает. Явно не Пушкина.
О другом.
Непонятно, стоим или едем.
Сиденья-жерди.
Жизнь нахохлилась в клетке стагнации.
Лучше пошел бы пешком.

Помнишь, как город раздвинулся в стороны,
Когда Антимоисей бежал от Аквафараона?
Расщеплял дороги, сшибал балконы,
А за ним намечались волны.
Башни складывались.
Проседал и горел
Ковчег на спине Покровской горы.

Речка в центре, ранее маленькая,
Тихая, полная тины,
Штурмовала рубежи набережной,
Размывала бронзового Владимира,
Кидала свои кандалы – не жалко...

...А Моисей бежал,
Проклинаемый всеми.

Землетрясение,
Наводнение – словно маленькая война:
Патрули воды кольцевали город,
Вершили обыск, заходили в дома...

Я когда-то мечтал о Смоленском море...

Стася БРИК (Анастасия Самарцева)

Я запомню навек твой горячий и крепкий чай...
Он дороже и слаще всего, что бывает на свете.
В нем – тепло милых рук, мягкость шали с родного плеча
И немного весны, и мечты о далеком лете...

Он – простое лекарство от долгой осенней хандры,
От замерзших ладоней и сильных январских морозов.
Твои руки опять, словно льдинки зимой, холодны.
Но они варят чай, согревая и сердце, и воздух...

Небо плачет дождем, заывая следы,
Пожелтевших осин мимолетное счастье.
Кто-то тихо ушел, кто-то быстро забыл
Удалую породу каштановой масти.

Небо плачет дождем, уывая апрель,
Тусклых красок природа нависла над миром.
На душе хмурый сон, на кистях акварель,
Мысли чертят границу железным пунктиром.

Небо плачет дождем, нагоняя печаль,
Улетели сквозь время про вечность страницы.
Кто-то любит и ждет безвозвратную даль,
Ну, а кто-то не верит уже в небылицы.

Приходи.
Приходи же сегодня,
Ведь я очень жду!
Черт возьми,
Не пойму,
Где тебя столько времени носит!
В темноте остановки
Я честно призналась дождю,
Что скучна без тебя
Эта хмурая мерзкая осень...

Приходи.
Чтоб помочь мне за чаем
Отвлечься от дел
И без капли корысти
Обнять за уставшие плечи.
Ты – мой давний секрет,
Но таков наш печальный удел:
На заботу твою
Я, увы, никогда не отвечу...

Приходи.
Сквозь замерзшие улицы
Новой зимы.
По пути не забудь,
Как обычно, поймать вдохновенье.
В темноте остановки
С тобой прощаемся мы
Не на целую жизнь,
А всего на одно воскресенье...

Юлия ГЛЫБИНА

В ПОЛУМРАКЕ ГОСТИНОЙ

МАРГАРИТА

Марго мастерски подгоняет тебя под ритм,
На выдохе шепчет, мол, рукопись не горит.
И тот, кто ее сотворил – точно был пиит,
Или вовсе дьявол.

Марго любит зимние грозы и песни рыб,
И ты бы убил, чтобы стать для нее вторым,
Чтоб утром посмотреть, как она выдыхает дым,
Закутавшись в одеяло.

Твоя Маргарита невидима и легка,
Пускает по небу кислотные облака,
А ночью тихонько подпиливает рога
Под музыку Джой Дивижн.

И все что ты можешь: ловить для нее мышей,
Подковыкать блох, выгоняя левшей взашей,
Шептать ей на ушко заезженные клише,
Одолженные из книжек.

Твоя Маргарита далекая, как луна,
Сверкает босыми лодыжками из окна,
Читает Ремарка и Маркеса вместо сна –
Столетняя одиночка.

Пока ты кружил вокруг солнца, что твой Улисс,
Украдкой любуясь на ведьму из-за кулис,
Марго аккуратно подула на чистый лист,
Тебя дописав до точки,

Швырнула в огонь и шагнула в густую тьму,
И ты, добровольно избравший свою тюрьму –
Тетрадную клетку, доверил себя тому,
В кого никогда не верил,

Тому, кто далек и отчаянно близорук...
Марго озадаченно дует на пальцы рук,
Пытаясь понять, отчего ее милый друг
Так вдруг превратился в пепел.

ЭТИ ЛЮДИ

У людей, что танцуют ночами на крышах,
Покоряют вершины на дедовых лыжах,
Сердце бьется на несколько метров повыше
От холодной земли.

Эти люди умеют смеяться, как дети,
Ищут знаки судьбы на счастливом билете,
Даже если автобус дымится в кювете,
В придорожной пыли.

Они любят плацкарт и прямые дороги,
Потому что в проход можно вытянуть ноги,
В подстаканниках носят сканвордные боги
Керосиновый чай.

Эти люди молчат, оказавшись у моря,
Как безвестный философ писал на заборе,
Хоть и слово он выбрал немного другое,
Угадал невзначай.

Они пишут стихи на обрывках обоев,
Слышат музыку в ритме накатов прибоя,
Наслаждаясь спокойствием звездного роя
И космических сот.

Их улыбка, как фара для дальнего света,
Обнуляет циклический счетчик планеты,
Нарушая порядок закатов, рассветов,
Часовых поясов.

Эти люди всем миром, порой, одержимы.
Их вселенная тянет незримой пружиной.
Для других непонятны и непостижимы,
И, как будто, "не те".

Эти люди бывают бестактно простыми.
Их любовь, как палящее солнце пустыни,
Без палящего солнца планета остынет
И умрет в темноте.

Жизнь, как сито, нас всех подгоняет под норму,
Выдает нам лицо и рабочую форму,
Музы тихо впадают в голодную кому
У тетрадей пустых.
Тем безумцам, что Землю доселе вращали,
Счастья в жизни доподлинно не обещали,
Но их души таинственно не обнищали,
Как у всех остальных.

ВЕЧНОСТЬ В ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ

Вселенная нас создает до смешного хрупкими.
От ветра ломаются жизни, мосты, конечности.
Мы с первых минут понимаем, что станем трупами,
И рвемся скорей выгрызть себе место в вечности.

Вселенная – лучший из всех юмористов Англии –
Себя воплотила в семи миллиардах версий,
Смеется, когда, возомнив себя уникальными,
Мы смотрим на небо из наших глазных отверстий.

Мы созданы в шутку, мы – средство самопознания.
Она, как младенец, увидевший отражение.
А что будет, если..? Построить вот это здание!
А что будет, если..? Разрушить те отношения!

Мы все ищем в жизни какой-то великий замысел,
Во встречах случайных мы чувствуем волю космоса.
А счастье находит нас вдруг в абсолютном хаосе,
Нарушив законы пространства и вектор Хроноса.

Вселенная в нас – в откровениях, в медитации,
В нечаянном прикосновении пальцев в транспорте.
Вселенная с нами, как запах, как фото в паспорте,
Как вечность в терапевтической концентрации.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ЭТЮД

Я снова дома. Но, увы, проездом.
Обратный жжет подкладку рюкзака.
Суровая кавказская сиеста:
на кончике сухого языка

ДЕБЮТ

с утра ни капли не было. И море
исходит паром с набережных плит.
Заброшенный военный санаторий –
достойный край изношенной Земли.
Где истина "по стописят" за литр
течет в глубинах рыночных пещер,
и торгаши времен палеолита
грустят за сталактитами чурчхел.
И вот я здесь – под рыхлой тенью сосен,
как леший в субтропической тайге,
в дырявом сланце на одной ноге,
сдвигаю наступающую осень
на две недели по календарю,
куда-нибудь поближе к октябрю.

СЕВЕРЯНКА

Опостылевший север охвачен сыростью,
Размокают страницы и плачут буквами.
Я коснулся тебя, только ты рассыпалась
Под руками в созвездиях спелой клюквы
На болотах Карелии. На варенье
Собирает тебя северянка с кузовом.
Я всю жизнь обрастаю словарным мусором
И пишу проходные стихотворения.
Чтоб одно ты поставила на пюпитр
И сыграла в Allegro или Adagio,
Чтоб по нотам меня опознала заживо –
Каждый мой миллиметр и миллилитр.

Опускаясь на дно в океане вечности,
С головою укутанный парусиной,
Буду верить, что теплым июльским вечером
Прозвучу в полумраке твоей гостиной.

СЕВЕРО-МУЙСКИЕ ОГНИ

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

Виталий Кузнецов

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим своей целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

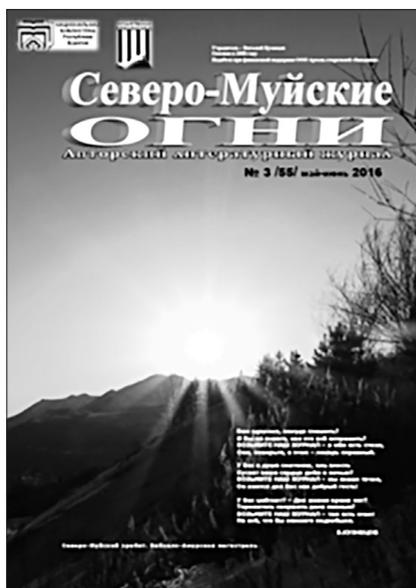
Журнал основан в июне 2008 года при поддержке Иркутского регионального отделения Союза писателей России. Первые два года издавался ежемесячно. С 2010 года выходит шесть раз в год.

Учредителем и главным редактором журнала является Виталий Кузнецов, поэт, прозаик, публицист, член Европейского конгресса литераторов, лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя. Бывший строитель Байкало-Амурской магистрали.

Журнал издается в Республике Бурятия, за славным море-озером Байкал, в небольшом БАМовском городском поселении Северомуйск, расположенном в уютной долине среди отрогов древнего Северо-Муйского хребта.

Главной достопримечательностью Северомуйска является его тоннель, протяженностью более 15 километров (точнее – 15343 метров), прошедший сквозь Северомуйский хребет с востока на запад. Это единственный по протяженности и уникальной сложности в России тоннель, для воздвижения которого проходчикам-бамовцам понадобилось более четверти века. За это время Северомуйский тоннель обрел мировую известность, став всемирным полигоном по испытанию тоннелепроходческого оборудования (Япония, Германия, США и др.), а Северомуйск стал столицей российских тоннельщиков.

Тысячи молодых специалистов разных профессий со всех уголков России прошли сибирскую закалку на строительстве Северомуйского

Журнал
«Северо-Муйские огни»

тоннеля. Среди них были и творчески талантливые люди: писатели, музыканты, художники, поэты. Много стихов и песен сложено о Северомуйске и его тоннеле, о жизни его строителей, бамовцев-первопроходцев. Многие из них сейчас живут в разных уголках России, но все так же тесно поддерживают дружеские и творческие связи с Северомуйском и журналом «Северо-Муйские огни».

Дух романтизма, любовь к природе и человеку, к его созидательному труду и духовному творчеству стали основой создания литературного журнала в Северомуйске, первыми авторами которого явились сами строители-бамовцы.

В июне 2015 года авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни» отметил свое семилетие 50-м юбилейным выпуском и очередной презентацией в городе Усть-Кут Иркутской области. Этот молодой сибирский город в 1974 году стал опорной точкой отсчета нового железнодорожного пути – Байкало-Амурской магистрали.

Впервые во всеуслышание о журнале заговорили именно в Иркутске и Иркутской области, на Первом съезде писателей Восточной Сибири, состоявшемся 28 ноября 2008 года. С трибуны Съезда о «Северо-Муйских огнях» говорили как о неординарном событии в литературной жизни Сибири, а о главном редакторе Виталии Кузнецове, делегате 1-го съезда – как о сподвижнике литературы. Журнал тогда поддержали многие иркутские писатели, некоторые из них стали постоянными авторами северомуйского издания, а затем и членами литературного экспертного совета журнала.

В настоящее время в состав Совета журнала входят писатели и журналисты разных регионов нашей страны, члены Союза писателей и Союза журналистов России. При их творческой поддержке появились читатели и авторы не только на Муйской земле, но и за пределами Бурятии и Иркутской области – во многих городах России, в том числе и Новосибирске, Красноярске, Чите, Уссурийске, Липецке, Твери, Кирове, Хабаровске, Ростове-на-Дону, Самаре, Костроме, Калининграде, Санкт-Петербурге, Москве и Подмосковье, и даже за пределами нашего государства (Казахстан, Германия, Украина, Беларусь, Израиль, Канада), у журнала есть свой автор и читатель. Ставка в текстах делается на доброту, любовь к природе и родине.

Первые презентации «Северо-Муйских огней» состоялись в Иркутске и Ангарске, а также на Вятской земле, в Казахстане, Твери (при участии членов Союза писателей России регионального отделения). В 2014 году состоялся ряд презентаций в библиотеках Санкт-Петербурга, а также в Государственном педагогическом университете Воронежа. В этом же году Российская Государственная Библиотека признала журнал «Северо-Муйские огни» одним из лучших литературных изданий Сибири и официально предложила редакции творческое сотрудничество на постоянной основе.

15 апреля 2016 года успешно прошла презентация журнала в Москве и Московском регионе.

О развитии журнала можно судить по его публикациям и многочисленным отзывам его читателей, практически всех социальных слоев нашего общества, что дало ускоренный творческий рост развития издания и его создателей, а также и многочисленных авторов журнала. Многие начинающие поэты и писатели, впервые публиковавшиеся в

«Северо-Муйских огнях», были замечены и оценены профессиональными писательскими организациями и впоследствии были приняты в ряды СП России и Союза российских писателей. Сам главный редактор в январе 2013 года был принят в ряды Европейского конгресса литераторов (Прага).

В настоящее время журнал печатается в Новосибирске и выходит тиражом 500 экземпляров, распространяется как в печати, так и в сети на известных крупных литературных порталах, в том числе и на евразийском портале «Мегалит», где журнал за весьма короткий срок (три месяца) вышел на лидирующую позицию среди читателей портала.

А также редакционная коллегия журнала имеет свой Устав Журнала, в формате которого и производится предварительный отбор произведений к печати. Основные цели и задачи Журнала распечатаны на странице 88 его издания.

Желаем приятного знакомства с журналом и творчеством его авторов.

Татьяна Логинова, зам главного редактора по связям с общественностью, председатель творческого совета журнала «Северо-Муйские огни». Член Всемирной корпорации писателей, директор Бурятского отделения ВКП.

Виталий КУЗНЕЦОВ

Северомуйск, Бурятия

Учредитель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, Россия).

Член Европейского конгресса литераторов. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (номинация «Для детей и юношества», Торонто, 2015).

ВДОХНОВЕНИЕ ЗИМЫ

Зима всегда в начале вдохновенна:
Морозец легкий будоражит кровь,
И воздух чистый необыкновенно,
И думать просто, и писать готов.

Как с нового листа жить начинаешь.
Вот, кажется, всю жизнь растормошу.
Все – с белого и чистого начала –
Умом холодным заново спишу...

Но стынет постепенно кровь по жилам,
Зимы морозы крепче с каждым днем.
И хочется уже, чтоб все, чем жил я,
Осталось прежним, был бы теплым дом.

Голубкой белою моя взмывает мысль
И вдаль меня уносит – к облакам,
Стрелой будто прорывая высь!

Поднявшись в небо, зависая над землей,
Отдавшись воле ветра и крылам,
Она парит над грешным бытием.

Как сладок миг свободного паренья!
Прекрасен мысли кипенный полет –
Сознанием управляет вдохновенье.

И тучи пусть сгущает тот же ветер,
И гром пусть над землей пробьет!
Но я останусь белой мыслью светел!

Стихи свои укрою под рубашку,
Поближе к сердцу, грелась чтоб душа.
И в мир холодный двинусь без опаски:
Мне путь-дорога будет хороша.

Стихи меня согреют без костра
И напоят водой живою, талой.
И мир ночной мне светел до утра –
От поэтической лучины, даже малой.

Все чаще думаю о воле:
О жизни мудрой, без хандры,
О светлом волжском чистом поле,
Где возведу свои шатры,
Лишь песней оглашая полночь.

С собой – в котомку – взял бы малость,
В душе – друзей, да горсть стихов.
Не утрашит годов усталость –
Она постигнет без оков,
Без пут словесных прегрешений.

И дни польются словно годы,
Устану я за время их.
И в час, назначенный природой,
Уйду, взметнусь, как вольный стих.
Лишь степь аукнет мне в дорогу.

Все изменилось: мир – другой;
И дней своих мне – не узнать;
И годы – встали за спиной;
И сердцу ближе стала мать.

Черту природа подвела,
Таким означив мой итог:
Душою вывернут до дна.
И по-иному я не смог.

Распорядился жизнью так:
Не для себя жил – для других.
В кармане гнутый лишь пятак –
Опорой стал мне вольный стих.

ВОЛЬНЫЙ СТИХ

Стрелами кочевников
промчались стаи птиц, спеша на юг.
Все мимо. Их гонит с ветром снег,
им горы – не уют.
А я смотрю им вслед
и мысленно за ними улетаю...
Не хочется мне в плед –
туда хочу, где травы расцветают.

Так стынет сердце, давно –
Я много лет тому назад
Снегам, ветрам отдал его.
И что?
Забыл ли я цветущий сад?
Конечно, нет!
В душе моей, горячей, жаркой,
Омытой диким счастьем и вином,
храню.
И, словно
птица-жаворонок,
я памятью пою
в краю родном.

Два билета
в бабье лето
Мы приобрели.
Два куплета
до рассвета
Пели о любви.

Осень нас
крылом накрыла,
Шепотом берез.
Мы забыли все,
что было
В окруженье звезд.

КОНИ

Словно ветер над полем носилась,
Не изведав всей жизненной ноши,
Рыжим вихрем металась, кружилась
Молодая, игривая лошадь.
Необузданным был ее норов,
Не познала, как видно, кобылка
Гордой стати лихих ухажеров,
Что следили за рыжею пылко.
И не чаяла эта лошадка,
Разыгравшись на свежем лугу,
Что своей молодой статью, гладкой,
Жеребцов вовлекала в игру.

День прошел. Не тревожились кони:
Тихо-мирно паслись на лугу;
Лошадь рыжая, в свете багровом,
Доверяла судьбу скакуну.

Не захмелею от любви,
Как конь копытом не ударю,
Но, посмотрев в глаза твои,
За дали уведу, за мари.

Срублю кедровую избушку,
Как терем в сказке возведу.
И на зеленой на опушке
Разложим души на виду.

Пусть видят Небо, Солнце, Ветер
Любви чистейшую исподь.
И сохранить на этом Свете
Ее поможет нам Господь.

Не страшны ни горы, ни моря.
Не пугают дикие просторы.
Мы с тобою встретились не зря.
Ни к чему пустые разговоры.

Сотворить, любовью вдохновенно,
Главное нам – добрые дела!
Вся другая цель – второстепенна.
Не печалься, милая моя.

Не печалься, милая моя,
Вся другая цель – второстепенна.
Главное нам – добрые дела
Сотворить, любовью вдохновенно!

Ни к чему пустые разговоры,
Мы с тобою встретились не зря.
Не пугают дикие просторы,
Не страшны ни горы, ни моря.

Моя печаль меж гор легла равниной,
Где реки изумрудные текут.
А берега – необрунные нивы.
Моя печаль – невыполненный труд.

Не даются слова, не выходит размер,
Будто я зачерствел – от науки.
Я забыл, что хотел –
что хотела душа сочинить.
Разум взял над ней верх.
Но стихи! –
это чувств наших муки.

ПРИТЯЖЕНИЕ ЗВЕЗД

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле –
Далеких звезд бредущий веки свет –
Притягивает нас,
как отсветы огней
Костров горящих в древней дикой тьме.

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле,
Как блики городов во дне минувшем,
Предстанет нам в ночи
скоплением людей,
Маня нас одиноких и заблудших.

Мерцание лучей
В бездонной синей мгле –
Церковных будто отблески свечей –
Взывает к небесам
и обращает к тем,
Кто в этом мире стал уже ничей.

СНЕГИРИ

Я давно в тайге – в горах – не видел
Птицу ту, что с грудкой алой зорьки, –
Может, Горный Дух ее обидел,
Или вкус рябины слишком горький?

Но однажды я в своем дворе
Прикормил синиц веселых стайку;
Их слеталось много в январе
У кормушки, сделанной у баньки.

Вслед за ними разные летели,
Осторожно так, тихонько, с краю:
И кедровки, кукушки, свиристели –
С мест глухих, со всех тайги окраин!

Шутка ли – когда мороз за сорок!
И в лесу кормиться нечем стало;
Прилетали шумно, пестрой сворой, –
Корма, благо, всякого хватало.

Только вот ту птицу – с грудкой алой,
Не пришлось увидеть мне ни разу.
Может быть, тайги вдруг стало мало,
Или ту пичугу кто-то сглазил?

Думал, никогда уже не встречу
Пташку с летней зорькой на груди,
Но надежда крепко веру лечит,
И Господь меня вознаградил.

В день морозный солнце было ясным,
Точно как у Пушкина в стихах,
Вдруг в окно увидел – зорьку красну!
– Это ж снегири!.. Князя из птах!

СИБИРСКИЕ ДОРОГИ

Асфальт зимы – дороги снеговые,
Укатанные шинами колес,
Грунтовые: лесные, полевые, –
Их много по Сибири разбрелось.

Присыпало неровности их снегом:
Все ямки и канавки замело,
Сковало так, что можно в стужу смело
По ним проехать в дальнее село.

Застыли топи, и в тайге дорогой
Легли маршрутом зимники-пути;
По ним в распутье ходят только боги,
Но в стужу можно трактору пройти.

Мороз Сибири – верный друг дороги,
Приходит время – он ее спасет,
Откроет путь за дальние отроги –
Туда, куда никто не забредет.

ЛАЕЧКА

Сытая, довольная – счастливая,
Рядышком с хозяином, у ног.
Мелкая, скулявая, пугливая –
Не собака, но пока щенок.

Солнца луч весенний греет шерстку,
Развалилась на террасе – тихо спит
Маленькая лаечка, подросток, –
Пусть не человек, но ум – велик!

Что-то проурчит себе спросонок –
Сон, видать, приснился ей большой.
Спит как человечек, как ребенок,
Господа творение, с душой.

Вот на душе возникла смута,
И повалилось все из рук.
И взгляд – рассеянный и мутный.
И сердца – нездоровый стук.

Беру свой рюкзачок походный –
В нем котелок, сухарь и чай,
И ухожу тропой в горы:
Природа, вновь меня встречай!

Ласкай, залечивая раны,
И наставляй на верный путь.
Уйду в тайгу я спозаранок,
Там сердце сможет отдохнуть.

Все станет ясно, жизнь – понятной,
Исчезнут передряги дней.
И духом, прикасаясь к тайне,
Я стану чуточку сильнеей.

Анатолий ГОРБУНОВ

г. Иркутск

Член Союза писателей России. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского с вручением медали (за книгу стихов «Чудница», 1975), Всероссийского конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения Г.-Х. Андерсена (грамота Королевского посольства Дании и Фонда «НСА-2005»), премии Международного конкурса детской и юношеской книги им. А.Н. Толстого. Награжден Знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», дважды лауреат премии журнала СП России «Сибирь». Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

ПАСТУШОК

Слезятся утренние кичиги*
Окно до пояса во льду.
Обую тятенькины ичиги
И за околицу уйду.
Почуяв кровь, собаки ссорятся.
Горят высокие костры.
Деревня к празднику готовится,
Острит брусками топоры.
Задорно в избах кукарекают,
Скот отпевая, петухи.
Бычки с обьинистыми веками
Ломают прясло из ольхи...
В глушь забреду путями странными,
Не видеть чтобы, не страдать,
Как будут белыми туманами
Их души в небо улетать.

НИЧЕЙНЫЕ ОЗЕРА

Увиты мерзлым тальником,
В них звезды гаснут, задыхаясь,
Стучат багровым плавником,
Матерый лед взломать стараясь.
Обметан поснегом кордон.

* Кичиги – три звезды.

Седой лесник встает на зорьке:
Проворно печь растопит он,
Попьет чайку с калиной горькой,
Впряжет в салазки волчью сыть,
Возьмет пешню потяжелее
И едет проруби долбить –
Для звезд отдушины, точнее.
Его никто не нанимал
Спасать ничейные озера.
Опять весь день пешней махал,
На льду работал до измора...
Глядятся в небо снегирьки,
Где, чешуей сверкая, звезды
Пускают кверху пузырьки,
А в прорубь льется свежий воздух!

СЕВЕРА

Дикое, знобящее раздолье.
Наледи. Сугробы. Тишина.
Сломанные жерди да околье –
Бывшая великая страна
Истребили птицу и скотину.
Растеряли походя добро.
Облепило вербы да осины
Черных птиц угрюмое юро.
Разбрелись по свету поселчане.
Некому работать на земле.
Жизнь и смерть на зимниках венчая,
Волчьи стаи мечутся во мгле.
Обживает лютое заморье
Брошенные нами севера –
Золотом набитые сугорья,
Полные распадки серебра.
Сивый снег скрипит, как половицы.
Негде приютиться на постой...
Посадили черта на божницу –
Надругались сами над собой.

НА ОХОТЕ

Черпал воду и замер в поклоне:
Как загадочен мир и велик!
Что ни плес – на текучей иконе
Отражается Господа лик.

Так и хочется петь от восторга,
Быть святым, не рубить, не стрелять.
Жить и здравствовать долго-предолго,
Любоваться на струйную гладь.

Просыпаться под райские песни
И ласкать все живое, любя,
Твердо знать, что из манны небесной
Ждет готовая каша тебя.

Втихомолку, стыдливо, шипицей
Безысходность кольнула в груди:
Вон дрова и убитая птица...
Надо ужин готовить идти.

Ночь мелькнет, снова жить как придется,
И кормить свою грешную плоть...
Может, плачет, а может, смеется
На текучей иконе Господь?

ЧИНА ЛУГОВАЯ

Истекая зноем, от любви сгорая,
Обвила шиповник чина луговая:
Косари не тронут, не истопчет стадо.
Острые иголки – за любовь награда.
Луговую чину голыми руками
Рву и улыбаюсь, а на сердце – камень.
Ой, летают низко черные касатки!
Ветреный парнишка на измену падкий.
Непутевый – сглазит, как травинку скосит,
На заре-на зорьке изомнет и бросит.
Чина луговая – праздники олетя.
Желтые цветочки соберу в букет я.
Принесу, поставлю на свое оконце.
Пусть она в ненастье светит вместо солнца.

Пусть она сияет, пусть она лучится,
Пусть другой парнишка в двери постучится...
Обовью руками, знойной встрече рада!
Острые иголки – за любовь награда.

ШАТУН

Беззащитный. Тощий. Рыжий.
Наст ломая синий,
На ходу поземку лижет,
И грызет осину.
От коры осины легче
Умереть на стуже.
Плачет он по-человечьи,
По-медвежьи тужит.
Голос выдуло ветрами.
Жжет глаза снежница*.
На упеках вечерами
Отдохнуть ложится.
Ткнется в мох дремучим ликом,
Вроде бы задремлет –
Слезы спелю брусникой
Катятся на землю...
Там, где люди лес валили,
Строили дорогу –
Трактора разворотили
Теплую берлогу.
У людей свои законы:
Рубят, жгут, корчуют...
Табуном за ним вороны
По тайге кочуют.

СНЕЖНЫЙ БАРС

Костерок понемногу дымился.
Безмятежно гоняли чай.
И откуда он здесь появился?!
Человечьи следы, кедрачи...

* Снежница – болезнь глаз от ярко освещенного солнцем снега.

Грозный гость из дремучих поверий
Тихо рыкнул и замер на миг:
Отраженье пятнистого зверя
О камня сломал Утулик.

Появился внезапно на кряже
И внезапно, как призрак, исчез.
Снежный барс... Не поверилось даже...
Житель вечных снегов и небес!

– Это знак, нам ниспосланный выше, –
Заикаясь, мой друг произнес. –
Мы нашли мумие... Толя, слышишь? –
И с улыбкой кивнул на утес.

ОЛЬХА

По хрупким веткам лунный свет
В полынный медленно струится...
Живые, радостные лица
Горюнье снятся много лет.

Как будто с думой о стране,
О вымирающем народе
Стоит она при огороде
Седой крестьянкой в тишине.

РОССИЙСКИЙ АЛМАЗ

Отчий берег маячит далечко.
Чайки стонут на все голоса.
Течь дала омулевая бочка.
Прохудились насквозь паруса
От Байкала исходит сиянье,
И гольцы Акатуя седы.
Налегай на весло, россиянин,
За обманчивым небом следи.
Баргузин ли, сарму проворонишь –
Тут же хищник сверкнет над тобой,
Из тяжелой державной короны
Жадно вырвет алмаз голубой.

Александр КОБЕЛЕВ

г. Новонкутск, Иркутская обл.

Член Иркутской областной писательской организации. Автор трех книг стихов.

Лауреат-победитель международного поэтического конкурса «Звезда полей-2012».

Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

ВКУС ОГУРЦОВ

Мчалось мое детство, мчалось без оглядки,
Так и мы с друзьями мчались, сорванцы.
В этот год далекий на навозной грядке
Посадила в мае мама огурцы.

Вот во всей деревне овощи поспели,
Огурцы свои мы ели в эти дни;
Но свои – мальчишкам быстро надоели,
Может, у соседей повкусней они?

Мы тогда решили: если ночь темнее,
Огород подальше, пацаны дружней,
Да забор повыше, да собака злее –
В этом огороде огурцы вкусней.

... Детский сон окутан утреннею негой,
Мама разбудила в шесть часов утра:
«Все, сыночек, хватит по деревне бегать,
Время сенокоса, помогать пора».

Для деревни лето – время заготовки,
Не на день готовишь, а на целый год.
Мы идем в распадок, на плече литовки,
Сзади младший братик налегке идет.

Травы осыпают сапоги росой,
Рядом лес сосновый, вдалеке село.
Вроде бы несложно справиться с косою,
Но вначале это очень тяжело.

То срубая кочку, то врубаюсь в яму,
Но литовку твердо, как отец, держу.
Может, очень скоро обгоню я маму,
А потом и папе спину покажу.

И сидит братишка на моем прокосе,
Пусть сидит, играет – он еще малыш.
Сам-то я сегодня совершенно взрослый:
Если есть хозяйство, разве посидишь?

Все проголодались – отдохнуть бы надо,
Мухи надоели, солнце высоко.
Вот идем мы лесом, дышит лес прохладой,
Хоть и тяжесть в теле, на душе легко.

И легла, как скатерть, белая газета,
На газете хлеба целый каравай,
Зелень с огорода – угощенье лета,
В банке простокваша и в бутылке чай.

Стол нам – пень сосновый, стулья нам – коряги.
Сели рядом мама, братик и отец.
Под улыбку мамы, с видом работяги
Ел я самый вкусный в жизни огурец.

МОЙ ВЫБОР

Имя, как символ страны, выбирается,
И гордостью сердце мое загорается
При виде таких величин.
А символы, гении все, разноликие –
Герои, таланты, святые, великие –
С заоблачных смотрят вершин.

А я бы просто хотел – приземленного,
Чтоб был он нам свежестью леса зеленого,
Был далью бескрайних равнин,
Был горькой полынью, былиночкой мятною,
Был песней народной с тоской непонятною,
Был гроздьями красных калин.

И вдруг в голове из тумана кромешного
Рождается символ родного и грешного,
Рождается образ один: –
В простецкой рубахе, без лоска столичного,
На пыльном проселке у поля пшеничного
Сидит босоногий Шукшин.

РУСЬ-ТРОЙКА

Через весь земной простор,
Через степи, цепи гор,
Мимо рек, полей пшеницы
Три коня летят, как птицы,
Напрямик во весь опор.

В сбруе мчат недорогой,
Не нашлось, видать, другой.
Ну, а кони как красивы!
Встречный ветер треплет гривы,
Шеи выгнуты дугой.

И летят они вперед,
И ничто их не берет.
Эта тройка – символ силы,
Трудовая мощь России,
Трудовой ее народ.

Тянет тройка тарантас,
В тарантасе много нас:
Старики, бомжи, больные,
Безработные, блатные,
Предприимчивый Кавказ.

Впереди ямщик сидит,
Через шоры вдаль глядит.
Сам не знает, куда едет,
Уверяет, что к победе,
А над кем – не говорит.

И везет, везет свою
Преогромную семью.
Переполнен тарантас-то.
Там я в качестве балласта
Прицепился на краю.

И никак не разберусь –
Чем, за что и как держусь.
Повстречался нам дорогой
Николай Васильич Гоголь:
«Ты куда несешься Русь?»

«Ой, Васильич, отвяжись,
Ты уж спрашивал, кажись.
Мы ж в какие мчимся дали,
До сих пор не разгадали.
Н-н-но, залетки! ...вашу жись!»

УНГИЙСКИЙ КРАЙ

Не найдется в целом мире
Мест прекраснее Сибири.
Там среди великих рек, среди тайги,
Лесостепь пересекая,
Птиц и небо отражая,
Серебрятся воды маленькой Унги.

А вокруг нее просторы –
Степь широкая и горы,
Лес на склонах от подножий до вершин;
И над речкой шепчут ивы
С детства милые мотивы,
Что когда-то им напел улигершин.

Льются песни улигера,
В них про подвиги Гэсэра,
В них история бурят и их земли.
Над землей летели годы,
Шли и шли сюда народы,
И с собою песни новые несли.

Все народы разной веры
Приняла земля Гэсэра,
И Унгинский край им родиною стал.
Каждый жил с другими дружно,
А когда бывало нужно,
Меч защитника из ножен доставал.

И должны мы помнить вечно
С благодарностью сердечной
Про своих живых и павших земляков –
Как в тяжелую годину
От Москвы и до Берлина
Шли железные полки сибиряков.

Пусть же край наш возродится,
Пусть пшеница колосится,
Пусть грохочет камнем гипсовый карьер,
И на стройках, фермах, пашнях,
На лугах привольных наших
Мы напишем современный улигер.

ЖАВОРОНОК

Соловей любим в народе,
Птица милая природе,
Но Байкалу она, вроде,
не своя.
Только мы о том не тужим,
С нашим жаворонком дружим –
Он поет совсем не хуже
соловья.
Колокольчиком веками
Он над нашими полями,
Над бескрайними степями
песни пел.
Один птенчик голосистый
Попрощался с небом чистым
И к “Народному артисту”
улетел.
Голос там его раздался,
Амархуу, ты так старался,
Нелегко тебе достался
твой успех.
За неделей шли недели,
За тебя мы все болели,
Оказался ты на деле
лучше всех.
Мишуру отбрось от дела,
Закрепи успех умело,
Опершись на плечи смело
земляков.
Вспоминай в пылу работы
У эстрадного болота:
В жизни главное не кто ты,
а каков.
Время мчится – не заметишь.
В путь иди, какой наметишь,

И свою девчонку встретишь
на пути.
Положи стихи поэта
На мотив никем не спетый
И потом девчонке этой
посвяти.
В небе жаворонок вьется,
Как же нежно песня льется,
Как легко ему поется
наверху!
Чтоб ни делал, где б ты не был,
Помни вкус степного хлеба,
Помни синь родного неба,
Амархуу!

ДЕРЕВЕНСКИЕ ПЕСНИ

Как светлы и как красивы,
Словно майский ясный день,
Эти русские мотивы
На просторах деревень.

Помню, сидя за работой
Тихо женщины поют.
Я сию, рисую что-то,
И в душе моей – уют.

Мелодичные преданья
Как извечности звучат.
Помню грустные Странанья
В исполнении девчат.

Или праздник, на котором
Соберутся всем селом
И раздольно сводным хором
Грянут песню за столом.

Для меня неповторимы
Эти песни давних лет.
Мной всегда они любимы –
Нелюбимых песен нет.

Даже песни-нескладушки
Мне отрада для души,
Даже смачные частушки,
Что горланят алкаши.

Жив пока, я все приемлю:
Всю простую красоту.
А умру, зарытый в землю
Тихой песней прорасту.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРУ ВАМПИЛОВУ

Если вы не хотите – не верьте.
Написал я письмо и в конверте
Белым чайкам его передал.
Эти чайки отправятся вскоре,
Полетят на Священное море,
Понесут то письмо на Байкал.

А в письме том написано было:
«Дорогой Александр Вампилов,
Внук Байкала и сын Ангары.
Говорят, ты уплыл по течению,
Чтобы с дедом побыть в день рожденья,
И гостишь там до этой поры.

Ты уплыл и ни с кем не простился,
Задержался ты там, загостился.
Не пускает Священный старик?
Так уж ты отпросись, постарайся,
В Приангарье, в Аларь возвращайся.
Возвращайся в родной Кутулик.

Полюбуйся крестьянской землею,
В человеческий рост коноплею,
На своих земляков посмотри.
Кто моложе, тебя и не знают,
Ведь не просто деревню ломают,
А ломают крестьян изнутри.

Посмотри, как мы стали богаче.
«Богатеем» – а как же иначе?
На витринах товаров полно:
Фрукты с Кипра, тряпье из Китая,
Польша мясо «свое» поставляет,
Голливуд поставляет кино;

Есть машины с помоек японских.
Все смешалось, как в доме Облонских,
В головах наших полный бедлам.
Но мы верим, когда ты вернешься,
То уж точно во всем разберешься
И расставишь нам все по местам.

Ты же флюгером не был по жизни,
Ты был компасом в нашей Отчизне,
Ты нам правду о нас напиши.
Пьесы нам напиши, фельетоны,
Напиши нам про наши районы,
О проблемах российской глуши,

О селянине нищем и пьяном,
Заросли его нивы бурьяном,
А деревни – как после войны.
Подними все запретные темы,
Чтоб себя и все наши проблемы
Мы увидели со стороны.

И душой за Россию болея,
Критикуй нас, всем сердцем жалея,
И ругай нас, всем сердцем любя.
Твои темы не стали старее.
Возвращайся к нам, Саша, скорее,
Очень плохо у нас без тебя».

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Как на русском Севере,
на земле намоленой,
Как у чистой реченьки
в обрамленьи ив,
Сидя возле лодочки,
старой, неосмоленной,
Пел Боян о Родине,
пел на свой мотив.

О Великой Родине
и о тихой родине,
Про судьбу матросскую,
про любовь и честь.
От пушинки-облачка
до гнилой колодины,
Все, что сердцу дорого, –
в этих песнях есть.

В них души спокойствие,
в них души метание,
Чистота небесная
и густой туман.
В этих песнях искренних,
тихий, как мечтание,
Спрятан неразбуженный,
пламенный вулкан.

Мир в потоке будничном,
вырвусь из потока я
И душою в чистую
речку окунусь.
...Жизнь твоя нелегкая,
смерть твоя жестокая,
Песни твои вечные,
как Святая Русь.

Евгения РОМАНОВА

г. Санкт-Петербург

Кандидат филологических наук, автор научных работ по культуре, литературе и языку Индонезии, участник международных научных конференций по проблемам литератур Востока.

Пишет стихи и рассказы. Член Международного союза творческих сил «Озарение». Призер Международного фестиваля славянской письменности и культуры «Славянский мир».

Редактор отдела прозы журнала «Северо-Муйские огни».

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Шумит листва перед грозой,
Шуршит и вьется пыль,
И на просторах полевых
Качается ковыль...
Ударил первый робкий гром,
Сверкнули небеса,
И теплый дождь коснулся трав
И желтого песка...
Он гладит нежную листву –
Луга, поля, сады
Полны чарующей красой
Сияющей росы...
Вот солнце выглянуло вновь,
Светлее небеса,
И тихо шепчет дождь грибной:
Закончилась гроза!

ГОРОДОК В СИБИРИ

Снегом занесенные горные вершины,
Еле различимые в сумраке ночном,
Сосны, обступившие сонные долины,
Реки быстротечные, тишина кругом.

Безмятежно дремлющий городок Сибири
Широко раскинулся посреди тайги.
Ветром убаюканный уголок России,
Островок радушия, счастья и любви.

Лето здесь короткое, зимы здесь суровые,
И леса дремучие поднялись стеной,
Но зовут на берег свой реки бирюзовые
От забот и горестей отдохнуть душой.

ДРУИДУ ОТ УЧЕНИЦЫ

Воздух свеж и холоден,
Лес в росе лучится,
Утреннее солнце
Осветило лог.
Легким шагом выйду
По траве искристой,
Отыщу друида –
Сяду возле ног.
Белая береза
Ветви наклонила...
В сердце отзвук имени
Бережно храню:
Мне порою хочется
На тебя молиться...
Ты прости, что так тебя
Я боготворю.
Отыщу друида –
Чистый свет ослепит:
Я тебя коснуться
Так и не решусь.
Лишь в траве у ног твоих,
Глядя в небо синее,
За твое я счастье
Тихо помолюсь.

ЛИЛИЯ

Как звезда, что в пруд упала
С неба ночью серебристой,
Огонек зажегся нежный
Белой лилии искристой.

На воде озер хрустальных,
На волнах прудов тенистых
Засверкало чудо леса –
Россыпи цветов душистых.

ЗАГАДАЙ ЖЕЛАНИЕ

Разных множество примет
есть у Мироздания,
Чтобы каждый загадать
мог себе желание!

Встретив рыжего кота
посреди дороги,
Пожелай достатка в дом
и любви немного.

Радуги двойной дуга
в небе над землею
На год обещает жизнь,
полную покоя.

Если вдруг ночной порой
Звездочка упала –
Значит, счастья пожелать
Выпал шанс немалый.

В разных уголках Земли
есть места такие,
Где сбываются мечты
с легкостью любые.

Можно верить или нет,
но у Мироздания,
Разных способов не счесть
исполнять желания!

Никита БРАГИН

г. Москва

Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов.

Доктор геолого-минералогических наук. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

СУМЕРКИ

Смеркается день, расплетается нить,
и хочется плакать, и хочется пить
молящую музыку гласных, –
слетающий, тающий, солнечный сок, –
так малый росток раздвигает песок
неслышно, смиренно и ясно.

И вешней водицей весенний покой
кропить и грустить над ушедшей строкой,
растаявшей снегом, уплывшей рекой
на север, где небо жемчужно...

Прости и забудь задохнувшийся крик,
шагни и оставь за спиной материк, –
ни капельки больше не нужно.

НА БЕРЕГУ

На руках Посейдона – покой...
Что-то нежное шепчет волна,
набегая.
Из далекого детского сна
ты выходишь на берег морской,
Навсикая.

Я пишу телеграфной строкой, –
ты прости, я опять нездоров,
запятая,
и опять непослушной рукой
шепот моря косичками строф
заплетаю.

И мечтаются буквы любви
не на жарком сыпучем песке,
а на камне,
а цикада поет вдалеке, –
улетевшую рифму лови
в анаграмме.

Слишком поздно учить языки, –
на чужом обрывается нить
золотая...
Мне бы только напев сохранить,
я цитатой прорехи тоски
залатаю.

Словно соло ведет на трубе
равнодушная бойкая речь
телегида...
Мне уже не вернуться к тебе,
на песок золотой не прилечь,
Феакида.

НОКТЮРН

Спросишь ли, ночи любви памятью
перелистывая,
Как обрести просветленную мудрость,
и не расстраиваться
Ни о том, что судьба припрятала,
да запомнявала,
Ни о том, что сам разбрасывал,
не задумываясь...

Сердце наше подобно горнилу
пылающему:
Сверху копоть и шлак, но под ним
златосолнечное
Ядрышко, теплая капля желтка,
плачущая
Летнего вечера ясными
колокольчиками...

И невдомек иному, что самое
радостное
Нежность полной луны ловить
бессонницами,
Камешки слов на струны строчек
нанизывая,
Лишь потому, что попросила ты,
возлюбленная...

ГОРОДСКАЯ ВЕСНА

Весна предчувствий и предвестий
взрывающая глухоту,
базар предметов и предместий,
сквозняк, прогнавший духоту,
остатки снега, кучки сора,
полуистлевшие «бычки»,
и ощущение простора,
и взгляд сквозь пыльные очки
поверх голов, и в полусферу,
куда-то вдаль, в голубизну...
Весна сочится в глубину
по котлованам и карьерам
за каплей капля сквозь песок
до чистоты, до родниковой,
пульсирует, бежит поток,
и оживают переулки,
орут, блаженствуя, коты,
шпана выходит на прогулку
шансонничать до хрипоты...

И снова скучно и знакомо
как знаки брендов мировых
и мельтешенье насекомых
среди отходов бытовых.
Куда же плыть? Решайся смело,
все, что полюбишь. Выбирай,
и дальше, дальше, до предела,
за горизонт, за самый край...

Как хорошо, что все смывает
с дороги вешняя вода,
и весело звенят трамваи,
и в ночь уходят холода.

УРОК ФРАНЦУСКОГО

Урок французского идет всюду –
здесь каждый уяснит, что он *je suis*
(подставьте нужное),
и мне приятно вспоминать *toujours*,
как говорят *je ne mange pas six jours*
дорогой вьюжною.

Ах, *cher ami*, мне, право, очень жаль,
что на дворе метель, а не мистраль,
но что поделаешь;
и как ни хочется *cherchez la femme*,
но получается «Левиафан»
и ящик белого...

Пора проснуться на *Champs Elysees* –
parole d'honneur, в моей скупой слезе
тоска по Франции.

Ах, *sacre Dieu*, Россия – край земли,
здесь за рубли не продают *Charlie*
на каждой станции.

И, наконец, Париж, *Printemps*, бульвар...
Ну, *bon suare... pardon* – и акшамлар –
без тени мистики.
Обедать предпочту на *Place d'Alma*,
там, уверяют, чок гюзель долма,
баклава фистикли...

Париж слывет столицей *haute couture* –
под вывесками «Афро-куафюр»
йохимбе варится,
и думаешь, куда же ты попал –
в Гвинею, или, может, в Сенегал
кот д'ивуариться?

А где же ваша Оттырдам-джами?
Le mosquee de Mariam? Поди пойми,
вся в пробках махалла.
Урок закончен, в сторону дела,
пора промолвить – иль хамдуль илла,
куллю тамам, халас.

АССИРИЯ

Летят золотые павлины
из вечных висячих садов
над пыльной и пепельной глиной,
где нет ни примет, ни следов
ушедшего в полночь Ашшура,
крылатых богов и быков,
где степь, словно львиная шкура,
покрыла скелеты веков.

И видят небесные птицы
сквозь мертвую пыльную твердь
жестокий полет колесницы,
охоту, сражение, смерть;
ревут исполинские звери,
мечи обнажают цари
над прахом погибших империй
в кровавых просветах зари.

И нет ни ракет-минаретов,
ни черных, ни пестрых знамен,
не смотрит с казенных портретов
на нас воплощенный закон,
и нет ни европ, ни америк,
не пляшут ни доллар, ни brent,
и некому рейтинг измерить
и вычислить нужный процент.

Но есть непосильная слава,
немыслимая красота,
и львиная кровь, словно лава,
течет, первородно чиста,
течет обжигаяще близко,
так близко, что дух опален,
и падает смертная искра
в бессмертную бездну времен.

КОШАЧЬЕ ЗОЛОТО

Кошачьим золотом блистая
по напомаженным рогам,
горит и плавится пустая
чересполосица реклам.

Ее уже не замечаешь,
как на заборе воробья,
как вялый цвет спитого чая,
как нищенку среди тряпья.

Ее стараешься не помнить,
как чужака угрюмый взгляд,
но, словно шприц, дурманом полный,
она в тебя вливает яд.

И начинаешь жить иначе,
иначе видеть Божий свет...
Ты сам не свой уже, и, значит,
тебя, былого, больше нет.

И не Москва перед тобою,
а просто уровень игры,
который ты проходишь с боем,
как мушка в рое мошкары.

И не язык тебе дарован,
а выдан социальный код
в наборе пестрых упаковок,
рассчитанных на круглый год.

И чувствуешь – с такой дороги
по доброй воле не сойти,
и ждешь – войдет вершитель строгий
и вырвет вилку из сети!

Максим ОРЛОВ

г. Братск, Иркутская обл.

Член Союза писателей России. Автор четырех книг стихов.

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

А какова рентабельность стиха?
Сверхприбыль какова от пенопений?
Весомы ль дивиденды от греха?
От лет прожитых велики ли пени?

Прибавочную стоимость строки
Не заложить в ломбардное окошко,
Ведь рифма что стремнина для реки.
Как послевкусие от ягоды-морошки.

Не оцепить на гиревых весах
Венок сонетов в унциях, каратах,
Ведь рождены они на небесах,
Ниспосланы на крылышках пернатых.

Сравню я рифму с детской слезой,
И с алою есенинскою кровью.
Да с тишиной пред майскою грозой,
С незваною нежданною любовью.

Наверняка несовременно
В век интернетных «дабл-ю»
Пытаться, с рифмой непременно,
Провозглашать: «Я Вас люблю».

Пусть паутина интернета
Живет и здравствует вовек,
Но без нозлей и сонетов
Безлик и скучен человек!

О, вдохновенная натура!
Возьми перо, покуда есть
Чернила и температура
Покамест – тридцать шесть и шесть.

ПЛАСТИНКА

Пластинка жизни кружит,
кружит за оборотом оборот.
Живем, пока не занедадим,
пока Господь не приберет.

А много ли витков осталось?
Сработает ли автостоп?
Еще не вдосталь отмечалось
и возраст – далеко не сто.

А велики ли обороты?
Долгоиграющий ли диск?
Не все востребованы квоты
на необузданность и риск.

Какая запись на пластинке?
Равель, Бетховен, «Песняры»?
Нет, рано собирать поминки
и рыть на кладбище яры.

Лист бумаги бел как снег,
Буквы кажутся следами.
Что ты ищешь, человек,
В тропках, высланных стихами?

Может быть, совета ждешь,
Разуверившись порою,
Или способ не найдешь
Помирить себя с собою?

Может, ищешь ты ответ
О судьбе своей Отчизны?
Иль в конце тоннеля свет
Ищешь? Или смысла жизни?

Панацеи нет в стихах,
Рифма – сладкое плацебо,
Не уместятся в строках
Ни луна, ни звезды неба...

С досадой о годах не говори,
не только в мае птицы прилетают.
Глубокой осенью вернутся снегири,
и пусть тебя метели не пугают.

РИФМА

Искал я рифму к «Анне Керн»...
Она цинична: «Геккерен».

ДИАЛОГ

- Минералка уже не поможет...
- Что-то стало внутри нарывать?
- Это совесть все гложет и гложет.
- Время камни пришло собирать...

Когда все валится из рук
и сник от разочарований
и не спасает больше круг
нахлынувших воспоминаний,
судьбу без меры не кори,
беги от самоистязаний.
И пусть не спится до зари,
ты встрепенись и лучик ранний
тебе игриво подмигнет.
Стряхни душевных хворей гнет,
забудь на время про невзгоды.
Поверь, что несмотря на годы
еще на многое горазд!
Жизнь возлюби!
Господь воздаст.

Любовь, мой друг, не торопи –
она ворвется бурей многоснежной...
Что суждено избыть – то неизбежно
и пусть метель ревет во мгле кромешной –
любовь согреет дуновеньем нежным,
не торопи любовь, не торопи...

Над Русью ярок вечный свет
Медведиц звездных над Землей зависших...
Предначертать – не хватит шестистиший:
вершатся наши судьбы волей высшей,
во всем, всегда присутствует Всевышний...
Над Русью ярок вечный звездный свет.

Звенит бубенчик под дугой –
предвестник встреч, потерь и расставаний...
Россия соткана из расстояний,
из многодневных дум и ожиданий...
Тревожит души тихий отзвук дальний –
бубенчик медный плачет под дугой.

СЕРДЕЧНАЯ ДОСТАТОЧНОСТЬ

Вердикт врачей: сердечная недостаточность,
вот отчего невыносима боль,
когда вослед идущих непорядочность
наотмашь бьет, а ты – терпеть изволь.

Вторую щеку вам подставить, что ли?
Действительно, сыграем до конца
Главрежиссером розданные роли,
в них слово поопаснее свинца.

Ну, а теперь вы самоутвердились?
Не ждите от меня пинков и сдач...
Не будет ни проклятий, ни судилищ...
Вам не хворать и творческих удач!

Андрей РУМЯНЦЕВ

г. Москва

Член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор более двадцати книг стихов и эссе, в том числе пятитомного собрания произведений, вышедшего в Иркутске в 2008–2010 годах.

Печатался в журналах "Наш современник", «Москва», "Молодая гвардия", "Юность" и других, в поэтических антологиях в России и за рубежом. Стихи А. Румянцева переведены на французский, монгольский, эстонский и другие языки.

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Азиату пристало родиться
Где-то в Нерчинске или в Аге.
И судьба его – снежная птица:
Пролетела и скрылась в пурге.

Мы с тобой по судьбе азиаты.
Дом наш – снег да седая трава.
Наши песни из проруби взяты:
Были льдинки, а стали слова.

Наши белые души с рожденья
Опекала родная зима.
Ты возьми ее снеготворенья
И заполни живые тома.

Ты в обметанном, тусклом окошке
Золотой пяточок продыши,
Чтобы только открылся немножко
Мир неведомой прежде души.

Продыши эти мерзлые дали –
В песню хлынет чужая беда.
Ну и что же, что так не певали
Никакие певцы никогда!

Ты забралась в такие дали, Русь!
Тайга, тайга – темнее всякой тучи.
И, глядя в небо, я не разберусь,
С каких широт несется ветер летучий.

Он обвевал изнеженный Париж?
Трепал халат на Азии раскосой?
А ты его встречаешь и паришь
В цветастом платье клевера и проса!

Крестьянские заботы не новы,
Судьба полынным запахом прогоркла.
Но небо! – от библейской синевы
Слезами перехватывает горло!

Над этой одичавшею рекой
Твой говор мягче шепота и плеска.
Твоею материнскою рукой
Разъята даль, как в доме занавеска!

Темь волчьих троп
И лунный свет гольца
Равно в твоём замешаны стакане.
Ты первой с полусонного лица
Зарю смываешь в Тихом океане!

Не постиг я чужую науку,
Как за морем удачу ловить,
Но приемлю сердечную муку –
Эту родину горько любить.

Грозное шершавое небо,
Как большая родная ладонь...
Мне достаточно скудного хлеба
И печурки, что теплит огонь.

Плотных елей живая ограда
И реки не тускнеющий луч –
Это все, что душе моей надо,
Чтоб не чувствовать тяжести туч!

День рожденья. Янтарная осень.
Не бывает хлебов золотей.
Мама втайне гордилась, что восемь
Родила она крепких детей.

Говорила: "Не надо нам денег,
Нам дороже в семье сорванец".
В той, где выросла мать, было девять,
И тринадцать – где вырос отец.

Кедрачи – вековая порода –
Удивлялись мне, хвою клубя:
«Это сколько ж родного народа
На земле окружает тебя!»

Жизнь позади,
А все звенеть не кончит
У маминого поля, на меже,
Небесный брат мой,
Синий колокольчик,
Качающийся в теплом мираже.

Динь-динь дороге,
Дремлющему долу!
Не затихает этот звон вдали...
Я припаду к цветастому подолу
Усталой, отдыхающей земли.

Я вновь заплачу, мальчик стародавний,
Щекой родную руку не найдя.
Укрой меня, усатый лес недалний,
И покачай под шепоток дождя.

И я опять услышу над собою
В родной неувядающей глуши
И вещей голос вечного собора,
И тайный отклик тающей души...

Шумят деревья.
Родничок клокочет.
Но всех слышнее в теплом мираже
Небесный брат мой,
Нежный колокольчик,
У маминого поля, на меже...

РУССКАЯ ДУША

Видать, за то, что страждущим и сырым
Ты все отдать готова до гроша,
Тебя торговцы, правящие миром,
Судить берутся, русская душа.

Но на земле уже давно известно,
К кому слетают ангелы с высот.
Небесной силе на Руси не тесно.
С небесной правдой ей всегда везет.

Когда в ночи сию один
И все окно в пожаре звездном,
Я перед миром этим грозным –
Мальш, доживший до седин.
Молись, душа моя,
Моли,
Чтоб стихла боль, прошла усталость,
Чтоб тишина со мной осталась
И слезы вытерла мои...

Взывает время к доброте.
Оно от зла устало.
Ты мне о страхе,
Темноте,
А я о ветке талой.

Ты мне о ценах и деньгах
И о безумной власти.
А я о золотых деньках,
Когда бывал я счастлив.

Ты мне о крови и вражде,
Я о своей надежде:
О солнце, ветре и дожде...
О том же, что и прежде.

Г.С.

Все это призрачно в миру:
Безбедное существованье,
И слава громкая, и званье,
И даже замок на юру.

И даже то, что въелось в кровь:
Твоя привязанность к левкою,
Моя – к простору и покою...
А вечна тихая любовь –

Неиссякаемый исток
Существования земного:
То, сердцем найденное, слово,
Тот, солнцем поднятый, росток...

ВСТРЕЧА

От городов далече,
В лесу, где нет пути,
Негаданная встреча
С мальчонкой лет пяти.

– Сынок, где дом твой?
– Вона, –
И указал кивком
На козырек вагона
За спутанным кустом.

– А где отец?
– У речки.
– А мамка?
– У костра.
И в глубь чащобы вечной
Пошел, как в глубь двора.

Он вел меня без слова
С отвагой шалуна,
Как редкого, незлого
Медведя-шатуна.

За зеленью древесной
У мокрого мыска
Метался звон железный
Над остовом мостка.

И там, на гулком трапе,
В сторонке от людей,
Стоял мальчишкин папа,
По имени Сергей.

А у жилья, где только
Дымком пятнался свет,
Под елью мама Ольга
Готовила обед.

Ну, словом, знал Алёша,
Что было в самый раз
Под ворохом валежин
Устроить тайный лаз,

Взглянуть, коль выпал случай,
Как жизнь идет в тепле
На муравьиной куче,
В березовом дупле,

Спросить знакомых очень
Жуков и пауков:
Не может ли помочь им
Алеша Поляков?

Дружок! Я давним летом
Их тоже нес на свет.
В зеленом доме этом
Я прожил много лет.

И в заповедной чаще,
В листве над головой,
Я любовался часто
Резьбою голубой.

Я в сердце, как святыню,
Храню зеленый дом.
И очень рад, что ныне
Ты поселился в нем.

Шагай,
Тори раззяве
Угожий* путь, шалун.
Ты здесь теперь хозяин,
А я седой шатун.

В ТОННЕЛЕ

Косынка белая на шейке,
Под каской локон смоляной.
Девчонка юная, маркшейдер,
В тоннеле гулком, под землей.

* Угожий – нужный, необходимый.

...У стенки каменной, шершавой
И мокрой, как причал морской,
Она нисколько не мешала
Работе яростной, мужской.

Скорей, напротив:
В каске алой,
На чей-то взгляд оборотясь,
Она в кругу мужском являла
Всепопобедительную власть.

Ремнями стянутая ловко
Ее фигурка
И лицо
Тут запрещали безусловно
Любое грубое словцо.

Я вспомнил слышанную часто
Скупую исповедь солдат
О том, каким казались счастьем
На фронте женский смех и взгляд.

Такой сестренке оробело
Несли цветок, сорвав в лесу.
Когда она в затишье пела,
То кто-то смахивал слезу!

Мне умиляться не пристало,
Что, мол, в забое,
Где сквозняк
Шел низом
И вода хлестала,
Девчонке было все пустяк.

Но так была она близка мне,
Как я и сам не ожидал, –
Подснежник трепетный на камне,
Березка хрупкая у шпал!

СТАРЫЙ ПИСАТЕЛЬ

*В семидесятых годах мы с Африканом
Андреевичем Бальбуровым много дней
колесили по бурятской трассе БАМа.
Неожиданно ярко открылся тогда передо
мной этот писатель с неутомимой
душой и острым, пытливым умом.*

...Едва над палаткой
Светало вдали,
Он резко и кратко
Бросал мне: «Пошли!»

И в утренней, хмурой
Тайге, без дорог,
За быстрой фигурой
Спешил я, как мог,

На просеку,
В сизый холодный туман,
На гулкую насыпь,
В сырой котлован,

К шоферам, отнявшим
Безмолвье у гор,
К монтерам, поднявшим
Машины опор.

Хотел он запомнить,
Как некий урок,
Людскую улыбку,
Мольбу иль упрек.

В тесовой временке,
В балке, в шалаше
Увидеть хотел,
Как живет душа,

Что жжет ее снова
В бессонную ночь.
Не делом, так словом
Врачуя, помочь.

Он, старый писатель,
На долгом веку
Был, словно спасатель,
Всегда начеку...

Есть на закате краткий час,
Когда дрожащий пламень,
Как в церкви, озаряет нас,
И каждый куст, и камень.

Тогда не только облака
И золото заката, –
Тогда таинственно близка
Душа живая чья-то.

Пускай вдали,
Пускай молчит,
Но сызнова и снова,
Неизреченное, звучит
Ее родное слово...

Владимир СКИФ

г. Иркутск

Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Иркутского регионального отделения СП России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова (2013), Международной премии «Имперская культура» (2014), Всероссийской литературной премии имени Николая Клюева (2014), премии издательского дома «Российский писатель» (2014), ежегодной премии журнала «Наш современник» (2014), Международной литературной премии «Югра» (2015, за перевод «Слова о полку Игореве»). Советник губернатора по культуре Иркутской области. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

СРЕДИ ЛИП

1

Я прѳжитых дней не забыл, не прибавил,
Где ночью сырой средь лепечущих лип
В любовном чаду свое сердце оставил,
И мне показалось: я вправду погиб.

А ты среди листьев, смеясь и балуя,
То жадно играла, то нежно гала,
И жарким огнем своего поцелуя
Меня опалила и небо зажгла.

Сияли жуки, светлячки и улитки,
Земля озарилась, как будто бы днем.
И долго во тьме лепетавшие липы
Сгорали со мною – последним огнем.

2

Не истончится лист, судьба не откачнется,
Когда среди веков я вдруг тебя найду.
И тот – минувший век – из-за тебя начнется,
Я к липе вековой неслышно подойду.
Ведь это Пушкин здесь с прелестницею славной
С восторгом пировал под липою густой.
И небожитель Фет преображался фавном,
Окрестность огласив: – Любимая, стой!

Степенный, смуглый Блок из прошлого являлся,
И томно, и легко, как Ангелы с небес.
Под липою сидел, с тобою целовался,
А, может, уносил тебя в небесный лес.

Терзался Пастернак, и ночью шел под липы
С любимую своей прощаться навсегда.
В аллее золотой ветвей тяжелых скрипы
Звучали, как небес осенняя гряда.

И лишь Есенин пел и глубоко, и звонко:
– Ой, липа ты моя, зеленый мой прибор!
И рядом ты была – красавица-девчонка...
Ах, это ты была! И рядом я – с тобой...

3

Мир многомерный отражается,
В прозрачном небе, как в трюмо.
К моей душе летит, снижается
Очарование само.
А я и вправду – очарованный
Тобой уже который год –
Твой поцелуй, тобой дарованный,
Несу, спасаясь от невзгод.

Ступеньки лет – живая лестница,
По ним, не замедляя бег,
Ко мне от Пушкина прелестница
Перебежала через век.

Мне жить в самом себе непросто,
Непросто мне в себя смотреть.
Во мне ворочается космос,
Как будто раненый медведь.

И я постичь себя пытаюсь,
Непостижимое узреть.
Борюсь с собой,
с собой братаюсь,
Стремлюсь любимую согреть.

Моя любовь, как дальний остров,
Глядит в меня издалека.
Там бьются волны, светят росы
И проплывают облака.

Там жизнь вершится без нажима,
Там вспышки глаз и угли губ
Нацелены неустрашимо
В мою космическую глубину.

И я, большой, неизмеримый,
По краю космоса лечу.
И слышу: – Я с тобой, любимый!
Лететь мне рядом по плечу.

Любимая! Не стань постылой,
А коль остынешь, помни впрямь:
Погибну я среди пустыни,
Как будто раненый медведь.

С ЧЕХОВЫМ

Опять по небу длинно-длинно
Плывут живые облака.
– Откуда вы?
– Из Сахалина! –
Как будто выпали слова.

Неужто с острова? Оттуда,
Где шел я с Чеховым в туман,
И сполохом большого чуда
В меня вливался океан.

Он – то разнузданный, то
льстивый
Щенком ложился подле ног.
А Чехов тихий, не спесивый,
Мне говорил: «Суров восток,

Порой жесток. Тут не до смеха.
Я с ним пытаюсь говорить...»
И замолкал смиренный Чехов,
Забывший спорить и острить.

Мы с ним по берегу бродили,
Где в синеве закат дрожал...
Как будто в норы заходили,
В землянки хмурых каторжан.

Он знал их многих. Перепиской
Он занимался много дней,
Лечил, расспрашивал о близких
И становился им родней,

Чем те, кто дома ожидали,
Или не ждали: время – дым...
Но видел Бог – они страдали,
И Чехова направил к ним.

ВОСЬМИТОМНИК БЛОКА

Неужто я – предатель Блока?
Я путь свой к Блоку начертал,
С ним был и жил. Я видел Бога!
Но как-то бедствовал жестоко,
Чуть было Блока не продал.

Его могучий восьмитомник
Уже в коробку отгрузил,
Уже отправил на подъёмник,
Но Блок – учитель мой и скромник –
Мне из коробки погрозил.

Нет, не грозил! Но я увидел,
Как он плечами вдруг поник.
Неужто Блока я обидел?
И я – себя возненавидел
И – неуклюжий грузовик.

Прости меня, великий гений!
Я, как летучую звезду,
Без колебаний и сомнений
Твое собранье сочинений
Догнал и сдернул на ходу.

Мой восьмитомник, обещаю
Хранить как тайну, твой огонь,
Где Незнакомка очищает,
И мне грехи мои прощает
Христа пробитая ладонь.

Не упасть бы, не разбиться
Посреди разломов дня.
Расхитители, убийцы
Тайно смотрят на меня.

Им неведомо, наверно,
Что испытан я собой,
И надеждою безмерной,
И бессмертною судьбой.

Что ведет меня прямая
Сквозь разломы бытия.
...Я-то знаю, понимаю:
Для врагов – загадка я.

**СЕРГЕЮ ИОФФЕ,
ПОЭТУ, ЖИТЕЛЮ ПОСЕЛКА
ПОРТ «БАЙКАЛ»**

Падь Чайка крыльев не имеет,
Но кажется – она летит
К Байкалу синему и смеет
В него глядеться...

И глядит

На снежный верх Хамар-Дабана,
На кручи солнечных высот.
Падь Чайка реет неустанно
Среди невиданных красот.
В волнах летит

мальчишек стайка,

И мне мальчишек не догнать.
Их, быстрых, нагоняет Чайка,
Летящая к Байкалу – падь.
Здесь дом уютный расположен,

В черемуховом затишке,
Сережей куплен, обихожен,
Чтоб петь и думать налегке
Под ясным,
 круглым небосводом,
Среди черемух и рябин,
Чтоб ты, Сережа, был свободен
И – сродником – Байкалу был.

ЖУРАВЛИ

В колыбели моей хризантемы цвели,
А осенние листья достались в наследство.
И летят журавли, и летят журавли
Сквозь меня, сквозь мое позабытое детство.

Вспомню нашу деревню и станет теплой
В непроглядном, как ночь,
 и расхристанном мире.
Никогда не смогу позабыть журавлей,
Что летели по небу, играя на лире.

Дорогие мои, леденеет земля
И о первый мороз спотыкается осень.
Превращался и я в эти дни в журавля,
И кричал, и летел в светоносную просинь.

Горизонты мостили в глазах пелену,
На виске у земли бились темные реки,
Там тугие сомы прилипали ко дну,
И в тоску журавли улетали навеки.

Кто-то лунным свинцом заливал тишину,
Грызла лошадь ночная — пеньковые пути...
...Снова в детство,
 как в небо,
 с утра загляну,
Там летят журавли без меня почему-то.

ВДОХНОВЕНЬЕ

А вдохновенье — это что-то свыше,
Оно ударит сразу мощью всей,
И сразу строчка, как земля, задышит,
И засвистит метафор карусель.

Оно себя, как будто бы обрушит,
Устроит в кабинете сущий гнет.
И наизнанку вывернет мне душу,
И нежным светом с неба полыхнет.

К черновику, к работе вдохновенье
Меня гвоздями острыми прибьет,
Помучает, родит стихотворенье,
Как будто в небо Ангела взовьет.

Предвоенный год. Весна.
Нет меня на свете,
Но я знаю, что война
Будет на планете.

Да, меня на свете нет,
Но, грозя войною,
В небе черный силуэт
Реет надо мною.

Я кричу от немоты,
Я хочу родиться.
Мама! Мама, что же ты?
Я боюсь той птицы.

Я в неведение слепом,
Но мне все известно...
Мама — из дому и в дом —
Не находит места.

Собирает вещмешок:
Нитку да иголку,
Бритву, мыло, гребешок...
Плачет втихомолку.

Застывает у крыльца,
Будто бы чужая,
В сорок первый год отца
Мама провожает.

На дороге липкий дождь
Хлещет по солдатам...
Ах, ты, Господи... Ну, что ж!
Буду в сорок пятом!

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Изъела души, искромсала,
Как будто ржавчина – война.
Висит у каждого вокзала
Беззвучным взрывом тишина.

В той тишине, глухой, как вата,
Навеки запечатлены
Тот эшелон и те ребята,
Что не вернулись из войны.

Тот эшелон, как на экране,
Завис в кромешной тишине.
И пули той июньской ранью
Летят пока что в стороне.

Там – раскаленные, как тигли,
Снаряды не разорвались.
Сердце – осколки не достигли
И бомбы воем не зашлись.

Не слышно стука эшелона,
Но жив тот Первый Эшелон!
Он до последнего вагона
В солдатских снах запечатлен.

В нем горьких песен не допели
И не допили кипяток.
Горит, не смятый в канители,
В петлицу вставленный цветок.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Солдату долго будет сниться
Цветок дарившая рука...
... Цветок в могиле сохранится,
Окаменеет на века.

Пройдут года. Наступит дата,
Когда взойдет у трех дорог
Над прахом Русского Солдата
Высокий каменный цветок!

Наталья КАРЕТНИКОВА

г. Москва

Член МГО СП России, член комиссии по творческому наследию С.А. Клычкова. Председатель музыкально-литературного объединения «Талисман». Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

АПРЕЛЬСКИЙ СНЕГОПАД

Апрельский поздний снегопад.
И нет капли больше звонкой.
Апрель! Я помню, ты был рад
Улыбке маленькой девчонки.

И почему, скажи, теперь
С прекрасной женщиной не дружишь?
Срываешь ветром дверь с петель
И снежным вихрем всюду кружишь,

Лишаешь утреннего сна,
Своим безумством беспокоя.
Где долгожданная весна?
Вот наказание какое!

Взойдет еще немало лун
Весной на этом свете белом.
Уймись ты, ветренный шалун,
Займись своим привычным делом!

Леса и степи, и холмы
Осыпь цветами, не жалея!
Тебе вновь рады будем мы,
Надежды светлые лелея.

ВЕСНОЮ ПОЛНИТСЯ РАССВЕТ

Идет весна! «Ни дня без строчки», –
Завет философа так прост!
Апрель выгуливает почки!
Трава пошла под снегом в рост.

Сегодня легкости хочу я,
Крылатость фраз мне по плечу!
Апрельской нежностью врачую,
К тебе стихами прилечу.

Ты, строчку лучшую смакуя,
Мне улыбнешься, что ж еще?
Голубка, преданно воркуя,
Вдруг сядет на твое плечо.

То мой привет тебе, дружнице!
Меж нами расстояний нет!
Все ярче солнце, небо чище,
Весною полнится рассвет!

ВРЕМЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВ ПРИШЛО!

Июнь: беспечно, солнечно, тепло.
К нам время колокольчиков пришло!
Наполнил воздух травяной озон,
Серебряный повсюду перезвон.

То наши ангелы, божественно легки,
Звон колокольчиков несут из-под руки,
Чтобы добром наполнились сердца,
До самого до донца, до конца!

Откликнулась на этот звон душа:
Мелодия прелестна, хороша!
Взметнулись в небо весело стрижи,
Где облаков кочуют миражи.

В тени больших раскидистых ветвей
Свои выводит трели соловей.
Добро, как прежде, побеждает зло!
К нам время колокольчиков пришло!

АВГУСТ

Август пришел звездопадом.
Каждому дал, что просил.
Август, побудь со мной рядом,
Дай для любви новых сил.

Ливень стучится в окошко.
В домике нашем тепло.
Капли дождя ловит кошка,
Трогая лапкой стекло.

Пляжи у речки пустынные:
Нет больше прежней жары.
И распустились у тына
Все золотые шары.

Где-то звучит еле слышно
Грустный старинный романс.
Как же случилось, как вышло,
Что не сложился пасьянс?

Картам давно я не верю:
Есть ли в гаданиях прок?
Я отворю тебе двери,
Если придешь на порог.

Брошу те карты-вещуни.
Главное – ты мне не лги!
Спрятались птахи-шалуны
В темную зелень ирги.

В августе с новой надеждой
Позднее лето ловлю.
Будь со мной нежен, как прежде,
Я тебя не тороплю...

ОСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Душа осенняя в тревоге.
И без привычного тепла,
Бесцельно мокнет у дороги
Уже поникшая трава.

Каким неведомым маэстро
Разлита всюду грусть и ночь?
Осенняя душа оркестра
Несет мою машину прочь.

В плену дождливого обмана,
Я еду будто в полусне.
А там, за облаком тумана,
Надежду дарят скрипки мне.

Набравшись сил, на повороте,
Ноктюрна замыкают круг.
И листья клена на капоте,
Как пара чых-то влажных рук.

Ну, вот и все! Твой дом напротив –
Свидетель радостей и мук.
Вдруг, замерев на чистой ноте,
Умолк волшебный скрипок звук...

МОРОЗ И СОЛНЦЕ!

Такие дни бывают редко:
Мороз и солнце с нами вновь!
Я беспокоюсь, как наседка,
И понарошку хмурю бровь.

На ветках снег красив и звонок.
Пусть подождет твой снежокат!
Ты, словно маленький ребенок,
Играть и ехать с горки рад.

Смотрю, люблюсь на синицу,
Ее манит простор небес.
Припомнила одну страницу
Той жизни, где полно чудес.

Как будто снова вместе с сыном
Я, сбросив непосильный груз,
Скатилась с горки апельсином,
Как краснощекий карапуз.

Николай РЫЛЕНКОВ

КОКТЕБЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Эти пределы священны уж тем,
что однажды под вечер Пушкин
на них поглядел с корабля по
дороге в Гурзуф.

М. Волошин

От слова Коктебель у меня во рту остается укусный привкус молодого виноградного вина. Такое вино для утоления жажды пили поздним летом в гомеровской Элладе, пили в легендарной Киммерии; такое вино пьют и у нас, на древней и вечно молодой крымской земле...

Когда я пишу эти строки, передо мной на письменном столе стоит большая коробка с самоцветами и просто цветными, обкатанными морем коктебельскими камнями – оранжево-красными сердоликами, темно-розовыми агатами, зелеными нефритами, яшмами самых разнообразных цветов и оттенков, а также полупрозрачными халцедонами, которые называют то окаменелыми слезами nereид, то таинственным словом фернанпикс, что в переводе всего-навсего значит «штучка». Впрочем, фернанпиксом халцедон становится лишь тогда, когда отложения морских солей образуют на нем узорчатую рубашку. В этих камнях переливаются все краски крымского неба и черноморской воды.

Стоящая предо мной коробка – результат многолетних поисков.

Перебирая камешек за камешком, я воочию вижу все те места, где они были найдены, вспоминаю милых моему сердцу друзей и спутников, с которыми мне приводилось бродить по тихим бухточкам восточного Крыма, ведя бесконечные, отрешенные от ежедневной суеты беседы. Более того. Глядя на них, я даже продолжаю почему-либо прерванные разговоры, незаконченные споры.

Сейчас зима. Я сижу за столом у разрисованного морозом окна. Серебряный рисунок чуть-чуть подцвечен пристывшим к стеклу солнцем. За окном, буксуя в снегу, ревут машины. Снегу в первые же недели зимы выпало столько, что его не успевают вывозить. А из раскрытой на моем столе коробки пахнет морскими водорослями и степной полынью. Склоняясь над исчерканной страницей, я слышу мягкий плеск волны и сухой треск цикад. Из глубины памяти сами собой всплывают строки поэта, чье имя неразрывно связано с Коктебелем:

Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи.
Горы, как рыжие львы, стали на страже пустынь.
В черно-синем огне расцветают медные тучи.
Горечью дышит полынь.

В ярых горнах долин, упоённых духом лаванды,
Тёмным золотом смол медленно плавится зной.
Нимбы света, венцы и сияний тяжких гирлянды
Мерно плывут над землёй.

Я повторяю про себя эти строки, и во рту возникает уксусный привкус молодого вина. Ведь это же Коктебель.

Есть люди, которые любят перемену мест, легко меняют свои старые привязанности в погоне за новыми впечатлениями. Я не принадлежу к их числу. Если я открыл для себя какое-либо место – мне обязательно нужно обжить его. Видимо, в этом сказывается наследие моих предков земледельцев, корчевавших когда-то под пашню леса Приднепровья. Они не покидали политого их потом, возделанного их руками клочка земли до тех пор, пока он не переставал кормить их. А кормит земля не хлебом единым.

Вот и я к обжитым мной местам привязываюсь надолго, а иногда и на всю жизнь. Так в юности я привязался к Смоленску, так в зрелые годы я привязался к Коктебелю. Правда, привязался я к ним по-разному. Смоленску отдаю все мои труды и дни, а Коктебель стал для меня тем же, чем для моих предков было приходское село. Они ездили туда раз в году, чтобы очиститься душой от всего суетного и встретиться с друзьями и близкими.

После войны у меня сложился такой распорядок жизни, что из года в год я прощался с летом и встречал осень в Коктебеле. Коктебель я полюбил задолго до того, как увидел его. Полюбил по стихам Максимилиана Волошина.

Говорят, чтобы как следует понять поэта, надо побывать на его родине. Это совершенно справедливо. Но не менее справедливо и другое, что любую страну можно понять, только вчитавшись в ее поэтов.

Без стихов Максимилиана Волошина мне куда труднее было бы понять душу той земли, где

В одно русло дождями сметены
И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.

...

Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата –
От римских блях и элинских монет
До пуговицы русского солдата!..

Недаром же каждому приезжающему в Коктебель новичку старожилы прежде всего показывают возникающий из нависших над заливом скал Карадага профиль бородатого поэта. И все узнают в нем Волошина. Узнают уже по одному тому, что всем хочется верить, что благодарная природа, утверждая и подтверждая слово поэта о ней, сама запечатлела его облик, создала его нерукотворный портрет. Волошин, умевший не только придумывать, но и принимать придумки всерьез, считал свой нерукотвор-

ный портрет высшей наградой для себя, знаком признательности родного края, любимого Коктебеля:

Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поёт в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Я впервые попал в Коктебель в августе тридцать восьмого года, когда дача покойного поэта, переданная им Союзу писателей, стала уже Домом творчества литературного фонда.

В молодости я с большим недоверием смотрел на такие дома. В самой их идее мне виделось ремесленническое понимание труда художника. «Ну как это можно, – думал я, – ехать творить по путевке Литфонда, да еще в точно определенный срок? А если вдохновение придет чуть пораньше или чуть попозже?»

К творчеству я относился с трепетным благоговением новичка-провинциала, стыдящегося вслух произнести само это слово, а не то что ехать куда-то со специальной целью творить.

В наивности своих юношеских представлений я убедился потом, но уже и тогда выделял среди домов подобного рода дом в Коктебеле, где дружеские встречи поэтов стали благородной традицией еще при Волошине. К тому же врачи настойчиво советовали свозить туда мою шестилетнюю дочку, страдавшую бронхиальной астмой.

Это была моя первая поездка к морю. Готовясь к ней, я перечитал все, что смог достать Волошина и о Волошине, а значит, и о Коктебеле. Но достать мне, к сожалению, удалось очень немного. В библиотеке Дома искусств я нашел один сборник его стихов да две-три статейки о нем, где он рассматривался как внутренний эмигрант, прятавшийся в своем крымском захолустье от великих событий века.

В вагоне, чтобы не быть застигнутым врасплох, я вспомнил все стихи о море, какие знал у русских и зарубежных поэтов. Мне казалось, что, повторяя их строфу за строфой, как молитвы или заклинания, я издали почувствую дыхание моря, угадаю его появление на горизонте. Но оно появилось совершенно неожиданно даже для тех, кто встречался с ним не в первый раз. Увидев его, я сразу забыл все стихи и только глубоко-глубоко вздохнул, словно вместе с воздухом можно было вобрать в себя эту зыбкую, вспыхивающую и рассыпающуюся мириадами искр синеву.

А вот уже и морские ворота восточного Крыма – Феодосия. На синем фоне четко вырисовываются коричневатые холмы с белыми домиками. Красная черепица густо залита маслянистой глазурью зноя. Пыльные листья деревьев кажутся вырезанными из какой-то плотной, грубой материи. За окнами мелькают то колокольня церкви без креста, то минарет мечети без полумесяца. В соседнем купе кто-то скандирует стихи Мандельштама:

Прозрачна даль. Немного винограда
И неизменно дует ветер свежий.
Недалеко от Смирны и Багдада,
Но трудно плыть, а звезды всюду те же.

Поезд замедляет ход. Приветствуемый забронзовевшими купальщиками, он тянется над самым пляжем мимо санаториев, мимо картинной галереи Айвазовского. Я не успеваю подумать, что надо узнать, какие еще в городе есть музеи, как поезд останавливается, и мы окунаемся в праздничную сутолоку вокзала.

От Феодосии добираемся на грузовой машине. За городом море опять пропадает из виду. Дорога петляет по рыжим, выжженным за лето холмам степного предгорья и, только почти вплотную приблизившись к скалам Карадага скатывается в зеленую долину, озаренную лазурным пламенем коктебельской бухты.

В волошинском парке среди возведенных Литфондом строений резко выделяется дом поэта. Он стоит у самой кромки прибоя, похожий на корабль, только что вернувшийся из дальних странствий во времени и пространстве.

Я поселился по соседству, в одном из новых корпусов. Мне с женой и дочерью дали довольно большую комнату с отдельной застекленной верандой. Жене комната понравилась, а я был немножко разочарован. Мне очень хотелось пожить в доме поэта, под той крышей, где не раз находили приют Брюсов и Белый, Гумилев и Мандельштам. Утешился я только после того, когда мне сказали, что у вдовы Волошина Марьи Степановны всегда открыты двери для всех приезжающих в Коктебель поэтов.

Но, прежде чем пойти к Марье Степановне, мне нужно было хоть чуть-чуть освоиться на Киммерийском берегу Евксинского Понта. Приглядываясь к коктебельскому пейзажу, я все больше и больше поражаюсь тому, с какой проникновенной точностью запечатлелись в стихах Волошина не только внешние, зримые черты этих мест, не только окружающий их воздух, а и сама их душа, незримое наследие минувших поколений.

Из камней низкая ограда,
Быльем поросшая межа,
Нагие лозы винограда
На темных глыбах плантажа,

Лучи дождя и крики птички,
И воды тускляя вдали,
И это горькое величье
Весенней вспаханной земли...

Среди собравшихся в Доме творчества литераторов у меня оказался только один знакомый – Иосиф Павлович Уткин. Чтобы я не чувствовал себя одиноким, он уговорил меня выступить на устраивавшемся там под его председательством вечере поэтов. Кроме самого Уткина, на этом вечере из «стариков» участвовал Всеволод Рождественский и из молодежи несколько периферийных авторов, в том числе и мой земляк, живший в это время в Карелии, Иван Кутасов. Стихи его на меня впечатления не произвели, но сам он мне понравился, вероятно, потому, что весь вечер расспрашивал о Смоленщине.

Почти все поэты, готовясь к вечеру, написали что-нибудь о Коктебеле. Я даже не пытался сделать это, зная, что у меня все равно ничего не получится, пока не надышусь здешней тройчаткой – смесью степного, морского и горного воздуха. И я прочитал не-

сколько лирических миниатюр о среднерусской природе, а в заключение – отрывок из поэмы «Земля», вступление к той ее части, где речь шла о войне четырнадцатого года:

По дорогам русским в беспорядке
Разогнала беженцев война.
Их встречают воплями солдаты,
Выкликают мертвых имена.

Очумев, хватают за оглобли:
Может быть, хоть весточку привез.
Но от воплей беженцы оглобли,
Но ослепли беженцы от слез.

Полегло нескошенное жито,
Отчий край потоптан и сожжен,
Лишь зола холодная зашита
Под крестами в ладанках у жен.

После вечера ко мне подошел известный литературовед Николай Леонтьевич Бродский и с такой важностью заговорил о моей пейзажной лирике, что я от смущения чуть не провалился сквозь землю. А об отрывке из поэмы сказал, что на моем месте он бы отказался читать такие вещи и уж тем более – печатать.

– Почему? – удивился я.

– Наивный вы человек, – ответил профессор, подкручивая стрелки усов. – Неужто вы не видите, что дело идет к войне. Все могут превратно истолковать и обвинить в пацифизме.

– Вот уж никогда не думал, – вспыхнул я.

– А надо думать, молодой человек, – наставительно заметил Николай Леонтьевич и опять принялся растолковывать мне мою лирику.

Я был знаком с некоторыми еще дореволюционными его работами. Составленную им вместе с Мендельсоном и Сидоровым историко-литературную хрестоматию я считал едва ли не лучшей среди изданий подобного рода. А его предисловие к книге «Времена года в русской поэзии» знал наизусть и мог читать, как стихи:

«Чувство природы, любовь к ее краскам, раздумье над ее тайнами, умение схватить в ней длительное и мгновенное, почувствовать красоту в ней и ее отблеск в своей душе – это сложное чувство требует пристального ухода за собой, должно быть и оберегаемо и воспитываемо с самой ранней поры».

Эта книга, любовно изданная «Книгоиздательством писателей в Москве» в девятнадцатом году с рисунками художников А. Архипова, А. Васнецова, К. Коровина, И. Левитана, С. Малютина и других, всегда лежала на моем письменном столе. Из предисловия Бродского я даже собирался взять эпиграф к своей новой книжке. Поэтому его похвалы были мне особенно приятны. Я тут же надписал и подарил ему свой сборник «Колосья».

Об отрывке из поэмы мы больше не заговаривали. Я хорошо понимал, что предостерегал меня многоопытный Николай Леонтьевич из самых добрых побуждений и оби-

жаться на него я никак не мог. Но согласиться с ним мне тоже было невозможно, так как писал я свою поэму именно потому, что всем существом чувствовал приближение новой войны. Выбросить же оттуда лирические отступления значило для меня то же самое, что обкрадывать самого себя. Впрочем, сделать этого было уже нельзя, даже если бы я и захотел. В смоленском издательстве со дня на день должен был появиться сигнальный экземпляр моей новой книги «Истоки», где печаталась и поэма.

Однако, как я не хабрился, а отмахнуться от предостережения профессора, может быть слишком перепуганного буреломом тридцать седьмого года, мне не удалось. Когда я остался один, у меня вдруг защемило сердце от ощущения полной незащищенности перед самыми нелепыми обвинениями, которые у кого-то могут возникнуть. Преодолевать такое ощущение мне всегда помогало полученное в наследство от деревенских предков душевное здоровье. Помогло и на этот раз.

Познакомившись на поэтическом вечере с карельским смолянином Иваном Кутасовым, я вскоре подружился с ним, и мы каждое утро отправлялись куда-нибудь в горы. Сначала ходили вдвоем, потом к нам присоединился молодой петрозаводский литературовед – Василий Базанов. Оказалось, что он имеет прямое отношение к смоленскому землячеству, занимается изучением творчества Федора Глинки, всеми своими корнями связанного со Смоленщиной, а после поражения декабристов сосланного в Петрозаводск и написавшего там поэмы «Карелия» и «Дева карельских лесов».

Личность Федора Глинки, автора замечательной книги «Письма русского офицера», меня интересовала давно в связи с Отечественной войной 1812 года, и нам с Базановым было о чем поговорить во время наших походов в горы. Иногда мы брали с собой малышей – мою дочку и базановского сына. Я рассказал Кутасову, как моя Наташка, барахтаясь в первый день у кромки прибоя, глотнула ненароком глоток воды и радостно завизжала: «Папа, а кто это посолил море?» Тот пришел в совершенный восторг. Тормоша девочку, он поминутно спрашивал: «Ну, так кто же все-таки посолил море?»

Моя дочка привязалась к нему так же, как и сынишка Базанова. Они ни на шаг не отставали от него. У самых крутых подъемов Кутасов усаживал их к себе на плечи и бегом поднимался на перевал. Чтобы развлечь малышей, он вдруг начинал во весь голос переключаться с эхом, заставляя отвечать себе все ущелья, все расселины окрестных скал. Глядя на него в такие минуты, я думал, что тут он гораздо больше поэт, чем в своих стихах, но что переполняющий его избыток сил и вся его душевная щедрость неминуемо, не сегодня так завтра должны прорваться в стихи.

Однажды он рано утром ушел в горы один и пропадал там целый день. Явился только к вечеру и весь побитый, в синяках. Оказывается, ему захотелось найти спуск с горы в сердоликовую бухту, куда обычно попадают либо с моря, либо пробираясь берегом, где есть несколько рискованных мест, которые надо проходить по воде, держась за выступы скалы, а последний кусок пути преодолевать вплавь. Кутасов несколько раз звал нас туда, но мы, не ахти какие пловцы, не решались пойти. Вот тогда-то он и задумал разведать для нас спуск с горы. Возвратиться из этой разведки на своих ногах, как говорили знающие люди, у него было очень немного шансов.

Хожение в горы, в каменный сад Карадага с его обрывистыми террасами и крутыми тропинками среди причудливых нерукотворных изваяний, на какое-то время пришлось прекратить. Но Кутасову все равно не сиделось на месте, и он дня через

три-четыре отправился с нами на могилу Волошина. Похоронен поэт по его последнему желанию был на седловине противоположной Карадагу горной гряды Кучук-Енишары, по соседству с замыкающим коктебельскую бухту с левой стороны мысом Хамелеон. Дорога туда не столь трудная, как по карадагским крутизнам, а вид оттуда такой, что дух захватывает. Вся первозданная природа Коктебеля как на ладонях: всхолмленная, изрезанная балками степь, виноградные долины предгорья, зыбкая синь моря, отвесные кручи скал. Изваянный судьбой и ветрами профиль Волошина надо смотреть тоже с его могилы.

Обнажив головы, мы стояли у обложенного диким камнем холмика. На нем кто-то выложил из гальки крест. Лежит пучок полыни. Тускло поблескивают на солнце слезы nereid – обкатанные морем халцедоны.

Мои спутники попросили меня вспомнить что-нибудь из стихов Волошина, и я, не поднимая глаз от могилы, начал полупшепотом:

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной – застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Внизу, как сказал поэт, медленно плавился зной, а нас у его могилы насквозь пронизывал ветер.

Спускаясь к морю, мы молча шли без дороги по заросшему колючей травой скату. Прямо передо мной маячила вышка волошинского дома-корабля, виднелась его галерея, которую здесь называли палубой. И я снова и снова думал о том, смог ли бы Волошин почувствовать здесь, на глухом киммерийском берегу воздух Эллады, если бы не побродил в молодости пешком по древним пажитям Европы.

Меня еще в школьные годы пленяли его стихи о Париже и Венеции. Я этих городов не видел даже во сне и был счастлив, что поэт подарил мне их, позволил прикоснуться к их камням.

Стихов о Коктебеле я в ту пору в его сборнике просто не заметил. Да это и не удивительно. Нужно многое пережить и о многом подумать, чтобы понять, что лучше всего поэт раскрывается на том, как он пишет о своих родных местах. Пришло время, когда и для меня это стало главным мерилом любого искусства.

Поравнявшись с домом Волошина, мы, не сговариваясь, в один голос сказали, что первый долг свой перед покойным поэтом мы исполнили и завтра уже можно будет пойти к Марье Степановне. Договориться с нею взялся Кутасов.

Из стихов Волошина, как я подозреваю, он знал только те, что услышал здесь, в Коктебеле, но зато умел все схватывать на лету и, что самое главное, умел сразу находить общий язык с самыми разными людьми. А с Марьей Степановной договориться было

нетрудно. Она радовалась любому проявлению интереса к личности и творчеству своего Макса. И вот всей компанией мы поднимаемся по деревянной скрипучей лесенке, ведущей в святая святых дома – мастерскую и кабинет Волошина.

На террасе нас встречает пожилая, но еще крепкая женщина ниже среднего роста, с густой скобой темных, тронутых сединой волос на круто посаженной голове. Всем своим обликом она напоминает курсистку начала века. Нам не нужно объяснять, что это и есть Марья Степановна, хранительница литературного наследия Волошина и его никем не утвержденного, но фактически существующего мемориального музея. Она прежде всего вводит нас в мастерскую, высотой своей, полуовальной формой, своими огромными, в два яруса, окнами напоминающую храм. Ощущение это усиливается тем, что лесенка у стены, увешанной акварелями с видами Коктебеля, ведет, как на хоры, в кабинет мастера – поэта и художника.

В кабинете – все сделано руками хозяина. Похожий на верстак стол, дощатое ложе – топчан.

Марья Степановна, ни на одну минуту не умолкая, словно боясь, что ее кто-то прервет и она не успеет выговориться, рассказывает о человеке, чью память она бережет с почти религиозным благоговением. В ее рассказе немало наивной восторженности и даже сентиментальности, но я охотно прощаю ей все это за ее высокое понятие об искусстве, как о подвиге служения человека человечеству.

От Марьи Степановны я впервые услышал, что Волошин, который мне казался русским парнасцем, отрешенным от всякой злобы дня, в юности был исключен из Московского университета, арестован и выслан в Среднюю Азию за участие в политических студенческих волнениях, что в последние годы жизни любимым поэтом своим он называл Некрасова. Незаметно у меня появилось такое ощущение, что со стен сошли все портреты хозяина дома и слились в один образ. Я увидел, что потомок запорожских казаков не только в стихах старался сблизить Киммерию с Элладой. Это родство он подчеркивал всем своим обликом: русская окладистая борода и что-то вроде греческого хитона. Суковатая пастушеская палка и сандалии на босу ногу... Волошин словно дразнил неожиданностью сопоставлений.

Особенно неожиданной для меня показалась любовь Волошина к Некрасову, которую весьма настойчиво подчеркивала Марья Степановна. Я даже подумал, что для него, по всей вероятности, это была невольная дань времени, вряд ли связанная с глубинными потребностями его души, и что Марья Степановна инстинктивно ухватилась за эту дань, чтобы хоть как-нибудь связать образ поэта если не с революцией, то хотя бы с традициями русской гражданской и социальной поэзии. По тем его стихам, которые я знал, такую связь уловить было довольно трудно. Единственной вещью, где Волошин поднимался до почти библейского пафоса, я считал стихотворение «Ангел мщения», но ведь оно написано как предупреждение против развязывания народных страстей:

Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

Здесь позиция Волошина гораздо ближе к толстовской, чем к некрасовской. Сама Марья Степановна прочла нам, как образец его гражданской лирики, стихотворение «Дом поэта». Стихотворение, полное высокого благородства, но также отнюдь не некрасовское. Вспоминая о бурях гражданской войны, когда Крым несколько раз переходил из рук в руки, поэт писал:

В те дни мой дом убог – слепой и запустелый,
Хранил права убежища, как храм,
И раскрывался только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.

Стихи эти заставляли вспомнить знаменитые строчки Алексея Константиновича Толстого «Двух станом не боец, а только гость случайный». И все же в них уже не было и следа эстетической созерцательности раннего Волошина. В них с большой искренностью выразился тот наивный гуманизм застигнутого врасплох бурными событиями русского интеллигента, в котором гораздо больше личного мужества и благородства, чем понимание социального смысла происходящего. Силу им придает пафос защиты высших моральных ценностей, имеющих непреходящее значение.

Уже по одному этому от них нельзя, невозможно было отмахнуться, как от чего-то старомодного. Я скорее чувствовал, чем понимал тогда, что такие стихи могли быть написаны только в России в то время, когда людям особенно нужна была доброта.

Так для меня если не открылся, то приоткрылся другой неведомый мне Волошин. Тогда же я впервые увидел его акварели, которые как бы дополняли, обогащали его стихи, делали их более осязаемыми, зримыми.

Мы прикладывали к уху привезенные поэтом из дальних странствий раковины, чтобы услышать шум океанского прибоя, и рассматривали найденный на коктейльском берегу обломок доски с медной обшивкой от греческого корабля эпохи Гомера. От портрета хозяина работы его друга Диего Ривьеры, связанного с художественными исканиями начала двадцатого века мы переходим к копии скульптурного портрета древнеегипетской царевны Таиах. В заключение Марья Степановна показывает нам волошинскую коллекцию коктейльских камней, сказав при этом, что лучшие свои находки он раздарил друзьям, так же, как раздарил наиболее удачные акварели.

– Делать людям подарки было его страстью, – говорит она. – Макс не любил расставаться только с книгами. В своей библиотеке он собрал все лучшее, что создано его современниками в поэзии, русской и иностранной, особенно французской.

Слушая Марью Степановну, вглядываясь в черты ее выдубленного временем лица, я думал: а ведь есть нечто глубоко символическое в том, что хранительницей наследия Волошина оказалась не какая-нибудь хлипкая эстетка декадентского толка, а эта крепко сбитая, не привыкшая сидеть сложа руки женщина, наделенная простонародной выносливостью и душевным здоровьем. Она, наверно, далеко не все понимала в исканиях боготворимого ею Макса, многое в его раннем творчестве было ей, вероятно, внутренне чуждо, но ко всему созданному им она относилась с той бережливостью, которая присуща людям труда. Прощаясь с нею, я уже знал, что еще не раз вернусь на ее порог.

Жена моя чуть ли не с самых первых дней в Коктебеле заразилась «каменной болезнью». Она проводила целые дни на берегу, переворачивая в поисках сердоликов и фернанпиксов груды гальки. Свои находки она ежедневно показывала жившей с нами рядом Мариэтте Сергеевне Шагинян, а та совершенно безжалостно выбрасывала их за окно, как не достойные ни малейшего внимания.

– Я понимаю, что можно собирать слезы nereid, но зачем же подбирать их сопли, – говорила она с нарочитой грубоватостью.

Жену это несколько не обескураживало и в конце концов ей удалось найти два–три вполне приличных сердолика и несколько фернанпиксов, получивших одобрение самой Мариэтты Сергеевны.

– Вот с этого и начинайте, – сказала она. – Чтобы выработать хороший вкус, в любом деле нужно быть беспощадным к себе, не довольствоваться малым...

Находки жены вдохновили на поиски и меня. И на меня перешла «каменная болезнь». А старые коктебельцы говорили, что заболевшие этим недугом никогда не забывают дорогу к синей бухте у подножия Карадага.

Как память о море и голубых скалах мы в первый раз увезли из Коктебеля папиросную коробку цветных камней, запах полыни и чабреца и надежду на встречу там с новыми друзьями в будущем году.

Теперь мы уж заранее планировали свою поездку в Коктебель, тем более что он очень помог нашей дочери. Приступы астмы у нее стали гораздо реже, и врачи пришли к заключению, что болезнь может пройти бесследно после нескольких посещений Черноморского побережья. Одним словом, в следующем году мы уже просто не могли не поехать в Коктебель.

Приехали мы туда в тот же срок и даже поселились в той же комнате, что и в предыдущем году. Однако наших петрозаводских друзей, с которыми мы сговорились приехать одновременно, почему-то не оказалось, но мы уже и без них не чувствовали себя такими одинокими, как в первый раз. Теперь нам и самим были известны все тропки к вершинам Карадага, все подходы к открытым и закрытым бухтам в окрестностях Коктебеля. Теперь мы сами могли водить в походы новичков.

Из знакомых литераторов я в первый же день встретил Уткина и профессора Бродского. Николай Леонтьевич затащил меня к себе и сразу же заговорил о моей книге «Колосья», подаренной ему в прошлом году. А я уже успел остынуть к ней. У меня в чемодане лежал новый, недавно вышедший в свет сборник «Истоки». В молодости мы мало дорожим сделанным, твердо веря, что каждая наша следующая книга будет лучше предыдущей. И я, смущенный тем, что Николай Леонтьевич с профессорской основательностью стал разбирать какие-то мои стихи из «Колосьев», сказал, что эта книга для меня пройденный этап, что мне намного важнее услышать его мнение о новом моем сборнике, который я завтра же подарю ему.

Профессор посмотрел на меня весьма неодобрительно и покачал головой:

– Конечно, в ваши годы выход каждой новой книжки – событие для вас. Я это хорошо понимаю. Но меня очень огорчает ваше отношение к своей работе. Нельзя так легко отказываться сегодня от того, что вы делали вчера. У меня есть только одно-единственное извинение для вас – молодость.

Я еще больше смутился, покраснел и совсем уж по-мальчишески стал благодарить его за преподанный урок.

Заметив мое смущение, Николай Леонтьевич сменил гнев на милость, сказал, что рад будет убедиться в моем творческом росте, сравнив «Колосья» с новой книгой стихов.

На следующее утро я с душевным трепетом вручил ему сборник «Истоки», где была напечатана и та поэма, отрывок из которой так переполошил профессора в прошлом году. Мне очень хотелось услышать, что скажет он, когда прочтет поэму полностью. Но говорить с ним о стихах мне на этот раз больше не привелось.

В районе Коктебеля начались военные учения. В пустынной бухте появились корабли. Самолеты то и дело сбрасывали на них дымовые бомбы. В поселке по нескольку раз на день объявляли воздушную тревогу. На берегу и в горах за каждым выступом скалы, за каждым поворотом тропинки стояли патрули пограничных войск. Как только смеркалось, над морем вспыхивали лезвия прожекторов.

Отправляться в дальние прогулки было рискованно. Пограничники задерживали всех запоздавших, оказавшихся в неурочное время в горах или отдаленных бухтах.

Я успел сходить лишь на могилу Волошина и с утра до вечера пропадал на пляже, где свои специалисты по международным делам комментировали каждое газетное сообщение. А сообщения эти становились все тревожнее и тревожнее. И без комментариев было понятно, что дело всерьез запахло войной. Гроза, оглушившая Западную Европу, повернула на восток и с новой силой разразилась над Польшей. Когда развернулись польские события, стало ясно, что время предгрозя кончалось и для нас.

Из Коктебеля я уехал до срока по вызову военкомата. Жена тоже не захотела оставаться без меня в Коктебеле с маленькой дочкой на руках. Мы даже не успели как следует попрощаться с морем, которое в те дни ранней осени было на удивление тихим и лучезарным. Но по пути в Феодосию я все-таки не забыл бросить под мосток монету на возвращение.

В Феодосии мы с большим трудом, да и то только по телеграмме с вызовом военкомата, достали билеты на переполненный поезд.

В Крыму стояли лучшие дни бархатного сезона, а из санаториев спешили уехать не только те, кто ожидал мобилизации. В такие дни каждому хотелось быть поближе к своим родным.

До Москвы мы добрались благополучно. Поезд пришел туда почти вовремя. А из Москвы до Смоленска добирались больше чем двое суток. Белорусская дорога была забита воинскими эшелонами, и пассажирские поезда шли без всякого расписания, часами стояли на станциях и полустанках, дожидаясь, когда освободятся пути.

В Смоленске, только на минутку забежав домой, я отправился в военкомат за назначением.

Так, в сущности, коктебельские дни того позднего лета и ранней осени оказались последними мирными днями моей молодости. С тех пор тревоги почти не прекращались.

В Москве у букинистов я купил книжечку Волошина «Верхарн» (Судьба. Творчество. Переводы). Купил, несмотря на то, что у меня уже стоял на полке изданный академией солидный том стихов Верхарна, где были и волошинские переводы. В книжке Волошина меня потрясло предисловие. Оно касалось не только судьбы самого Верхарна. Речь шла о трагедии целого поколения европейской интеллигенции.

«Тонкий и остроумный Жюль Леметр, умерший в первый месяц войны, за несколько недель до этого был поражен болезнью, необычной, как библейское знамение: он научился читать. Зрение его оставалось нетронутым, он продолжал воспринимать все впечатления внешнего мира, но какой-то маленький сосудик, лопнувший в мозгу, нарушил работу памяти, и он, всю жизнь живший для книги и книгами, для которого они были живыми существами, потерял способность различать смысл напечатанных знаков. Война застала его, когда он пытался снова научиться читать по слогам, и нанесла ему милосердный удар. Не являлось ли это указанием того что в наступающую страшную эпоху истребления французской литературы, ему, Жюлю Леметру, читать будет нечего и незачем?»

Эти строки пронзили меня, как молния. Если так было в прошлую войну, то что же сулит будущая?

Весной следующего года мне сообщили из Петрозаводска, что на финском фронте погиб мой коктебельский приятель Иван Кутасов, так и не успев найти свою дорогу в поэзии.

В Коктебель я уже и не собирался. Вскоре после окончания финской войны я написал стихотворение о возвращении русского солдата в родные места. Вот как мне виделось это возвращение:

Он весь этот мир, что с детства знаком,
Казалось, снова открыл –
С дорогой накатанной, с ветряком,
Раскинувшим тени крыл;

С цепочками пчел, что на запах цветов
Тянутся через гать.
И понял: за это за все готов
Он душу свою отдать.

Какой там покой, когда зажжена
Земля с четырех сторон!
«Совсем возвратился?» – спросит жена.
«В отпуск», – ответит он.

Секретарь редакции смоленской газеты, куда я отдал это стихотворение, сказал, что печатать его нельзя, так как оно подтверждает вздорные разговоры о неминуемости войны. Пришлось пойти к самому редактору. Тому стихотворение понравилось, но когда я рассказал ему о разговоре с секретарем, он призадумался.

– Я за то, чтобы напечатать, но нужно, конечно, посоветоваться.

Назавтра, встретившись со мной в редакционном коридоре, секретарь ласково взял меня под руку и с шутилой серьезностью поклялся, что сделает все, чтобы стихотворение мое не появилось в газете.

– Давай лучше какие-нибудь другие стихи. В первое же воскресенье поставлю самые распейжажные...

Я достаточно хорошо знал, какую власть в редакции имеет секретарь, и к редактору больше не пошел, но тот на этот раз решил поставить на своем. В середине июня я зашел к нему сказать, что уезжаю с Михаилом Васильевичем Исаковским на несколько дней в деревню. Он попросил меня написать очерк о районном центре и пообещал, что в ближайшем воскресном номере газеты обязательно напечатает мое стихотворение. Так оно появилось в роковой день 22 июня.

В годы войны все мои помыслы были заняты судьбой многострадальной Смоленщины, испепеленной и растоптанной врагом, но не смирившейся перед ним. Чтобы не отрываться от нее, я перешел из редакции фронтового журнала в штаб партизанского движения. О Коктебеле вспомнил я только в самом конце войны, встретившись в московском Доме литераторов с вернувшимся из эвакуации профессором Бродским. После первых приветственных слов, он сказал:

– А вы как в воду глядели, когда писали в своей поэме:

По дорогам русским в беспорядке
Разогнала беженцев война.
Их встречают воплями солдаты,
Выкликают мертвых имена.

– Я не раз приводил эти строчки своим студентам. Отсюда, да еще от «Молитвы солдатки» из той же поэмы идет вся ваша военная лирика. Я искренне рад, что встретил вас и могу вам сказать все это. В Коктебеле я был неправ, когда предостерегал вас от таких вещей. Вы забудьте тот наш разговор.

– Ну, что вы, Николай Леонтьевич, – взмолился я. – Как я могу забыть о коктебельских разговорах с вами, когда у меня о них осталась самая добрая память. И предостережение ваше тогда я понял совсем в другом смысле.

– Время было, сами знаете, какое тревожное тогда, – продолжал Николай Леонтьевич. – Если удастся снова встретиться на коктебельском берегу, поговорим по-другому...

После этого мы еще несколько раз виделись в Москве, отпраздновавшей День Победы, но в Коктебеле наши дороги больше уже не сошлись. Николаю Леонтьевичу врачи запретили поездки на юг, а я никак не мог дождаться, когда же откроется Дом творчества на берегу коктебельской бухты.

За годы войны я выпустил несколько книжек стихов, написанных во фронтовых землянках и холодных гостиницах прифронтовой Москвы, на пепелищах сел и среди дымящихся руин городов, откуда только что был выбит враг. И все-таки у меня не проходило ощущение, что чего-то самого главного о войне я еще не сказал, что я писал пока лишь о том, что накипело и выплескивалось само. Мне казалось, что настало время поднять и переплавить все, что накопилось на дне души. Необходимо было заново обдумать и осмыслить все пережитое на войне. И, как самое лучшее место для неторопливых раздумий наедине с самим собой, мне все чаще вспоминался Коктебель.

После войны там все начиналось сначала. Дом творчества снова, как впервые, открылся в доме Волошина. Все остальные здания были разрушены. Выдавая туда путевки, в Литфонде предупреждали, что там еще нет света, что по вечерам придется сидеть

даже не с керосиновыми лампами, а со свечами, что туда надо брать с собой продуктовые карточки...

Меня все это нисколько не смущало. За время войны я привык работать в любой обстановке. Да и сразу после войны обстановка в моем Смоленске, где немцы, в буквальном смысле слова, не оставили камня на камне, не позволяла забыть фронтовые привычки. В первую зиму мне пришлось писать на краешке кухонного стола при свете мигающей коптилки. Кухня у нас тогда была единственной комнатой, где не коченели руки, и пальцы могли держать перо. А в Коктебеле, по крайней мере, будет тепло и тихо. Мне же для работы ничего другого и не требовалось. Впрочем, работать там я даже и не собирался. Я просто надеялся, что на пустынном берегу моря под сенью каменных скал Карадага мне легче будет сосредоточиться на пережитом и передуманном, привести в строй и ясность свои мысли. А жена уже бредила коктебельскими камнями, сердоликами и агатами, нефритами и яшмами.

В тот раз в волошинском доме собралось не больше полутора десятков человек, приехавших из Москвы, Ленинграда, Киева и других городов. Почти все это были люди, еще до войны заболевшие Коктебелем. С большинством из них я познакомился только перед войной, но познакомился именно в Коктебеле, а все коктебельцы встречались в волошинском доме как старые друзья. Сейчас мне даже трудно вспомнить, кого я нашел там в первый послевоенный приезд.

Коктебельские воспоминания тех лет для меня слились в одно, когда мы жили в похожих на кельи комнатухах, собираясь по-семейному за столом на маленькой веранде. Но мне невозможно представить себе Коктебель той поры без писательницы Мариэтты Шагинян, художника Михаила Васильевича Куприянова, заглавного из троицы Кукрыниксов, и поэтессы Елены Благиной. Вместе с ними мне всегда вспоминается и живший в деревне, но входивший в наш дружный семейный круг искусствовед Александр Георгиевич Габричевский и его жена, талантливая художница Наталья Алексеевна. Неистощимая на выдумки, она устроила домашний кукольный театр и была душой всех затей, скрашивавших наши вечера наверху у Марьи Степановны. Чтение стихов там перемежалось постановками веселых сценок и шарад. В этих постановках участвовали почти все мы, кроме разве Мариэтты Сергеевны Шагинян.

Мне кажется, что именно тогда Елена Благина написала свой цикл адресованных тесному коктебельскому кругу песен, для которых сама же подобрала и музыку. Одна из этих песен стала как бы своеобразным коктебельским гимном:

Коль мыслию унылой
Ты омрачишься вдруг,
Припомни берег милый,
Его крутой излук.
Плещет волна,
Гонима свежим ветром,
Гудит античным метром
Басовая струна.

...
 Припомни тот плавучий
 Многооконный дом
 И то, что был ты лучше,
 Нежней и чище в нем.

Пришлась по душе сложившемуся в первые послевоенные годы коктебельскому содружеству и другая песня Елены Благиной, которой начиналась каждая наша застольца. Запевали ее обычно либо сама Благиша, как ласково называли Елену Александровну в дружеском кругу, либо жена Михаила Васильевича Куприянова – Евгения Соломоновна. Слова этой медлительной, чуть грустной песни заставляли нас вспомнить все пережитое на дорогах войны, чтобы лучше оценить после разлуки счастье новых встреч:

Опять народу здесь полно,
 И сколько милых лиц,
 Опять зеленое вино
 Мы пьем из солониц.

Друзей сомкнулся тесный круг,
 Его не разорвать.
 Чего не отдал бы ты, друг,
 Чтоб встретиться опять.

Теперешним читателям может показаться поэтической причудой, даже своеобразной экзотикой то, что вино мы пили не из какой-нибудь другой посуды, а именно их солониц. На самом же деле эта деталь объясняется сугубо прозаической причиной. Рюмок тогда не было, а чтобы пить вино стаканами – его было слишком мало, и стеклянные солоницы оказывались самой подходящей посудой.

До войны я знал Благинину как хорошую переводчицу и отличную детскую поэтессу. Только после войны я узнал, что она писала и превосходные «взрослые» стихи. Впервые я услышал эти стихи в ее чтении у Марьи Степановны, в мастерской Волошина, и до сих пор помню, какое большое впечатление на меня произвело стихотворение «Овальный портрет», которое было напечатано только много лет спустя в ее книжке «Окно в сад».

Свои «взрослые» стихи Благина писала неторопливо, печатать их тоже не спешила и отводила душу сочинением песен, обращенных к друзьям.

Несколько позже в Коктебеле стала появляться Маргарита Алигер. Она сразу же сблизилась с кругом старых коктебельцев. И хотя ее увлечение Коктебелем продолжалось недолго, она оставила там добрую память о себе песней, которую до сих пор поют на проводах уезжающих друзей.

Расставанье с каждым часом ближе,
 Грустно я гляжу на склоны гор.
 Милый край, зелено-серо-рыжий,
 До свиданья, кончен разговор.

Гулкие, обрывистые кручи,
Ветровой грохочущий простор.
Милый край, горючий и колючий,
До свиданья, кончен разговор.

...

Без меня на утро солнце встанет,
Я гляжу, и мой прощальный взгляд
Пелена невольная туманит...
До свиданья, я вернусь назад!

Песни Елены Благиной и Маргариты Алигер стали в некотором роде фольклорной коктебельской классикой. Кроме них и рядом с ними существует довольно богатый расхожий коктебельский фольклор, фольклор малых жанров, в который внесли свою лепту едва ли не все приезжавшие туда поэты. Круг живых, невыдуманных героев этого фольклора очень широк, от известных все стране писателей до популярной в свое время только среди завязанных коктебельцев ларечницы Вали.

Старые коктебельцы, коктебельцы довоенной формации, не терпели в своей среде ни малейшего проявления пижонства или снобизма. Встречая новичков, мы дружно скандировали:

Кто не хочет жить на просторе,
Кто любит тешить спесь:
Пусть уезжает на Рижское взморье,
Снобам не место здесь!

И в самом деле, на пустынном коктебельском берегу случайно попавшие туда пижоны чувствовали себя не в своей тарелке и долго не задерживались там. В другой раз туда редко кто из них отваживался приезжать. Ведь там поблизости не было не только города, но и мало-мальски благоустроенного поселка.

Сам Коктебель, еще до войны переименованный в Планерское, восстанавливался медленно. Белые с красными черепичными крышами домики здешних старожилов – крымских татар и болгар – зияли выбитыми окнами и выломанными дверьми.

В то время сельсовет охотно продавал пустовавшие домики, и некоторые писатели и артисты приобрели себе таким образом дачи. Подумывал об этом и я, но, взвесив все, отказался: на целое лето я приезжать сюда не мог, а ради одного месяца не стоило городить огород.

До войны тут, кроме писательского Дома творчества, обосновалось несколько санаториев. После войны из них уцелел только один, где открылся Дом отдыха профсоюза медиков, такой же малолюдный, как и наш Дом творчества.

Уйдя в одну из ближайших бухточек, можно было провести весь день в полном одиночестве. Некоторые мои приятели сочиняли там под шум прибоя стихи. Я в Коктебеле, кроме шуточных посланий, ничего не сочинял, ни за столом, ни тем более на прогулках. Я приезжал туда затем, чтобы, отойдя хоть немножко от привычной обстановки, уйдя от

ежедневной будничной суеты, сосредоточиться, обдумывая прожитое и пережитое, на главном.

Море я полюбил за то, что оно освежало живущее в душе каждого человека чувство истории, давало ощущение связи времен. Стоя на берегу коктебельской бухты, я верил, что оттуда морским путем можно попасть и в современную Грецию, и в Грецию времен Гомера. Только в первом случае нужно садиться на современный теплоход, а во втором – плыть под парусами и на веслах.

Увлечение собиранием обкатанных морем камней рождается, вероятно, из стремления приобщиться к непрерывному ходу времени, ощутить в своих ладонях его работу, увидеть своими глазами его наслоения. Такое занятие, кроме всего прочего, привлекательно еще и тем, что оно позволяет одновременно и обдумывать свою собственную жизнь, и совершать далекие путешествия во времени и пространстве. Александр Георгиевич Габричевский рассказывал мне как-то, что Андрей Белый даже искал в рисунках на морской гальке подтверждения своей философии времени. Конечно, чудачества Андрея Белого вызывали у моих друзей улыбку, но сами мы видели в узорах на камнях, что подсказывала нам наша фантазия.

Настоящие «каменшики» знали, где какие камни нужно искать. В самой коктебельской бухте редко кто находил что-нибудь, кроме более или менее приличных фернанпиков. В Енишары ходили за «египтянами» – камнями, похожими по расцветке на египетские рисунки; в Лягушачью бухту – за фарфоровыми, покрытыми мелкими пузырьками – «лягушками». За настоящими сердоликами и агатами, а также за «полинезийцами» нужно было идти в более отдаленные бухты. Отправлялись туда обычно после хорошего прибоя, чтобы на берегу были перевернуты все камни. Собирались рано утром, чуть свет, и шли пешком через горный перевал до нижних Отуз, а потом оттуда вдоль берега до Лисьей и Козьей бухты. И сколько я ни вспоминаю таких походов первых послевоенных лет, я не могу припомнить случая, когда бы мы не находили в одной их бухт пришедшего туда раньше нас Николая Николаевича Ляшко. Он жил в поселке и всегда опережал нас, успевал собрать все, что выкатывало за ночь на кромку прибоя море.

Мариэтта Сергеевна Шагинян сразу набрасывалась на него, ругала его бессовестным, а он только посмеивался и выкладывал на ладонь матовые, просвечивающие розовым камнями.

– А я не верю, что все это ты нашел сегодня, – взрывалась Шагинян. – Ты старый обманщик и лучшие камни принес из дому, чтобы было чем похвастаться. Ведь знал небось, что встретишь меня.

– Брось, брось, – спрятав камни, ласково похлопывал ее по плечу Ляшко. – Если бы ты не верила, так незачем было бы так кипятиться. Да ты не сердись. Твоих камней море мне не отдает.

Ляшко прятал свою увлеченность камнями за шутки-прибаутки. Шагинян к собиранию камней относилась с той же серьезностью и с той же увлеченностью, с какой бралась за любое дело.

Мы подшучивали между собой над ее причудами, но глубоко уважали за верность себе, своему характеру, дивились ее нескудеющей энергии, которой хватало у нее на все, что попадало в поле ее зрения. Глядя на нее, казалось, что ей вовек не будет сносу.

В дальних походах эта уже и тогда пожилая женщина могла по выносливости заткнуть за пояс едва ли не каждого из нас. По крутым горным тропинкам она шла впереди всех и очень обижалась, если кто-нибудь опережал ее, особенно когда приближались к цели похода.

Презирая всяческое верхоглядство и чистоплюйство, Мариэтта Сергеевна искала камни не только на берегу моря, но и в кучах гальки, привезенной для посыпания дорожек в аллеях Дома творчества. Не раз видели ее ползущей и по самим дорожкам. И когда кто-нибудь проходил мимо – она даже не поднимала головы.

По заведенному давно, еще при Волошине, порядку, все дневные находки камешков показывались и оценивались за обеденным столом. Самым строгим, а иногда и привередливым оценщиком была все та же Мариэтта Сергеевна Шагинян. Однажды моя жена нашла камень удивительной расцветки, с рисунком, напоминающим какую-то фантастическую пляску мышей в подводном царстве. На радостях она тут же показала его Мариэтте Сергеевне. Та даже вспыхнула.

– Это подделка. Такого рисунка море нанести не могло. Его сделали Кукрыниксы, чтобы посмеяться надо мной. Как вам не стыдно участвовать в такой нехорошей игре.

Чтобы доказать свою непричастность к шуткам Кукрыниксов, иногда действительно подбрасывающих наиболее одержимым искателям разрисованные камни, жена протерла свой фернанпикс одеколоном, смазала вазелином, но взвинченная обидным подозрением Шагинян уже не могла оценить его по достоинству.

– Все равно камень безрадостный. Декадентский рисунок и декадентская расцветка, – нетерпящим никаких возражений тоном заявила она. – Я бы ни за что на свете не взяла его в свою коллекцию. Такие камни приносят несчастье.

Жена была, конечно, очень огорчена, но камень все-таки не выбросила. Другие камешки ничего декадентского в нем не увидели. И никаких несчастий нам он не принес, если не считать того обстоятельства, что моя лирика время от времени попадала под обстрел. Но ведь тогда были обстреляны многие, кто не хотел и не мог сводить поэзию к простому отображению.

Мы вернулись с фронта с глубоким убеждением, что завоевали право говорить полным голосом обо всех своих раздумьях и тревогах. Я в те дни написал стихотворение «Надпись на книге». В нем были такие строки:

От слов, заученных и пресных,
От чувств, что плоти лишены,
Мой современник, мой ровесник,
Мы отвратились в дни войны.

...

И недоступные гордыне,
И неподкупные во всем,
Ни клятв, ни громких слов отныне
Мы все не произнесем.

Мы хорошо знали, что наши сверстники побеждали на войне не только силой оружия, а и силой духа, убежденности, что с войны они пришли не только возмужавшие, но

и нравственно выросшие, накопившие большой душевный опыт, преодолевшие все, что внутренне сковывало их и мешало расправить крылья. Я не раз возвращался к этой теме в стихах первых послевоенных лет. Обращаясь одновременно и к своему сверстнику и к самому себе, я спрашивал в стихотворении «Снова нам весна глядит в глаза»:

Сколько раз наш путь в густом дыму
Озаряли беглые зарницы,
И не время ль расцвести всему,
Что на дне души у нас хранится?

Этого вопроса, который стоял перед каждым, кто обращался к человеческой душе, не мог заглушить никакой шум, поднимавшийся время от времени в литературе. Ответа на этот вопрос я искал не только тогда, когда передо мной лежал чистый лист бумаги, но и тогда, когда меня манил усыпанный разноцветной галькой берег. Со своими друзьями я встречался в Коктебеле в разные времена. Видел, как они расправляли плечи, как приходили в себя после всевозможных травм и контузий, полученных и на войне и после войны. Вместе с ними я старался подняться над собой, во всяком случае – над своими ежедневными заботами, стать хоть немножко лучше, чище.

Многие писатели приезжали в Коктебель сразу после поездок на новостройки, в колхозы и совхозы. Я хорошо помню шуточные стихотворные отчеты о вторжении в жизнь никогда не унывающего Михаила Дудина с его неизменным присловием «пройдет и это». Помню тревожные раздумья вслух тогда еще молодого, непоседливого Александра Яшина, который, чтобы сделаться своим человеком на любом полевом стану в целинных степях, научился сам водить трактор. Помню умные и всегда очень трезвые, научно аргументированные выкладки Сергея Залыгина, знавшего историю освоения целинных земель с дореволюционных времен.

Все это нужно было обдумать, взвесить, сопоставить, а газеты и журналы предпочитали по каждому поводу печатать одические отклики в стихах и прозе.

И мы отводили души в откровенных разговорах, отправляясь за камнями в какую-нибудь бухту.

О камнях в Коктебеле ходили рассказы прямо-таки легендарного характера. Мне особенно запомнился рассказ об одном из служащих первооткрывателя Коктебеля, известного ученого-окулиста Эдуарда Андреевича Юнга. Говорили, что этот человек, обладавший острым глазом и хорошим вкусом, собрал замечательную коллекцию, в которой были камни неописуемой красоты. Знатоки, писатели и художники, утверждали, что коллекция не имеет цены. Наивный хозяин принял их восторженные слова за чистую монету и решил, что может разбогатеть, продав свои сокровища самому самодержцу всероссийскому, императору Николаю Второму. С этой целью он отправился в Ливадию, где была царская дача. Каким-то образом через придворных ему удалось показать свою коллекцию Николаю. Царь заинтересовался ею и спросил – сколько владелец хочет за нее.

– Миллион, – ответили ему.

– Скажите этому чудаку, что он сошел с ума, – засмеялся царь.

Придворные в точности передали царские слова владельцу коллекции, и тот был до того потрясен гибелью своей, казалось бы уже совсем близкой к осуществлению надежды, что и в самом деле сошел с ума.

Умер этот несчастный человек уже после революции и перед смертью, чтобы никто не мог воспользоваться его коллекцией, выбросил ее в большом кожаном мешке в глубину моря. С тех пор, если кто-нибудь находил по-настоящему хороший камень, говорили: «Это из большого кожаного мешка», что считается у каменщиков высшей похвалой. Я не знаю, что здесь имеет реальные основания, что вымышлено. Я всегда воспринимал этот рассказ как притчу о том, насколько губительно связывать поиски прекрасного с каким-либо материальным, корыстным интересом.

За многие месяцы, проведенные среди каменщиков на коктейльском берегу я убедился, что каждый из них находит только определенные, то есть свои камни, как живописец свои краски, литератор – свои слова. Случайные находки, конечно, бывают, но они в счет не идут. По одной находке в любой области нельзя угадать характер нашедшего, но по нескольким можно его определить с большой степенью вероятности.

Такие увлечения, как собирание камней, отвечают врожденной потребности человека в чистой красоте, созданной самой природой, так сказать, красоте нерукотворной. Она нужна людям, как чистый воздух, как озон. Без нее немислимо творчество.

Однажды, рассматривая в коллекции Натальи Алексеевны Габричевской большой густо-вишневого цвета сердолик, кто-то спросил,

– Почему вы не вставите его в перстень?

– Камни в оправе умирают, – ответила та.

Среди завятых коктейльских каменщиков я всегда оставался дилетантом. Мне, как это случается с дилетантами и в других областях, нередко везло на такие находки, которые удивляли настоящих знатоков. Но в своих поисках я никогда не заходил за ту черту, когда увлечение превращается во все пожирающую страсть, начинается одержимость, делающая человека каторжником своих собственных иллюзий.

Я не раз огорчал жену и удивлял друзей, когда, найдя два-три хороших камня, прекращал поиски, сказав, что не хочу испытывать судьбу.

По просьбе Ивана Никаноровича Розанова я написал такие, посвященные друзьям-коккебельцам, строки:

Да, страсть кладоискательства жива
У черноморской древней колыбели.
О, если б так искали мы слова,
Как камешки мы ищем в Коктебеле.

Самым лучшим знатоком камней в Коктебеле издавна считался известный ленинградский горьковед профессор Василий Алексеевич Десницкий. Я несколько раз встречался с ним в последние годы его жизни. Он построил для семьи дачу в поселке, а сам предпочитал жить в Доме творчества. Один раз я жил рядом с ним в стоящем на отшибе домике, прозванным «Кораблем». И вот какой мне запомнился случай.

Философ и эстетик Асмус показал мне найденный им неподалеку от нашего мужского пляжа камень – фернанпикс в очень красивой рубашке. Придя к себе, я самыми восторженными словами рассказал о нем Десницкому.

– Ничего вы не понимаете в камнях, – буркнул Василий Алексеевич. – Я видел находку Асмуса. Самый ординарный халцедон.

И надо же было случиться так, что через несколько дней Асмус подарил этот камень Десницкому.

Василий Алексеевич, видимо забыв о недавнем разговоре, позвал меня и стал еще более восторженно, чем я, расхваливать подаренный ему камень. Причем уж он-то расхваливал с полным знанием дела. И я тогда же решил, что спорить с ним можно чем угодно, даже о Горьком, но только не о камнях. О камнях его можно только слушать. Он радовался, когда при нем хвалили работы его учеников, но не выносил, если одобряли найденные не им камни. Моя жена была в числе немногих смельчаков, отваживавшихся показывать Десницкому свои находки.

В последние годы Василий Алексеевич уже не ходил за камнями в дальние бухты. Посылал туда своих домочадцев, живших на даче в поселке, а сам бродил по коктебельскому берегу с длинной палкой в руке, – высокий, худой, загорелый, как бедуин.

Я подружился в Коктебеле с его учеником Сергеем Васильевичем Касторским, автором умных, талантливых работ о Горьком. Он был так влюблен в своего учителя, так благоговел перед ним, что не позволял себе даже увлечься собиранием камней, чтобы не раздражать его.

Последнее свое лето Десницкий провел в Коктебеле. Заболел там и, едва успев вернуться в Ленинград, – умер. Касторский не надолго пережил его.

Это был ученый с поэтическим видением мира. В годы нашего знакомства он увлеченно работал над книгой «Горький художник», которую мечтал видеть своим лучшим детищем и обещал мне прислать ее, как только она выйдет. Но получил ее я уже не от него, а от его жены Татьяны Евгеньевны.

«Прошу принять и эту осиротелую посмертную книгу Сергея Васильевича», – писала она.

Я поставил любовно изданный томик на свою золотую полку. Время от времени я наугад открываю его и читаю страницу за страницей с таким чувством, словно продолжаю прерванную на полуслове беседу с милым моему сердцу человеком, дружба которого была для меня одним из самых счастливых даров Коктебеля.

Вообще, неторопливые беседы с друзьями у кромки моря или под сенью скал были для меня едва ли не самым дорогим из всего, чем привлекал Коктебель.

Особенно любил я слушать рассказы таких старых коктебельцев, как Александр Георгиевич Габричевский, хорошо помнивший всех постоянных гостей Волошина от мастиго Брюсова до юной Цветаевой.

Человек большой и разносторонней культуры, тонко разбиравшийся во всех видах искусства, Александр Георгиевич умел несколькими словами охарактеризовать человека, нарисовать его точный, а иногда беспощадный портрет.

Я до сих пор помню, как на расспросы об одном из корифеев русского декаданса он ответил мне:

– Андрей Белый сказал о нем так: «Бывает, что у людей проваливаются носы. У него провалилась душа».

Пока восстанавливались разрушенные войной здания Дома творчества, я успел пожить во всех комнатах волошинского поэтического гнезда. Мне было известно, в какой из них Гумилев писал своих знаменитых «Капитанов», где сложились строфы стихотворения Мандельштама «Бессонница, Гомер, тугие паруса». Впрочем, если бы мне даже никто не сказал, где было написано это мандельштамовское стихотворение, я безошибочно угадал бы и сам по его последней строфе:

И море, и Гомер – все движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море Черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью.

Эти строчки могли быть написаны только в одной комнате, названной «Фонарем» и выходящей прямо к морю. Просыпаясь в ней среди ночи, я всегда слышал тяжкий грохот волн, обрушивавшихся у моего изголовья. Я не мог отделаться от ощущения, что они вот-вот унесут мою кровать, как утлую лодку. Вообще из друзей и частых гостей Волошина Мандельштам, пожалуй, лучше всех чувствовал Коктебель. Сколько раз, сидя на берегу, я скандировал под плеск волны его стихи, напоминающие по ритму подсказанный древним грекам самим морем гекзаметр:

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
Здесь в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем – и через плечо поглядела.
...
Ну, а в комнате белой, как прялка, стоит тишина,
Пахнет уксусом, краской и свежим вином из подвала.
Помнишь, в греческом доме: любимая всеми жена –
Не Елена – другая – как долго она вышивала?

Поэт Семен Липкин, приобщившийся к Коктебелю еще при Волошине, рассказывал мне, как рассердился на него Мандельштам, когда он указал ему на неточность в этом стихотворении. Как известно из Одиссеи «любимая всеми жена» Пенелопа не вышивала, а ткала.

Мандельштам накричал на совсем юного тогда Липкина, сказал, что он ничего не понимает в законах искусства и напрасно со своими гимназическими познаниями лезет, куда его не просят. Однако, задетый за живое, попробовал переделать противоречащие Гомеру строчки, но ничего у него не вышло. Так и остались они, не приведенные в соответствие с Одиссеей. Но это никого не трогает. Мало ли чем кроме тканья могла заниматься Пенелопа! В связи с этим мне вспомнилась одна описка у Есенина, на которую указал Бунин. Я чуть ли не с первого чтения запомнил наизусть строки:

Синий май. Заревая теплынь.
Не прозвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь,
Спит черемуха в белой накидке.

Я вырос в деревне и хорошо знаю, что, когда цветет черемуха, полынь не пахнет. Липкий запах у нее появляется гораздо позже. Но на ошибку поэта я обратил внимание только после того, как прочитал где-то язвительное замечание Бунина. Видно, очарование подлинной поэзии таково, что перед ней отступают все календари.

С каждым годом природа Коктебеля становилась мне все ближе, все понятнее, все милее сердцу. Я провел немало неповторимо счастливых минут, слушая в сгущающихся сумерках плеск моря у ног и отдаленный треск цикад, наблюдая выход, не восход, а именно торжественный выход из-за мыса Хамелеон огненно-яркой луны, от которой загорались фосфорическим блеском гребешки волн насколько хватало глаз.

Свое название Хамелеон получил оттого, что днем он поминутно меняет оттенки в непрерывной игре теней и света.

Ранней осенью, когда леса начинают пестреть, предгорья Карадага кажутся устланными разноцветными коврами. В эту пору особенно хорошо бродить по горным тропинкам. Дни стоят ясные, но уже не такие жаркие, как в августе. В воздухе к горькому настою полыни примешивается, смягчая его, настой чабреца. Трудно пройти мимо усыпанного крупными, рдяными ягодами кизилового куста. Приближаясь к нему, я уже чувствую терпкий привкус на губах.

Скоро надо собираться домой, на Смоленщину, и я боюсь потерять хоть один день благословенной коктебельской тишины и синевы. Я знаю, что, возвратившись в родные места, еще острее почувствую прелесть среднерусской природы и сразу же возьмусь за работу. Свою многолетнюю привязанность к Коктебелю я так и объясняю друзьям. Поездки туда мне нужны, чтобы не примелькались краски знакомого с детства пейзажа.

Написать что-нибудь о Коктебеле я долго не решался. Боялся, что невольно попаду под влияние Волошина или Мандельштама. Только в середине пятидесятых годов у меня сложился цикл стихотворений, где Крым перекликался со средней полосой России, с моей Смоленщиной.

Люблю дни ранней осени в Крыму,
Прозрачные, как гроздь винограда,
Вдоль синей бухты белую кайму
И над заливом в тающем дыму
Столбы и арки каменного сада.

Люблю в дни ранней осени в Крыму,
Устав бродить по кручам до упада,
Прислушаться, как верещит цикада,
И вспомнить, неизвестно почему,
В смоленских рощах шелест листопада.

Речушку, тропку к рыжему холму,
Где бегал ты когда-то без пригляда...
С гор все видней, и, может, потому
Люблю я осень раннюю в Крыму,
Прозрачную, как гроздья винограда.

Прежде чем написать цикл «Из коктебельской тетради», я исходил пешком все ближние и дальние окрестности Коктебеля, не думая, что мне когда-нибудь это может пригодиться, войдет в стихи. Я просто считал своим долгом в каждый свой приезд побывать в Старом Крыму, чтобы навестить могилу Александра Грина, в Судаке (древнем Суроже), чтобы побродить среди развалин старинной Генуэзской крепости, полюбоваться ее величественными башнями, в Отузах, названных после войны Щебетовкой, где так хорошо молодое виноградное вино...

И все-таки стихи получились не столько о крымской природе, сколько о тех раздумьях, которые везде сопровождали меня тогда на берегу Евксинского Понта. В них прежде всего прорвалось чувство раскованности, душевного обновления, овладевшее мной, как и многими моими сверстниками в середине пятидесятых годов.

После шторма море пахнет йодом,
Берег в голубых цветах медуз.
Дышишь так, как будто мимоходом
Сбросил с плеч давно томивший груз.

Будто, разбиваясь в яркой сшибке,
Растекаясь пеной по песку,
Смыли волны все твои ошибки,
Растворили всю твою тоску.

Чуть подернут тонкой поволокой,
Пред тобой лежит простор большой.
И опять готов ты в путь далекий
С чистым сердцем, с легкою душой!

Почти весь цикл был вскоре напечатан в «Новом мире». Через несколько лет на коктебельском пляже писатель Николай Почивалин рассказывал мне о своем первом посещении могилы Волошина, и о том, как его растрогали написанные кем-то на камне волошинские строки:

Есть что-то от древней Элады
В тебе, коктебельская синь.

Я должен был огорчить рассказчика, сообщить ему, что это строки не Волошина, а мои.

– А я их, именно как волошинские, вставил в свой очерк, только что отправленный в «Известия», – смущенно признался тот.

– Придется бежать на почту, давать телеграмму, чтобы исправили Волошина на Рыленкова.

Мне было, конечно, очень приятно, что кто-то, отправляясь на могилу поэта, вспомнил и написал на камне мои строки. Немножко огорчало только то, что они приписывались другому автору, но я объяснил это для себя полным незнакомством писателя-прозаика с творчеством Волошина.

Приезжего народу в Коктебеле с каждым годом становилось все больше и больше. В Доме творчества Литфонд восстановил все разрушенные во время войны здания и начал строительство новых корпусов и коттеджей. При въезде в поселок, по соседству с домом отдыха «Голубой залив», открылся пансионат. На самом берегу моря появились всевозможные ларьки и киоски. В поселке вместо замызганных забегаловок, ютившихся в полутемных закутках, открылись стеклянные кафе. Местные жители научились сдавать приезжающим без путевок дачникам любые клетушки, но и этих клетушек оказывалось мало.

Местные власти отвели рядом с пансионатом место для тех, кто жил в машинах и палатках. В коктебельской бухте исчезла благословенная тишина. Коктебель сделался если не модным, то, во всяком случае, притягательным местом для туристов, особенно, для студенческой молодежи. Однажды, приехав туда и отправившись на могилу Волошина, я нашел уже не чуть заметную тропинку к ней, теряющуюся среди колючих трав, а настоящую тропу с выложенными из камней указателями на поворотах. Невозможно было поверить, что все это сделано поклонниками творчества Волошина. Я был убежден, что лишь немногие из приходящих сюда знали его стихи, тем более что после сборника «Иверни», вышедшего в 1918 году, книги его не издавались, а в списках стихи не могли разойтись так широко, да еще и в такой необыкновенно короткий срок. Оставалось предположить, что интерес к поэту вызвало не его творчество, а легенды о нем самом, распространенные в околосредовой среде. Встреча со студенческой молодежью на могиле поэта подтвердила такое предположение. Мне не раз приходилось слышать, как бородатые юноши восторженно рассказывали своим спутницам о причудах коктебельского отшельника, ходившего с пастушеской палкой и носившего на теле только длинную холщовую рубаху, напоминавшую греческий хитон, да сандалии на ногах. Очень немногие из них могли бы прочесть наизусть хотя бы несколько его строк, но зато многие знали, что еще до революции он устроил у себя не то своеобразную обитель, не то коммуны, не то странноприимный дом, где ни с кого не взыскивалось никакой платы за кров и стол. Каждый опускал в прибитую у входа кружку сколько мог. Съезжалась в Волошину главным образом молодежь, не мирившаяся с обывательской рутинной, и его гости в пику благовоспитанным мещанским дачникам называли себя обормотами.

Для одних из приходивших на могилу Волошина было вполне достаточно этих легенд о нем, другие же неминуемо должны были заинтересоваться его творчеством. Так оно и случилось. Из сотен людей, ежедневно поднимавшихся к могиле поэта, несколько человек обязательно приходили потом в его дом. А Марья Степановна никогда не отказывалась принимать гостей поэта и всегда охотно разрешала всем желающим переписывать его стихи, как изданные, так и неизданные. В последние годы, когда бы я ни заходил к ней, видел в мастерской незнакомых парней, склонившихся над любовно переплетен-

ными томами, напечатанного на машинке собрания сочинений поэта. И мне самому захотелось перечитать всего Волошина.

Подряд и в больших дозах трудно читать стихи даже очень больших поэтов. Такое чтение может не только утомить, но и отвратить от стихотворца. Я хорошо знал это и решил читать не торопясь.

Четырехтомное собрание сочинений Волошина я одолел в несколько приемов. А одолев, увидел, с каким трудом и с каким упорством Волошин, отдавший в молодости немалую дань всем соблазнам эстетизма, как доморощенного, так и зарубежного, прорывался к своему народу, к его истории, всегда и везде помогавшей художнику понять не умом, а сердцем, всем существом современность. В своей работе о Василии Ивановиче Сурикове, которую киевский журнал «Радуга», напечатавший ее через много лет после смерти автора, назвал повестью, так как в ней именно средствами искусства создан портрет великого мастера исторической живописи, Волошин писал: «... Ни исторические эпохи, ни исторические характеры никогда не угасают бесследно в жизни народов. В современности всегда присутствует все, из чего народ слагался исторически. Подводные течения истории только на время выносят на поверхность, на яркий свет известные элементы народного духа и характера, оставляя другие в тени, в глубине. Но творческие вихри всех эпох присутствуют всегда в жизни народной».

В молодости история привлекала Волошина экзотикой античного мира. В его ранних стихах немало исторических реминисценций, но живого чувства истории в них нет. Они светят отраженным светом. Их блеск слепит глаза, но не греет.

Эпоха войн и революций заставила поэта обратиться к русской истории и прочесть ее как книгу судеб родного народа. Так появились стихи о Дмитрие Самозванце, протопе Аввакуме, Стеньке Разине. Первое из них я без всяких колебаний поставил бы по его пронзительной силе в один ряд с лучшими историческими баладами Алексея Константиновича Толстого:

Голод был, какого не видали:
Хлеб пекли из кала и мезги,
Землю ели. Бабы продавали
С человечесьим мясом пироги.
Проклиная царство Годунова,
В городах без хлеба и без крова
Мерли у набитых закромов.
И разъялась земная утроба,
И на зов стнящих голосов
Вышел я – замученный – из гроба.
По Руси что ветер засвистал,
Освещал свой путь двойной луною,
Пасолнца на небе засвечал,
Шестернею в полночь над Москвою
Мчал, бичом по маковкам хлестал,
Вихрь-витной гулял и в ратном поле,
На московском венчаный престоле
Древним Мономоховым венцом.

Я не побоюсь сказать, что это стихотворение оказало немаловажное влияние на первые опыты советских поэтов в жанре исторической баллады. С его ритмикой и строфикой перекликаются и «Санкюлот» Павла Антокольского, и некоторые стихи Сергея Маркова.

Я сам отдал немалую дань истории, но пришел к ней иными путями и до того, как открыл для себя Волошина, исходил немало полей, отмеченных русской судьбой.

Для меня история никогда не была экзотикой. Запах родной старины я ощущал с детства в воздухе крестьянской избы, где по вечерам дымила лучина, трещал сверчок и где все вещи ежедневного обихода были точно такими же, как и при дедах моих дедов. Голоса своих предков я слышал в заклинаниях и наговорах знахарей, в причитаниях и заплачках баб, в тех песнях, которыми молодежь на околице деревни провожала зиму и закликала весну, встречала лето и славилась осень. Из глубины веков донесли до меня свою поэзию обряды красной горки и зеленых святок (русальной недели), завивания венков на Троицын день и разжигания костров в купальную ночь. Все это в годы моего детства было не пережитком далекого прошлого, а реальным бытом породившей меня среды.

Поэтому, в какую бы глубокую старину ни вводили меня потом книги по русской истории, я чувствовал себя там как дома.

Социальный кризис Смутного времени в начале семнадцатого века меня интересовал давно, еще со студенческих лет. Уже тогда я перечитал все опубликованные у нас отечественные памятники той эпохи, а также сказания иностранцев, волей судеб оказавшихся тогда в Московии. Простудировал посвященные ее событиям тома Соловьева и Ключевского, монографии Костомарова и Забелина. И у меня сложилось твердое убеждение, что в ту пору великой шаткости, когда большие бояре ради своих корыстных интересов готовы были служить любому удачливому авантюристу, простые люди оказались намного выше тех, кто считал себя солью земли. Заботу о будущем России, о судьбах государства взял на себя сам народ. Смутное время показало, на что способен он, когда надо спасать родину.

В конце тридцатых годов я написал об этом поэму «Скоморох Овсей Колобок», балладу «Свадьба Марии Мнишек» и стихотворение «В дни смуты».

Как-то вскоре после войны я читал свои стихи у Марьи Степановны, в мастерской Волошина. Читал главным образом написанное на фронте. И вдруг кто-то из коктебельских друзей попросил прочесть «Свадьбу Марины Мнишек». Я поначалу немножко смутился, мне показалось, что читать в этих стенах стихи на ту же тему, что и у Волошина, не совсем удобно. Но Марья Степановна, заметив мои колебания, начала горячо уговаривать меня исполнить эту просьбу:

– Макс, была бы очень по душе такая перекличка, – говорила она.

Мне ничего не оставалось делать, и я, то и дело оглядываясь на портрет Волошина, начал свою балладу:

Патриарх возложил корону, обряд совершил старинный,
Все потайные желанья исполнились наконец.
Панна Марина Мнишек стала царицей Мариной,
И Кремль перед ней раскрылся, как дорогой ларец.

Палаты царей московских дымком золотым повиты,
А колоколен в небе – что в озере лебедей.
Кланяются Марине знатные москвиты:
Всходи на ступеньки трона и всюю землей владей.

Однако моя баллада была посвящена не торжеству Марины Мнишек, а подвигу московского дьяка Тимофея Осипова.

Он был удостоен чести поздравить ее царицей,
Первым из москвитов на верность ей присягнуть.
И, словно сойдя с иконы, строгий и темнолицый,
Отвесил поклон, как будто в дальний собрался путь.
– Внемлите, московские люди, речи моей нехитрой,
Сидящего перед вами царя разглядите в упор.
Ты занял чужое место, какой ты царевич Димитрий?
Ты окаянный Гришка, проклятый свистун и вор.

После вечера ко мне зашел мой приятель украинский критик и сказал, что пафос прочитанной мной баллады направлен прямо против самого существа стихотворения Волошина о Лжедмитрии. Тут же он спросил, сознательно ли я шел на полемику или так получилось само по себе. Я ответил, что о полемике вовсе не думал, но Волошин писал о смуте, а я о преодолении смуты, и в этом вся разница. Потом я прочитал ему стихотворение, которое считал итогом своих размышлений над эпохой. Вот это стихотворение:

Москва в развалинах. Не ладят свадеб свахи,
Чадят костры чужие у ворот,
А старые бояре жмутся в страхе
И лижут пятки вражьих воевод.
Но Русь жива. Ей голову на плахе
Не отрубить. Она во дни невзгод,
Босая и в изодранной рубахе,
Глядит вперед и счет обид ведет.

Ей снится зорь широкое свеченье,
Рассветной песни животворный звук.
Все говорит, что близок час отмщенья,
Великий гнев рождается из мук,
И земское скликает ополченье
Судья посадский – Минин-Сухорук.

– Свадьба Марины Мнишек мне нравится больше, – сказал мой приятель, выслушав стихотворенье, и, помолчав, добавил: – Зато здесь я чувствую сознательную полемику с волошинской точкой зрения.

– А мне, представьте, искренне нравятся его стихи о Лжедмитрии, – ответил я. – В них очень ярко и очень правдиво запечатлелась сама стихия смуты. Нашей русской смуты. Ее очень нелегко было преодолеть, и потому забывать о ней мы не имеем права, как об одном из самых суровых уроков русской истории.

Я знал своего приятеля человеком широких вкусов, но его раздражали скороспелые эстеты, которые раздували Волошина выше всяких мер. Он называл их «юродствующими во Максиньке» и свою неприязнь к ним переносил на Волошина. И тут он был явно несправедлив.

Волошин занял свое место в русской поэзии переломной поры двадцатого века, но эпохальным поэтом он не стал. Помешала ему стать им его замкнутость в кругу чисто интеллигентских проблем как эстетического, так и этического порядка. Вырваться из этого круга он не смог до конца своих дней. Это, безусловно, ограничивало его возможности даже там, где он обращался к родной истории, к ее наиболее напряженным моментам. В его творчестве все время давало о себе знать книжное представление о народе. Ему не хватало непосредственности в восприятии окружающего мира. У Волошина почти нет стихов, порожденных первоначальными радостями и горестями бытия. При всей живописности его пейзажной лирики в ней всегда чувствуется холодок рассудочности.

На это указывали Волошину близкие ему мастера сразу же после выхода его первой книги, выпущенной книгоиздательством «Гриф» в 1910 году. Валерий Брюсов в одном из обзоров поэзии писал: «Стихи М. Волошина не столько признания души, сколько создания искусства; это – литература, но хорошая литература. У М. Волошина нет непосредственности Верлена или Бальмонта; он не затем слагает свои строфы, чтобы выразить то или иное пережитое им чувство, но его переживания дают ему материал, чтобы сделать в стихах тот или иной опыт художника». Еще более определенно подчеркивая отрешенность поэзии Волошина от живой жизни, Вячеслав Иванов уже тогда задумывался о его дальнейшей судьбе. Вот несколько заключительных строк из рецензии, появившейся в апрельском номере журнала «Аполлон» за 1910 год.

«Это богатая и скупая книга замкнутых стихов – образ замкнутой души. Она учит поглощать мир, а не раскрывать свою душу. Поэт «Киммерийских сумерек» должен научиться быть щедрым, чтобы петь как поет птица. Он найдет самого себя только тогда, когда «Аполлон» его строя, преодолев жало Пифона свободным подвигом самоотдачи и самоотречения, братски встретится с Дионисом жизни».

За мифологической терминологией крупнейшего знатока античной культуры и своеобразного поэта Вячеслава Иванова нельзя не расслышать очень понятного и очень святого для нас зова. Ведь недаром же спустя почти полвека один из тончайших лириков нашего времени Борис Пастернак сказал: «Цель творчества – самоотдача».

Свободный подвиг самоотдачи!..

У Волошина на такой подвиг не хватило ни сил, ни человеческого таланта – таланта гражданственности. Да и смысл художнического подвига он видел в другом, в умении противостоять грозам века и оставаться под ними самим собой.

Во всем этом я отдавал себе полный отчет. И все-таки за всем этим я не мог не слышать в его стихах биения чуткого сердца художника, глубоко озабоченного судьбами родины, стремящегося искренне, честно и мужественно разобраться во всех ее путях и перепутьях.

Знаменателен был уже сам путь Волошина, как художника и мастера, путь от декадентских вычуров к некрасовской простоте. Самую доброжелательную и, пожалуй, объективную оценку творчества Волошина после революции дал человек, которого никак нельзя назвать одного с ним поля ягодой. Наоборот, этот человек во многом придерживался совершенно противоположных Волошину взглядов, не одобрял ни его декадентских дореволюционных чудачеств, ни попыток встать над схваткой во время бурь гражданской войны. Я имею в виду коктейбельского соседа Волошина Викентия Викентьевича Вересаева. В своих воспоминаниях о Коктебеле и Волошине он писал: «Революция ударила по его творчеству, как огниво по кремнию, и из него посыпались яркие, великолепные искры. Как будто совсем другой поэт явился, мужественный, сильный, с простым и мудрым словом, но и тут постоянно его сосало желание оригинальничать».

А что касается общественной позиции Волошина, то еще больше, чем Вересаева, она не устраивала Бунина. Если певец демократической, связанной с революционными традициями интеллигенции только иронизировал над его склонностью к парадоксам и над иллюзиями аполитичности, отдавая должное его личному мужеству, то более близкий ему в прошлом Бунин увидел в этой аполитичности предательство. Да это и немудрено. Когда Бунин, решительно не принимавший революции, уехал в эмиграцию, Волошин предпочел остаться с Россией. В самые трудные дни он писал, обращаясь к ней:

Умирать – так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

Вскоре после смерти Бунина, когда начали выходить у нас его книги и встал вопрос об издании собрания сочинений, мне случайно попали в руки его воспоминания и заметки о русских писателях. Там я нашел несколько страниц, посвященных Волошину. Страниц обидно несправедливых.

Я полюбил Бунина чуть ли не с детства и всегда считал его одним из самых больших русских писателей. Поэтому мне особенно горько было видеть, как ослепленный неприязнью к революции ювелир слова теряет чувство меры, становится брюзгой, несправедливым даже к близким людям, из тех, что не пожелали покинуть родину.

Волошину он ставит в строку буквально всякое лыко – его неистребимое добродушие, его завидный аппетит в гостях...

И я не мог удержаться, чтобы не спросить у Марьи Степановны – известны ли ей воспоминания Бунина о Волошине. Я знал, что мой вопрос не мог обескуражить ее в любом случае, так как ей приходилось читать о боготворимом ею Максе всякое, а мне очень хотелось узнать, если отзыв Бунина дошел до нее, не было ли у Бунина каких-нибудь особых причин для раздражения. Марье Степановне, видимо, уже не раз приходилось отвечать на подобные вопросы. Она изложила свои возражения Бунину в форме письма ему на тот свет и это письмо прочла мне. Написанное с трогательной наивностью, оно мне ничего не объяснило, но глубоко взволновало своим благородством. С чисто женским тактом Марья Степановна обходила в нем все, что могло бы бросить тень на память Бунина, но все время возвращалась к тому, как хорошо относился к нему Волошин и как бы огорчили его несдержанные слова милого Ванечки... И огорчился бы он не за себя, а за него, за Ванечку, сбитого с толку какими-то эмигрантскими сплетнями...

Дочитав до конца, Марья Степановна сказала, что, собственно говоря, это еще только черновик письма, но что отделывать его она не спешит, так как теперь уже торопиться некуда, и она до конца своих дней будет продолжать обдумывать это последнее письмо в защиту Волошина. А Бунин адреса уже не переменит и ответа может подождать. Для отошедшего в вечность год другой не имеет никакого значения...

От Марьи Степановны я ушел под впечатлением ее письма, но ключа к воспоминаниям Бунина о Волошине у меня по-прежнему не было. Его я нашел потом, когда в мои руки попало стихотворение «Бегство», датированное 1919 годом и посвященное матросам М., В., Б.

В примечании к нему я прочитал: «Стихотворение посвящено матросам Врулевскому, Малишевскому и Борисову, партийным работникам и спутникам Волошина в плавании. Они везли из Одессы в Крым секретные бумаги и перед ними стояла трудная задача – проскользнуть сквозь линию французской блокады. В Ак-Мечети они были встречены пулеметным огнем отряда котовцев, громивших поместье Воронцова, и ответили на него столь виртуозной бранью, что пулемет сконфуженно замолчал. Котовцы приняли путников дружески, угостили и дали им лошадей (по воспоминаниям М.С. Волошиной)».

Вот этого-то путешествия из Одессы в Крым Бунин, уехавший оттуда в эмиграцию, и не мог простить Волошину, который не хотел покидать родину и слагал «Молитву о городе», где:

Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого-то
Перед зарей...

В этой молитве он признавался:

Блуждая по перекресткам,
Я жил и гас
В бездумье и в блеске жестком
Враждебных глаз.
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок и руку
Хотел закласть.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыт своей любовью,
Кольцом молитв.

Стремясь разобраться для себя в противоречиях жизненного и творческого пути Волошина, я снова и снова задавал себе вопрос: а что же все-таки привлекает к нему новые поколения читателей, чем он вызывает их интерес и останется что-нибудь от этого интереса, если снять со счета легенды, связанные с его именем, и многолетнее замал-

чивание его творчества критикой. После многих раздумий я, положив руку на сердце, могу ответить, что за всем этим в лучших стихах Волошина есть высокое понятие о человеческом достоинстве, которого он не уронил в дни самых суровых испытаний, щемящее чувство сыновней любви к родине и умение говорить с ней о самом главном, по его разумению, с большим мужеством и полной искренностью. Такие качества всегда высоко ценили в поэзии и умели находить их даже у второстепенных поэтов, легко отделяя зерно от мякины.

В наше время люди считают поиски забытого своим прямым гражданским долгом. Наши читатели сами отстояли для себя и для будущих поколений от всех посягательств вульгаризаторской критики творчество Сергея Есенина. Да и одного ли только Есенина. Разве не то же самое произошло с творчеством Александра Грина? В то время, когда неумные критики объявляли его космополитом, молодежь приносила цветы на его скромную могилу в Старом Крыму, где на каменной плите кто-то написал гвоздем: «Романтики всех стран, соединяйтесь».

Теперь Грин один из самых популярных русских писателей двадцатого века. Его книги выходят огромными тиражами, а купить их все-таки трудно. В Старом Крыму восстановлен его домик, и в нем открыт мемориальный музей, привлекающий всех, кто попадает в здешние места. А в Коктебеле был настоящий праздник, когда там снимался фильм по одному из самых поэтических произведений Грина – повести «Алые паруса», утверждающей осуществимость любой человеческой мечты, если в эту мечту вложена жажда чистого сердца! Об этом напоминает приезжим простиральная руки к алым парусам Ассоль, запечатленная в цветной керамической мозаике на стене одного из коктебельских кафе.

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать и второе рождение Максимилиана Волошина. Стремнина времени уже размыла в его творчестве все, что было порождено декадентскими модами тех лет, когда он входил в литературу. Но она не тронула его напряженных раздумий о трагических распутиях века.

У меня есть более дорогие, более близкие мне поэты, чем Волошин. Но бывают минуты, когда мне хочется открыть именно его книжку, прочесть именно его строки:

Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

Мне немножко грустно, что из коктебельской бухты ушла та благословенная тишина, которая привлекала туда многих моих друзей. Они приезжают в Коктебель все реже и реже. Одним запрещают врачи, других отпугивает шум разрастающегося с каждым годом пансионата. Да и в самом Доме творчества с его новыми корпусами стало гораздо меньше уюта, хотя много больше обычных городских удобств. Берег тоже оскудел камнями. На нем несколько лет орудовали экскаваторы и грузовые машины вывозили гальку на строительство шоссейных дорог. В Коктебеле исчезли благородные камни. Стали большой редкостью не только сердолики и агаты, но и обыкновенные халцедоны. Даже в пустынных Отузской и Козской бухтах, куда раньше мы ходили пешком через горный перевал и оттуда никто не возвращался с пустыми руками, стало почти невозможно застать нетронутый берег, поискать камней в тишине. Как только наладилось автобусное сообщение, туда хлынули толпы туристов из пансионата. Нескудеющие запасы цветных и самоцветных камней сохранила лишь сердоликовая бухта, но сохранила в виде обломков, необкатанных морем. В прежние времена эти обломки редко кто собирал. В камне ценилась не только фактура, чистота его благородной породы, но и совершенство формы, приданной ему работой морских волн и времени. Отдавать камни в обработку резчикам, шлифовальщикам и гранильщикам считалось предосудительным, так же как непозволительной считалась и покупка камней. Оскудение берега вынудило ввести в это неписанное правило поправку. Наиболее рьяные каменщики решили, что обрабатывать камни можно, но только своими руками. И все же так или иначе отшлифованные камни становятся похожими один на другой. В них пропадает то неповторимое, что создает сама природа. А более строгие, чем я, ревнители старых коктебельских традиций в один голос осудили такую обработку, как профанацию высокого искусства каменщиков, хотя и понимают, что в своем прежнем виде оно осуждено на вымирание. Обработанные в мастерской камни теперь уже можно купить в киосках на берегу коктебельского залива.

Повторяю, мне всегда становится немножко грустно, когда я думаю обо всем этом. И все таки, несмотря на это, Коктебель не утратил для меня своего обаяния, хотя бы потому, что там завязалась моя дружба со многими дорогими для меня людьми, наезжавшими туда со всех концов страны.

С некоторыми из них, живущими далеко от Москвы, я встречался только раз в году в Коктебеле. И каждая такая встреча была для меня большим праздником.

Я написал совсем немного страниц, под коими рядом с датой можно было бы поставить пометку «Коктебель», но очень многое из написанного мною обдумывалось там в неторопливых прогулках под шум прибоя.

Первозданная красота Киммерии, напоминающая то Элладу, то Палестину, никогда не закрывала от меня родной среднерусской природы.

Наоборот, ее застенчивую прелесть я всегда чувствовал еще острее, возвращаясь с берегов Евксинского Понта.

А что Коктебель на моих глазах изменился – так что ж тут поделать. Все в мире меняется, хотим мы того или не хотим. Да и мы меняемся тоже, только нам самим это незаметно. И вот еще о чем я думаю, стараясь разобраться в своем пристрастии к Коктебелю: чем быстрее становятся темпы жизни, чем больше неожиданных перемен приносит нам смена дней, тем важнее для художника хотя бы раз в году побывать в таком месте,

где преходящее соседствует с непреходящим. Да, в Коктебеле многое изменилось, но изменилось лишь на берегу. А синева моря светится как и прежде, а горы стоят на том же самом месте. И я готов без конца повторять про себя:

Пусть осень – свет немеркнувший
В горах сияет мне.
Я все вперед, все вверх еще
Стремлюсь по крутизне.

Всю жизнь, как тропка горная,
Судьба моя вилась.
На кручи лез упорно я,
Царапин не боюсь.

И не сманить при случае
Меня судьбе иной.
Хоть вижу те же кручи я,
Что видел и весной.

1967–1968
Смоленск – Малеевка

Ирина РЫЛЕНКОВА

СЛОВО О «СЛОВЕ»

О, сладостный смоленский наш Боян!
Я пред тобой главу склоняю долу.
Нашел ты ключ ко древнему глаголу
И дело дивное свершил для россиян:
Ты перевел поэзию с крюков на ноты,
Не повредив старинной позолоты!

С. Яковлев

Среди разнообразного и интереснейшего литературного наследия Николая Ивановича Рыленкова совершенно особое место занимает пересказ «Слова о полку Игореве». Так считал и сам поэт, и многие знатоки «Слова» и читатели.

Почему? Казалось бы – это не оригинальное произведение, а всего лишь стихотворный пересказ небольшого текста, написанного в далеком от нас XII веке на древнеславянском языке. Тем не менее, изучение его и споры по различным аспектам произведения не утихают более 200 лет – со времени нахождения рукописи любителем и собирателем древностей графом Мусиным-Пушкиным в конце XVIII века. Мусин-Пушкин приобрел среди других рукописей и сборник XVI века светского содержания в Спасо-Ярославском монастыре. В нем оказалось и «Слово», которое сразу привлекло к себе внимание.

Первые сообщения об открытии этой жемчужины были сделаны Херасковым в 1797 году в примечании к его поэме «Владимир» и Н.М. Карамзиным в журнале, издаваемом в Гамбурге французскими эмигрантами. А чуть позже, в 1800 году, владелец «Слова» в сотрудничестве с друзьями учеными-археографами А.Ф. Малиновским и Н.Н. Бантышом-Каменским осуществил печатное издание.

Культура XII века в это время была практически неизвестна. «Слово» – первый огонек, звезда во тьме средневековой Руси, или, по словам А.С. Пушкина, «Слово о полку Игореве» возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней литературы».

Как это практиковалось издавна на Руси (что было абсолютно правильно и необходимо) с рукописи было снято несколько копий, одна из которых предназначалась для императрицы Екатерины II. Дальновидность этого шага можно понять из дальнейшей судьбы «Слова», а она и трагична и чудесна одновременно.

Написанное в XII веке, оно разделило судьбу многих рукописных творений средневековой Руси, когда из-за княжеских междоусобиц, набегов кочевников, частых пожаров и наводнений, а, возможно, и небрежности при хранении были утеряны драгоценные рукописи и, к сожалению, навечно. Однако «Слово» не затерялось и, благодаря Мусину-Пушкину конец XVIII – начало XIX веков можно считать временем второго рождения его.

А потом случился знаменитый пожар 1812 года, уничтоживший в Москве не только деревянные строения, но и много уникальных документов и не пощадивший ни дом, ни собрание древностей Мусина-Пушкина с рукописью «Слова» (а там были и другие бесценные рукописи – как, например, Троицкая) и большинство экземпляров первого издания. И все же часть книг и рукописных списков сохранилась, что было счастьем, т.к. появилась возможность позднее сравнивать тексты екатерининской рукописи и первого печатного издания. Эти сравнения показывали, что и современники Мусина-Пушкина и он сам слабо знали особенности языка XII века и не понимали многое в тексте, добавляя свои ошибки к тем, что делали более ранние переписчики. Но, в то же время, будучи добросовестными, издатели предпочитали оставлять «темными» непонятные им места, а не произвольно по собственному усмотрению «просветлять» их.

Уровень развития русской филологии, истории, отсутствие палеографических знаний не позволили при вторичном «рождении» «Слова» раскрыть ни глубокий гуманизм и патриотизм, ни изумительный лиризм этого поистине уникального произведения. Слишком смутными были представления о жизни средневековой Руси. И в то же время многие понимали неординарность произведения. В «Слове» видели ценное свидетельство существования высокой и своеобразной поэтической культуры в XII веке.

Главным в нем было то, что безымянный создатель «Слова о полку Игореве» с необычайной прозорливостью сумел уловить и гениально воплотить еще только зарождавшийся в разгар феодальной раздробленности и междоусобиц удельных княжеств идею необходимости объединения их для борьбы с внешним врагом.

Даже сейчас, когда найдены ответы на многие вопросы и загадки, остается много тайн, привлекающих исследователей, почему «Слово» захватывает своим очарованием все новые поколения читателей уже более восьми столетий.

Над ним работают ученые, оно вдохновляет все новых и новых поэтов, появляются новые переводы «Слова» и произведения по мотивам его.

Рыленков назвал двадцатый век третьим рождением «Слова».

В предисловии к первому изданию своего пересказа Н.И. Рыленков писал: «Великие произведения искусства отличаются тем, что, перейдя за грани веков и даже тысячелетий, они сохраняют не только свою историческую ценность, но и художественное обаяние, продолжая эстетически воздействовать на сердца и души новых поколений. В каждую новую эпоху они как бы заново рождаются, оказывая непосредственное влияние на развитие вечно обновляющегося и потому вечно молодого искусства. ...

Это произведение даже как-то странно называть памятником древней русской словесности. Странно потому, что к памятникам мы обычно относимся с холодной почтительностью, а «Слово о полку Игореве» задевает и заставляет звучать все самые чуткие, самые живые струны нашего сердца».

Действительно, Рыленков даже не мог себе представить время, когда он был бы не знаком со «Словом». Оно было спутником его жизни, хотя не с младенчества, как, скажем, Пушкин, Кольцов или Никитин. Но уже в школьном возрасте из любимых его стихотворений был «Плач Ярославны» в переводе Ивана Козлова и остался им до конца жизни. Вот как он говорил в 1962 году после окончания работы над пересказом: «Если бы меня попросили назвать одно из самых мужественных произведений русской литературы, я ни на минуту не задумываясь, указал бы на «Слово о полку Игореве».

А если бы меня тут же попросили назвать один из самых женственных образов русской поэзии, я так же без всяких колебаний указал бы на Ярославну».

Глубокий и стойкий интерес к «Слову» пришел в студенческие годы, когда Рыленков смог прочесть подлинник. Хотя у меня (правда слишком поздно) постоянно мучит вопрос – каким образом он смог выучить старославянский язык и знать его настолько хорошо, что мог наизусть читать отрывки из «Моления Даниила Заточника» или «Слово о погибели русской земли». Выучил он его действительно самостоятельно.

Этим ершистый, неординарно мыслящий студент покорила профессора П.М. Соболева – знатока древнерусской литературы и фольклора, который не раз говорил ему – бросили бы вы свои пустяки (имелись в виду лирические стихи) и занялись бы настоящим делом. Перевод «Слова о полку Игореве» был бы настоящей школой.

Как ни лестно было такое предложение, огромная любовь к «Слову», высокое чувство ответственности и перед собой, и перед читателями не давали ему права заняться такой работой без внутренней готовности к ней. Но и забыть о нем он не мог: «Слово» приковало к себе Рыленкова на всю жизнь.

Кроме того, Рыленков не только отлично знал, как очень немногие, историю, но и обладал глубоким чувством ее, улавливал повторяемость причин событий ее. Живя в очень сложное время, он мог рассказывать о нем образами других эпох.

Рыленков на всю жизнь запомнил слова своего учителя истории Кутузова – «Не зная прошлого своего народа, нельзя понять его настоящего и заглянуть в будущее. Но мало знать только историю своего народа, нужно ясно представлять себе его место в истории всего человечества».

Смутные времена XX века перекликались и со смутным временем эпохи «Слова» и более поздних времен. И, таким образом, «Слово» привлекало Николая Ивановича и как гениальное творение, и как факт истории.

Первыми подступами к теме «Слова» стали написание стихотворения «Боян» (1938) («Заря как медный щит багряна», вошедший затем в Триптих) и баллады «Меч Мономаха» (1939 г.) о походе объединенных сил русских князей на половцев.

Оба направления в стихотворном творчестве Н.И. Рыленкова – лирика и обращение к истории не приветствовались. Вот несколько строк из письма М.В. Исаковскому от 13.02.1941:

«Недавно у нас было обсуждение итогов литературного года, на коем мне изрядно досталось за лирику и за увлечение историей, так что я сейчас пишу мало, больше переписываю!»

Война. Жесточайшие испытания опять приводят его к «Слову». Мотивы проявляются во многих стихах, и даже название первой военной книжки навеяно сном Святослава – «Синее вино».

Открывается же сборник стихотворением «Прошедшим фронт, нам день зачтется за год», а в нем строчки:

И синего вина, вина печали,
Она нам полной чашей поднесла,
Когда мы в первых схватках постигали
Законы боевого ремесла.

Или это очень близкое по стилю изложения «Слову»:

Из лесов разбежались волки,
Ушли из берлоги медведи,
Из норы обжитой и просторной
Лиса увела лисенят.

Лежат мертвецы по дорогам,
И вороны – их соседи,
Как гости на черной свадьбе,
Ходят вперед и назад.

Эту книжечку отметил А.А. Фадеев, стихи ему понравились, но удивило название, которое он посчитал декадентским. Пришлось Рыленкову объяснять, что в таком случае родоначальником декадентов является автор «Слова», и Фадеев весело рассмеялся.

По традиции Рыленков подарил по книжке жене и дочерям. На подаренном мне экземпляре он написал:

«Милая Ирочка! Скорей подрастай, тогда ты поймешь эту книжку.

17/VIII-43г. Твой папа Коля.

Радость моя!

«Синее вино» для меня действительно вино печали»

Примечательно, что в годы войны много издавалось сборников патриотического характера и в них использовались даже старинные рукописи. В нашей библиотеке сохранилась книжечка под названием «Родина», изданная в 1943 году в Москве (II издание, допечатанное). Это сборник высказываний русских писателей о Родине. Открывается он отрывком из «Слова о полку Игореве», 1185–1186, в переводе Шервинского. А за ним следует отрывок из «Слова о погибели русской земли» XIII век (перевод Н. Белинович). И далее – 39 авторов от Ломоносова, Сумарокова, Державина до Есенина, Горького, Маяковского.

Мое первое и очень мимолетное, поверхностное знакомство даже не с самим «Словом», а образными выражениями из него произошло в шестилетнем возрасте, когда после ужасов войны, жизни на линии фронта под Москвой нас нашел папа и сумел отправить в тыл – Татарию. Туда он и прислал маме и нам с сестрой по книжечке своих военных стихов с очень странным названием «Синее вино» Понять трагизм, вложенный в название книги, я не сумела по понятным причинам, но на эмоциональном уровне забыть пережитое в зоне военных действий не могла. А дальше было изучение «Слова» в школе, к которому я была уже готова по интереснейшим рассказам о нем (да и многом-многом другом) во время длительных воскресных обедов. Именно благодаря им я знала гораздо больше своих сверстников в разных областях истории, культуры, особенностей крестьянского быта (хотя в ту пору кое-что в нем мне казалось диким) и о многом другом. Думаю, что именно эти беседы сыграли очень существенную роль в формировании нашего с сестрой духовного мира.

Знакомились со «Словом» по переводу, правда не помню автора его, хотя, может быть, он и не указывался. Текст казался простым, нас не запутывало обилие имен князей – помогало знание истории. Нравился и «Плач Ярославны».

И все же это было поверхностное соприкосновение.

По-настоящему я стала подходить к пониманию значения «Слова», когда к 775-летию со времени создания его появилось много публикаций о нем – часто очень интересных, иногда спорных и даже невежественных, но особенно меня покорили многочисленные отклики на пересказ Рыленкова, которые шли, начиная с 1962 года, когда появилась первая публикация отрывков и до 1969 года, когда он ушел из жизни.

Прикосновения к «Слову» продолжались и в послевоенные годы. В 1961 году было написано стихотворение «Ярославна», вызвавшее волну восторженных откликов. Оно показало, что автор готов к работе над «Словом» и откладывать ее уже просто невозможно.

Рыленков приступил к пересказу летом 1962 года, тогда же и закончил. Работал в цветущем саду, делая записи в блокноте. Многолетнее обдумывание любимого «Слова», доскональное знание исторических фактов, работ исследователей, переводчиков позволили быстрому осуществлению замысла. Уже буквально через несколько дней после окончания работы «Литературная газета» (01.09.1962) опубликовала отрывок из пересказа – «Плач Ярославны», переданный по телефону. В «Лиж» был напечатан другой отрывок «Золотое слово Ярослава» (14.09.1962).

Первые же публикации «Слова» еще в отрывках вызвали живой отклик и среди писателей, и среди любителей русской словесности.

Поэт-переводчик Э. Левонтин в открытке от 01.09.1962 пишет:

«Ах, до чего же я взволнован дорогой друг, прочитав полчаса тому назад несколько строф, а видно: Вы пишете для сегодняшнего читателя, и в то же время сохраняете свое природу подлинника. Это почти разрешение задачи на создание квадратуры круга! С нетерпением буду ждать полного перевода (если доживу: лет мне много, здоровье никудышное)».

Виктор Боков (поэт), 02.09.1962:

«Я только что вернулся с Заполярья, был у подводников Северного флота, читал им стихи и первое, что увидел – Ваш перевод «Слова». Вы помните, что я говорил о своем отношении к переводам «Слова» – не веря в возможность такого осуществления. Но, прочитав, остался доволен отрывком. Это звучит как новое. Успех этого дела, как мне кажется, в том, что Вы открыли подлинник «Слова» ключом современной лирики, современной лирической интонацией. Это победа. Это приблизит «Слово» к массовому читателю и подскажет, что «Слово» можно переводить поэту, применительно к своему стилю и дыханию. Как-то раньше оно меня раздражало в любом переводе».

М.В. Исаковский, 02.10.1962:

«О том, что ты перевел (или пересказал стихами) «Слово о полку Игореве» я знаю и отрывок, напечатанный в «Лит. газете» я читал. По-моему, у тебя это хорошо получается. Впрочем, иначе и не может быть. «Слово» – оно как бы созвучно всей манере твоего письма и твой «пересказ» должен получиться хорошо. Кстати, видел ли ты пересказ, сделанный Янкой Купалой? (на белорусском языке).

...

Где печатать твой «пересказ» «Слова»? Да по-моему, его напечатает любой журнал, в какой бы ты ни послал. Но, конечно, лучше всего «Огонек». Лучше потому, что только

он один сможет напечатать к сроку, если даже юбилейная дата «Слова» приходится на октябрь. Тебе просто надо немедленно послать рукопись в редакцию».

Ротштейн (литератор, исследователь творчества Куприна), 21.09.1962:

«На днях с восхищением прочитал Ваш перевод «Золотого слова Святослава». Считаю эту работу Вашу литературным подвигом. Она порадовала меня не только близостью к «букве» (это не так уж важно), а главное к «духу» подлинника, к его чисто художественному колориту.

Очень нужная и великолепно удавшаяся работа.

От всей души поздравляю Вас и жму руку»

Г.Н. Нежданов (читатель), 06.05.1963:

«Глубокоуважаемый, дорогой и любимый Николай Иванович!

Недавно Вы закончили новый перевод «Слова о полку Игореве». Я прочитал отрывок «Золотое слово Святослава».

Я просто поражен и восхищен мощью и красотой возрожденного Вами древнего «Слова». Я не мастер говорить комплименты – но на меня повеяло истинной древней Русью. Майков – сух, Заболоцкий – дает прекрасный перевод, но несколько модернизированный. Ваш я считаю просто чудесным!

Я очень бы просил: когда выйдет в свет этот перевод отдельным изданием, вышлите его мне или закажите для меня, чтобы мне выслали.

Я больше двух лет лежу в постели. Напомню Вам, кто я – инвалид Отечественной войны I группы, б. офицер, участник обороны Одессы, я добровольцем воевал в финскую и в последнюю войну. В прошлом я – преподаватель истории СССР, русского языка, литературы и рисования. Но на Карельском перешейке я был ранен, простужен, получил туберкулез и лишился школьного преподавания. В эту войну лишился ног. Сейчас для меня единственная доступная радость: чтение».

Пересказ «Слова», выношенный в душе до мельчайших подробностей, сложился в текст очень быстро и случайно, но счастливо совпал с подготовкой к празднованию 775-летия его создания. Юбилей собирались отмечать широко. Работала комиссия, имевшая статус постоянной. Председателем стал Николай Иванович, членами – ученые-исследователи древнерусских текстов, переводчики, литературоведы, писатели. Круг мероприятий предполагался многообразным – от научных дискуссий и конференций до специальных радиопередач и широких публикаций в печати статей и текстов «Слова».

Внимание к выдающемуся памятнику культуры древней Руси было столь велико, что многие улавливали даже небольшие несоответствия в текстах различных изданиях.

Написал несколько статей и Николай Иванович: «Волшебное зерно русской литературы» (журнал «Октябрь» № 10, 1962), «У истоков русской поэзии» (журнал «В мире книг» № 10, 1963, напечатана без названия в рубрике «Слово о полку Игореве» к 775-летию со времени создания, «Немеркнущий свет поэзии» (газета «Правда» от 24.12.1963 года) и ряд других.

В письме от 22 августа 1963 года редактор отдела И. Евграфов пишет: «Уважаемый Николай Иванович!

Вашу статью «У истоков русской поэзии» (к 775-летию «Слова о полку Игореве») получили совершенно точно – в срок. За это Вам большое спасибо.

И особенно хотелось бы Вас поблагодарить за саму статью. Это то, что нам нужно. Написана она блестяще, и те, кто читал ее, получили глубокое удовольствие.

Статья без изменений сдана в набор.

Еще раз большое спасибо вам, Николай Иванович!

После публикации статьи Евграфов пишет (22.11.1963):

«Уважаемый Николай Иванович!

Читатель Червинский имеет «Слово», изданное в 1953 году в Ленинграде в «Библиотеке поэта». Его смущает цитата, приводимая Вами в статье («В мире книг» № 10) «Своя милья хати». В ленинградском издании, как он пишет, другое чтение: «своя милья хоти». Сообщите ему, пожалуйста, как правильно следует читать: хати или хоти!».

«15.12.1963 года

Уважаемый Николай Иванович!

Спасибо за письмо. Оно пришло своевременно: еще один читатель обнаружил нашу ошибку («хати»). Это, конечно, достойно сожаления, но, с другой стороны, письма доказывают, что «Слово» у нас не только читают, но и знают дословно.

С уважением

Редактор Евграфов»

И так дополняет официальную часть письма:

«P.S. Дорогой Николай Иванович!

Только что прочел Ваше «Слово» в «Лит. России». Это бесподобно! И становится чуть грустно при мысли, что этого не было сделано раньше...

Я абсолютно уверен, что теперь-то «Слово» станет действительно всеобщим достоянием. Поверьте – его будут учить и заучивать.

Николай Иванович, кто взялся за издание перевода? Это нужно делать срочно. Чем может помочь наш журнал здесь?

С любовью

Евграфов»

Читатель из Киева Червинский оказался читательницей:

«21.12.1963 года, Киев

Уважаемый тов. Рыленков!

Напоминаю Вам о себе: «хати» или «хоти». Получила, совершенно не ожидая, от Вас письмо. Благодарю за внимание!

Почему я Вам пишу? – Сегодня вместе с Вами я отмечаю по радио 775-летие «Слова о полку Игореве». Содержание передачи, вероятно, слушали и Вы.

И вдруг слышу, что будет прочитан отрывок из Вашего поэтического перевода «Слова». Во время чтения диктором мне очень и очень понравилось Ваше поэтическое переложение, но это происходило так быстро, что после передачи, конечно, ничего не осталось в памяти.

Очень прошу, сообщите, где напечатана полностью Ваша поэзия. Сколько любви и искусства Вы вложили в это творение!

Пишу Вам в Смоленск, но что-то уж очень неразборчиво написано Вами название улицы. «Авось» иногда удается!

С искренним уважением

Червинская

P.S. Из журнала «В мире книг» я, конечно, не могла узнать, что Вы поэт»

Полный стихотворный пересказ «Слова» увидел свет в газете «Литературная Россия» от 13 декабря 1962 года с иллюстрациями И. Глазунова и с небольшим предисловием автора, показывающим, сколь много значило это произведение для него.

А уже 14 декабря ему пишет письмо из Ярославля Петр Лосев:

«Дорогой Николай Иванович!

Только что прочел твой чудесный поэтический пересказ «Слова о полку Игореве». От всей души, от всего сердца поздравляю тебя с успехом. Все хорошо, все превосходно, а «Плач Ярославны» прямо-таки потрясает. Никто еще из поэтов не передавал ее чувства с такой глубиной и обаянием.

Я пишу это письмо из древнего города Ярославля, где найден был список «Слова». Из окна дома виден Спасский монастырь, его белые зубчатые стены. Это – Россия, и та самая, которая воспета Бояном, и та, которую ты воспеваешь в своих стихах.

Какой замечательный подарок преподнес ты мне, твоему давнему поклоннику, перед новым годом. Великое спасибо»

А 18 декабря он снова возвращается к «Слову»:

«А «Слово» очень, очень получилось. Плач Ярославны мы прочли в домашнем кругу три раза подряд. И от Святославова сна все в восторге. Меня всегда брал за сердце перевод Д.Н. Семеновского (какой большой был поэт и какой скромный, мне выпало счастье не раз встречаться с ним), но теперь появился новый мой кумир – твой поэтический пересказ».

Может быть и редко, но бывают такие совпадения – в тот же день, т.е. 14 декабря, пишет письмо тоже по поводу «Слова» Евгений Пермяк:

«Милый Николай Иванович,

прочел твой стихотворный пересказ «Слова о полку Игореве» и почувствовал своей обязанностью написать тебе.

Это прекрасный и достойный подлинника перевод. (Подлинный подлинник, говорят, находится в библиотеке Ватикана). Мне, занимавшемуся СЛОВОМ, когда я писал пьесу, связанную с ним – ШУМИТЕ, РАТНЫЕ ЗНАМЕНА (издательство Искусство, 1941 год), особенно понятны и дороги трудности, которые ты преодолел, назвав перевод пересказом. Перевести СЛОВО на РУССКИЙ с РУССКОГО нельзя, да и неправомерно.

Я читал множество ПЕРЕ(сказов-водов), но твой меня устраивает почти АБСОЛЮТНО, если не считать, что абсолютного нет, кроме как в слове АБСОЛЮТНО.

Читая, я нигде не почувствовал АРХАИЗМА, КАК И НЕ ПОЧУВСТВОВАЛ модернизации приспособления пересказа к языку, на котором мы говорим. Т.н. «декорум» соблюден в той языковой гибридизации, которая позволяет СЛОВУ оставаться словом и быть произведением нашего времени, написанный современно.

Наверно, найдутся нападки. Они бывают всегда, если даже «ты» напишешь хроник в три строки. Но не нужно (не следует) отвечать, полемизировать. СЛОВО высловилось так, как ты его понял, перечувствовал и переломил через свою чистую целомудренную душу человека, который мог бы (и был задуман) родиться красной девушкой, а родился парнем.

Однако же...

Однако же в тексте нужно сделать поправки, в том числе орфографические.

Венера, Зевс, Аполлон пишутся с больших букв. И это правильно. Не могут и не должны боги славянского олимпа (Даждьбог и Обида) писаться с малых букв. Это оскорбительно и корректорски подло.

Мы, закабаленные после цветущего, прогрессивного и передового для нас XII века, гибельным игом, начавшимся в XIII веке, а потом всякими прочими влияниями позднейших лет, выростили из нашей истории страницы славянского многобожия (языческие страницы) не менее интересные, чем страницы о греческих богах и куда более содержательные и поэтические нежели повествования о крещении Руси.

У тебя ТРИЖДЫ повторяется слово ХАРАЛУЖНОЙ СТАЛИ. В XIX главе без него можно обойтись.

На каком слоге ударение в имени Овлур? Проверь. Оно в тексте пересказа должно быть везде одинаковым.

Одним словом, я поздравляю тебя, будто поздравляю себя, поэтому стараюсь быть умеренным в похвалах. И если бы ты пересказал только одно «Слово» и у тебя не было бы более ни одной строки, то и при этом о тебе бы «рокотали струны» читающих тебя и днесь и после.

Поздравляю Тебя, дорогой Николай Иванович с хорошей победой. Пусть она не станет пока столь шумной, но ведь кроме шума есть еще и время, и нация.

С самыми велеречивыми пожеланиями и обыкновенными пожеланиями – будь здоров. Евгений Пермяк

Надо отметить, что хотя «Слово» и «высловилось» очень быстро (летом 1962 года), но не закончилась работа над ним и окончательный текст его датируется 1962–1966 годами, т.е. те или иные правки вносились четыре года.

Рыленков мог соглашаться или не соглашаться с замечаниями, но всегда серьезно относился к ним и обязательно аргументированно объяснял свою точку зрения, являясь самым строгим судьей своих творений.

Публикация пересказа в «Литературной России» привлекли внимание и зарубежных исследователей. Так Рыленков получил письмо из Франции от 24 января 1964 года преподавателя Е.Д. Коновалова, работавшего в Русском институте г. Пуатье. Ранее в Парижском университете один из профессоров-славистов принял тезу Коновалова – «Греческие источники языка и стиля «Слова о полку Игореве». В ней он объясняет темные места «Слова» путем сравнения русских и греческих выражений. Но профессор ушел в отставку. Найти трех специалистов для дальнейшего обсуждения тезы Коновалов во Франции не мог. Кроме того, он расходился во мнениях и с Д.С. Лихачевым и особенно, переводчиками произведения. Прочитав пересказ Рыленкова, который ему понравился, но посчитал, что в некоторых местах автор ошибается, предлагал обменяться мнениями. Коновалов пытался связаться с болгарскими славистами, отправил в Софию на съезд славяноведов в адрес Академии наук перечень греческих глаголов, позволяющих установить точный смысл «Слова». Однако не получил ответа. Видимо, Коновалов надеялся получить поддержку своей концепции в России. Обмен мнениями, насколько мне известно, не состоялся по разным причинам, одной из которых являлось незнание греческого языка.

А отзывы все приходили.

Тимофей Ефимцов (поэт, прозаик, Орджоникидзе), 20.11.1963 года:

«Дорогой Николай Иванович!

С большим интересом прочитал Ваше «Слово». Такое только исполинам под силу. От всего сердца поздравляю Вас с «Игоревской» победой. Я перечитывал стихи про Илью Муромца Сельвинского – тяжело, недоступно. Ваш пересказ льется как чудный Днепр. Все здесь просто, красиво, здорово... Особенно «Плач»! Желаю Вам в Новом году добро-го здоровья и новых восхождений на поэтический Казбек».

Один из читателей А.С. Шевченко заметил неточности в изображении особенностей поведения соколов и решил уточнить тонкости соколиной охоты. Сразу же после публикации пересказа пишет в письме от 18.12.1963 года:

«Глубокоуважаемый тов. Рыленков,

Ваш стихотворный перевод «Слова о полку Игореве» просто изумителен. Разрешите поздравить Вас с великой удачей.

Позвольте высказать и некоторые соображения.

С испокон веков овеяна благородством охота с ловчими птицами.

С величайшим искусством, как нигде, тешились ею у нас на Руси...

Нет сомнения, что творец «Слова» был замечательным сокольником. Уже по одной лишь строфе: «Коли сокол в мытех бывает, высоко птиц взбивает, не дает гнезда своего в обиду», – мы угадываем охотника, привыкшего держать на перстатой своей рукавице сокола, угадываем охотника с чувством природы, до тонкостей постигшего повадки ловчих птиц. В самом деле, только недавно стало известно то, что много веков назад было ведомо певцу «Слова»: линяют соколы именно в то время, когда птенцы у них в гнезде.

У ВАС же речь идет почему-то о соколах, уже побывавших в линьке – в прошедшем времени. Автор говорит вообще о птицах (взбиваемых соколами), Вы же ограничиваете это понятие только хищными.

Думается мне, что здесь Вы отступили от подлинника...

Не обижайтесь, пожалуйста, на мои замечания. Вы с великолепным мастерством добились своей цели. Но и здесь хотелось бы сохранения поэтического духа подлинника и его колорита.

Низко кланяюсь ВАМ.

А. Шевченко»

Но поскольку письмо было отправлено в адрес газеты и не получив быстрого ответа, Адриан Сергеевич решил, что его замечания отвергнуты. Он посылает повторное письмо, но уже в Литературную газету. И... получает ответ из Смоленска. 15.01.1964 года пишет новое.

«Глубокоуважаемый Николай Иванович,

Порадовало меня Ваше славное письмо. Искреннее спасибо Вам за приветливую речь. Только я провинился перед Вами. Уж Вы, пожалуйста, не гневайтесь на меня. Поспешил. Я полагал, что Вы живете в Москве. Не получая от Вас ответа, решил, что Вы против моих замечаний. Послал их в «Литературу»...

Я сказал, что это Ваша большая удача, пересказ привлекателен и звучанием, и настроением. Получив от Вас сегодня письмо, я тотчас написал в редакцию Лит. Газеты, что получил от Вас письмо. Вы согласны со мной. Просил вернуть мои замечания».

Привлек пересказ внимание двух студентов-филологов – московского и нальчикского университетов Ю Круглова и Б. Тхамокова. Но если Тхамоков высказывает свою

точку зрения примерно через полгода после ознакомления с «Вещим сном Святослава» и написания курсовой работы по «Слову», то рецензия Круглова была готова уже через 3–4 дня после первой публикации и полного пересказа в «Литературной России».

Довольно скоропалительно для серьезного анализа такой сложной, глубокой вещи и еще таящей загадки даже для многолетних исследователей.

Кратко можно охарактеризовать мнение Круглова (или как он называет его попыткой дать рецензию) полным неприятием пересказа, все сделанное фактически у него идет с частицей не. Даже время появления и цели работы (сделать доступнее современным читателям) называются неожиданными. Не устраивает Круглова стихотворная форма перевода, которая, по его мнению, разрушает первоначальную форму поэмы, обвиняет автора, что тот еще и допустил непростительную нетактичность, оставляя некоторые слова и выражения из «основного текста».

Впреки элементарной логике, да и просто здравому смыслу, Круглов утверждает, что нашим современникам пересказ не только не поможет понять суть творения, но даже окутает еще большим туманом и позиционирует свою точку зрения как всеобщую, или, по крайней мере, многих. И предлагает провести дискуссию или, если это невозможно, ответить ему лично на его «маленькие замечания».

А дискутировать-то было не о чем. Прав, прав многократно Евгений Пермяк в своем письме. Напомню: Наверно, найдутся нападки. Они бывают всегда, если даже «ты» напишешь хронику в три строки. Но не нужно (не следует) отвечать, полемизировать». Что ж, и мы не будем.

Письмо Бориса Тхамокова, не претендующего на всеобщность и высказывающего свое лишь мнение в марте 1964 года:

«Дорогой Николай Иванович!

Я студент ИФФ, прочитал прошлой осенью отрывок Вашего перевода «Слова» в газете «Литература и жизнь», прочитал с большим удовольствием, с большой радостью. В это время я писал курсовую работу по «Слову», любимому мной произведению древности. Ваш «Вещий сон Святослава» обрадовал меня. Мне кажется, Вы прочувствовали печаль неудачи похода Игоря глубже, чем даже сам автор. В Ваших строфах – слезы, действительно золотые слезы!..

Мне очень понравился перевод. Мне захотелось перевести его на свой, кабардинский язык. Правда, боюсь. Это такое произведение, к которому надо подходить с большой поэтической душой и умом. Не знаю, хватит ли у меня силы, но есть большое желание и какая-то жгучая, безумная уверенность в себе.

Перевел я «Вещий сон Святослава», показал некоторым литераторам, членам Союза писателей КБАССР, которые одобрили и посоветовали перевести Ваше «Слово» полностью. И вот мечтаю найти полный текст Вашего перевода. Часто заглядываю в книжные магазины города, пишу по адресам крупных иногородних магазинов – не найду. Неужели не вышло еще на свет? Недавно у нас в городе появились красочно оформленные книжки «Слова». Каково мое было удивление, когда узнал, что это давно известный перевод Жуковского. Почему Жуковского, а не Рыленкова?..

И вот пишу Вам. Прошу Вас прислать мне Ваше «Слово» и все названия выпущенных Вами книг написать с указанием места и года выпуска....

Дорогой Николай Иванович!

Не мог не побеспокоить Вас. Буду очень и очень рад, если исполните мою просьбу.

Тхамоков Борис

Однажды мне послышалось: знакомый голос. Я насторожился: «Слово?»...

«Да! Это он!»... Подбежал к громкоговорителю и не ошибся. Вы читали «Слово». Конечно, я никогда ранее не слышал Вашего голоса. Но почему-то он мне показался знакомым. Видимо, «Слово о полку Игореве» можно читать только так».

Действительно, к моменту поисков книги Борисом Тхамоковым, она еще не была издана. Текст пересказа был напечатан только в периодической печати.

Откликались и учителя. В мае 1966 года пришло письмо от учителя из Куйбышева:

Дорогой Николай Иванович!

Вы доставили большое наслаждение своим пересказом «Слова о полку Игореве» не только мне, но и моим ученикам 9-х классов, которых я ознакомил с книгой. От Души поздравляем Вас с удачей и, если сможете, просим прислать экземпляр с автографом для нашего музея.

Г. Куйбышев-28, школа № 156, 9А, В классы

Ваш Михаил Кошкин.

Переводчик и литературовед Эткинд из Ленинграда:

«Дорогой Николай Иванович,

Я был очень рад получить Вашу книжку и Ваш привет – в ласковом посвящении. Я воспринял это все как подарок к первой годовщине нашего знакомства, – не так ли?

Большое Вам спасибо. Ваш перевод я люблю давно и устойчиво – с тех пор, как прочитал его в «Литературной России». Он совсем другой, чем, скажем, у Заболоцкого – там преобладает мраморный стих и отчетливая пластика. У Вас – лирическое движение, сердечная проникновенность интонации. Иногда, правда, хотелось бы большей звучности в рифмах (надо ли рифмовать идол – видел?), но Ваше «Слово» лиричнее всех прошлых, и современной – поэтому...

Всегда с радостью читаю Ваши статьи то тут, то там. Жалею, что печальный повод, по которому Вы были в Ленинграде, помешал нашей встрече. Отложено – не потеряно!

Желаю Вам доброго лета и светлого духа.

20/VII-66г.

Ваш Е. Эткинд

P.S. В. Носков, оказывается прекрасный художник. Если бы обложка – получше, да печать – почерней, книга была бы отличной во всех отношениях!»

Печальный повод, упоминаемый в письме – похороны А.А. Ахматовой, Рыленков возглавлял там делегацию писателей СССР. Книга, о которой идет речь «Слово о полку Игореве», издательство «Советская Россия», 1966 год, обложка мягкая.

Николай Николаевич Ушаков, поэт и знаток «Слова» отмечает в письме от 23.11.1966: «Дорогой Николай Иванович!

Наши праздничные письма разошлись, и лишь теперь – после украинского V съезда – могу поблагодарить Вас за «Слово о полку Игореве», хотя прочел Вашу книгу в день получения. Мне кажется – это один из самых удачных переводов. Особенно длинные строки – приближающие к размеру подлинника.

Большое спасибо»

Но совершенно поразительными и даже пронзительными являются письма «простых» людей, иногда не очень образованных, но обладающих внутренним чутьем, чистым сердцем и умом, с их бесконечной жаждой знаний, очень трогательных, даже наивных и вместе с тем пронизательных. К ним относятся письма Дмитрия и Дуни Мирошниченко из Кемерово:

«г. Кемерово, 28/XI-67г.

Здравствуйтесь Николай Иванович!

Привет Вам от нас с Дуней. Желаем доброго здоровья и успехов.

Пишем Вам из далекой Сибири.

С чего начать мне, и как написать Вам, наш далекий незнакомый добрый друг? Получая многие годы центральные газеты и журналы, и в том числе, и от Союза писателей РСФСР газету «Литература и жизнь» и еженедельник «Литературная Россия», в газете «Литература и жизнь» за 1962 год встретил отрывок одной из глав Вашего перевода «Слова о полку Игореве»

Но скажу я о том ниже.

...

Не забывая слов великого учителя: «Я знаю, что знаю мало, и хочу знать больше», я всю жизнь старался узнать, глубже изучить историю Родной земли.

Мне теперь 70 лет и с 14 лет я читал... Прочитано много, много позабыто, много держится и в памяти, но есть вещи, которые, прочитав раз, никогда уже не забудешь и они неповторимы...

В 14 лет я прочитал в журнале «Пробуждение», помнится, в 1912 году «Плач Ярославны». Помню, начинался он словами: «В Путивле плачет Ярославна одна на городской стене». Я потом забыть уже этого не мог и потом позднее, когда я взял в руки само «Слово о полку Игореве», я с таким вниманием и желанием его читал... Но изучить и глубже вникнуть в смысл «Слова» в 17–18 лет я, конечно, еще не мог. Да и что можно изучить, не зная глубже историю родной земли? Но оно и тогда влекло меня тем величием образов и той своеобразной музыкой стиха, как потом и позднее, и до сегодняшних дней увлекал меня, скажем, образ Гарибальди. И вот, встретив главу из Вашего нового перевода «Золотое слово Святослава», я тщетно искал Ваш полный перевод «Слова» но и до теперь не нашел, не попадет, видно, он в нашу далекую Сибирь.

А так хотелось бы его иметь... вот у меня есть несколько их переводов... И не в лесть и не в похвалу я скажу Вам, Николай Иванович, уже судя лишь по той одной главе, что у меня, я буду искать только Ваш перевод, потому что только в нем одном сохранилась та прелесть и своеобразная мятущаяся музыка стиха, и простота, и доходчивость русского слова.

В скромной моей библиотеке имеется все то, что я хотел иметь, все те писатели и поэты классики XIX–XX веков, которыми я духовно живу, нет только Вашей книги, Вашего творчества.

Не желая быть назойливым, я все же хотел бы просить Вас, Николай Иванович, помочь мне, хоть если и не делом, то хотя Вашим дорогим для меня советом, как и где приобрести и иметь Вашу книгу. Я был бы Вам сердечно благодарен, если бы через Вас почтовой бандеролью получить Вашу книгу, если уже нельзя полностью, то хотя бы перевод «Слова».

Заканчивая свое небольшое и бессвязное письмо. Мы сердечно желаем Вам доброго здоровья и долгих лет жизни и силы для новых творческих свершений.

...

И мы просим Вас, Николай Иванович, если можно, то уведомите нас о том, что письмо Вы наше прочитали.

С глубоким к Вам уважением мы
Дмитрий Мирошниченко
Дуня Степановна
30/ХІІ-67»

Письмо второе.

«Здравствуйте Николай Иванович!

Привет Вам от нас с Дуней и Вашей семье, желаем всем вам доброго здоровья, успехов, а также и поздравления от нас с наступающим новым годом, желаем встретить его приятно в кругу родных и друзей.

Пишем Вам сейчас ,Николай Иванович, коротенько, всего несколько слов, считайте это не письмо, а только уведомление от нас о том, что заказную бандероль, ваш дружеский бескорыстный дар мы получили, примите за это от нас сердечную от всей души благодарность, а ответ на ваше теплое дружеское письмо мы напишем вам немного позднее...

Ответы на это пишутся не скоропалительно, а подумавши и в одночасье его не напишешь и однотомяк, и пересказ Слова, его торопко не просматривают, а читать его надо с большим вниманием, а не проглатывать и, кроме того, у меня имеется несколько личных вопросов литературного значения, в частности о «Слове», на которые ответы и разъяснения получить хочу только от Вас, о чем Вам немного позднее и напишу более подробное письмо.

А пока остаемся с глубоким уважением к вам

Дмитрий
Дуня
17/ХІІ-67»

Письмо третье.

«Здравствуйте Николай Иванович!

Привет Вам и Вашей семье от нас с Дуней, наш далекий добрый друг, желаем Вам доброго здоровья, многих лет жизни и сердечного покоя.

Давно еще зимой было у нас намечено написать Вам хорошее дружеское письмо, но в жизни иногда так складываются обстоятельства неблагоприятно, и жизнь она не торная дорога, а борьба ... но все перемалывается и теперь вот, чтобы успокоиться снова беру Ваш однотомяк и как бы беседуем с Вами, наш далекий друг.

Сердечно благодарна Вам моя Дуня, за сказку Вашего детства, она с удовольствием ее прочитала понемногу в свободные часы, и закрывая книгу, всегда задумчиво говорит: «Да все это и мы пережили, все это наше свое родное близкое, и Николай Иванович наш свой, родной»

Нам понятны и близки такие картины как «у порога школы», «устный счет Богданова-Бельского и тем вот нам и дороги Ваши книги. Перечитывая Ваш пересказ «Слова» мы литературы об нем не имея, кроме двух-трех переводов, 1925 года Шторма, 1955-го Гудзия и Стеллецкого и 1964 Еремина. Но все это не то, а тем более, для моей Дуни... С грамотой у нее не так-то... и понятен ей только Ваш пересказ.

Теперь, Николай Иванович, у нас есть к Вам один литературный вопрос, по которому желательно бы знать Ваше мнение и определение: у нас в библиотеке имеется экземпляр книги Средне-Уральского книжного издательства в гор. Свердловске за 1966 год А. Динина, в котором есть повесть «Матушка Русь». Книгу эту вот Вам и пересылаем, так вот в этой повести Динин нашел автора «Слова о полку Игореве» и это не кто иной как Рыльский князь Святослав, ... и Дуня услышав такое, заявляет: «Не верю, где ты там нашел автора, что-то не то. Все это сейчас же перешли Николаю Ивановичу, он там лучше разберется, что и к чему».

И правда, Николай Иванович, Вы, пожалуй, лучше определите, что это, догадка, домысел или открытие...

Да наверно, Вы эту книгу читали и раньше. И если Вас не затруднит, то просим черкните нам коротенький ответ.

Да вот, пожалуй, и все наше послание, желаем Вам доброго здоровья и сил для новых творческих свершений, для народа и для нас...

С приветом и глубоким уважением

Дмитрий Мирошниченко

и Дуня

4/VIII-68

г. Кемерово»

Мне думается, что эти письма были одними из самых дорогих сердцу Николая Ивановича, как очень искренние и доверительные.

«Слово» настолько завладело умами наших сограждан, что его только изучали как выдающееся произведение, но и пытались разгадать все загадки и неясные места, узнать автора, путь войска Игоря, где именно была битва с половцами, какие географические названия рек соответствуют современным и прочее, прочее.

Организовывались в школах кружки, экспедиции в предполагаемые места битв и т.д. Был такой кружок и в поселке Шолоховский Ростовской области. Конечно, школьникам вряд ли были под силу довольно обширные задачи, которые ставили они перед собой, но это свидетельство огромного интереса к событиям, описанным в «Слове».

Выдвигалась даже идея о создании памятника безымянному творцу «Слова», но, правда, она не была осуществлена.

Тем не менее, произведение, это волшебное зерно, из которого выросла вся наша литература, продолжает жить, каждое новое поколение людей находит в нем что-то, что близко и дорого им. Рыленков в одной из своих философских миниатюр «Надпись на книге Шолохова «Тихий Дон» так писал:

Есть вечные глубины в «Тихом Доне»,
То, что народ наш совестью зовет.
Гремит гроза, иль ясен небосвод,
Мы вновь и вновь, забыв дорогам счет,

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Как в первый раз, придем к нему, и вот –
Все мелкое ушло. Душа бездонней.
Святая жажда дела – жжет ладони,
Святая жажда правды – сердце жжет.

30 октября 1964 года

Такие вечные глубины хранит в себе и «Слово о полку Игореве».

Февраль–апрель 2017

Марина ГОЛУБКОВА, Владимир ГРАЧЁВ

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ – ДМИТРИЮ ГОЛУБКОВУ: «Я УЖЕ ДАВНО ЛЮБЛЮ ВАШИ СТИХИ...»

С замечательным певцом русской природы – Николаем Рыленковым – близким к лире Сергея Есенина, кумира Дмитрия Голубкова** еще с отрочества, он – поэт, писатель, художник, наш отец и дед познакомился (поначалу заочно) в 1962 году.

У Дмитрия Голубкова существовала традиция: высылать по почте свои «новорожденные» книги поэтам и прозаикам, чье профессиональное мнение было для него важно: Николаю Рыленкову, Арсению Тарковскому, Юрию Трифонову (см. нашу статью в «Литературной газете», № 21 от 30 мая с.г.).

Речь в ответном письме Николая Ивановича шла о второй книге стихов начинающего стихотворца «Свидание» (М., «Мол. Гвардия», 1962).

27.IX.62

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Большое Вам спасибо за прелестную Вашу книжечку «Свидание». Я только вчера вернулся из Коктебеля и успел лишь бегло просмотреть сборник, от которого на меня повеяло очень родным.

Кое-что из Ваших стихов я уже знал, кое-что увидел впервые. Я верю, что читателя обрадует Ваша душевная открытость, Ваша сердечная чистота, как радует и меня.

От всей души желаю Вам успеха и крепко жму руку. Ваш Н. Рыленков.

Меньше чем через три недели Дм. Голубков получил от Рыленкова второе душевное письмо.

17.X.62

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Я еще раз прочитал Ваше «Свидание». Прочитал «залпом», от корки до корки. Многие Ваши стихи меня не только обрадовали, но и взволновали. В них столько свежести, света, что кажется, будто вышел в поле после грозы.

Особенно понравился мне Ваш цикл о К. Коровине [поэма «Веселый корабельщик» или «Живописец радости»]. Хороша и поэма «Отец», но концовка ее риторична. Это несколько расхолаживает. Среди коротких стихов есть просто образцовые. К таким я отнюдь, например, «Смерть». [«Теплый ливень схлынул спозаранку...»]

Я искренне рад за Вас. Передайте мой большой привет Вашему редактору – Льву Озерову.

От всей души желаю Вам успеха. Ваш Н. Рыленков.

В 1965 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник стихов Н.И. Рыленкова «Пятое время года»; его редактором был Дмитрий Голубков. Сохранился экземпляр книги с автографом благодарного автора: «Дорогому Д.Н. Голубкову на добрую память о работе над этой книгой. 16. VIII. 65. Н. Рыленков».

* **Дмитрий Николаевич Голубков** (19 мая 1930 – 4 ноября 1972) – русский писатель, поэт, живописец. Его перу принадлежат шесть поэтических сборников и восемь книг прозы.

По издательским правилам, аннотацию на выпускаемые книги писали редакторы. Вот что редактор Голубков сказал о новой книге Рыленкова: «...Бережно и вдохновенно выписанные пейзажи и философские миниатюры..., раздумья о духовном мире человека, о его нравственном богатстве – и стихи о любви, о верности, – вот основные мотивы, сильно и ясно звучащие в новом сборнике Рыленкова». Конечно, эти мотивы были близки и дороги и нашему отцу и деду.

В 1966 году Голубков послал своему новому старшему другу на суд четвертую книгу стихов – «Твердь».

14.IV.66

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Большое, сердечное спасибо Вам за «Твердь». Я уже давно люблю Ваши стихи. Люблю их за прозрачную живопись, за ясность мыслей и доброту чувств.

От всей души желаю Вам больших творческих радостей. Ваш Н. Рыленков.

Вскоре крупное московское издательство «Советский писатель», где Голубков работал старшим редактором редакции русской советской поэзии, заказало Н.И. Рыленкову рецензию на первый роман Голубкова (из трех), – «Милелю». К тому времени наш отец и дед уже стал автором четырех поэтических книг и одного сборника прозы, в том числе, рассказов о М.Ю. Лермонтове («Кузен Мишель»), о шедевре Валентина Серова («Девочка»), о крестном отце – выдающемся драматическом теноре, заслуженном артисте РФ и непрямом потомке Лермонтова, пензяке Дмитрие Тархове («Это было совсем не в Италии...»), повестей о войне («Волоком по Ламе») и о геологах («Синие розы»). Его стихи уже отметил такой старейший мастер слова, как Всеволод Рождественский: «Все это написано на языке поэзии, все в традициях достойного русского стиха. А, главное, так, что за всем этим слышится живой голос, очень естественный и правдивый в своих интонациях». Другие популярные поэты (Константин Ваншенкин и Виктор Боков) замолвили доброе слово о поэзии своего младшего товарища по литературному цеху в так называемых внутренних издательских рецензиях. В голове уже состоявшегося поэта зрела идея большой прозы.

Из дневника Дмитрия Голубкова 1965 года, ноябрь, (полностью вошел в составленный нами и изданный за свой счет сборник «Это было совсем не в Италии». (М., «Маска» 2013): «Надо перелопачивать Сарьяна (для Детгиза) и весной садиться за роман. Господи, помоги!» (В скобках заметим, что повесть для юношества об ученике пожизненных кумиров Голубкова – Серове и Коровине – Мартиросе Сарьяне «Доброе солнце» выйдет в 1970 году).

Однако, ему очень мешало неверие в собственные писательские силы. К тому же он был принципиально беспартийным и не умел раскуривать фамию во славу властей, что, безусловно, сказывалось на издании его произведений. Об этом тоже свидетельствуют дневники, которые будущий выпускник журфака МГУ вел с 15 лет, с зимы 1945 года. Из дневника 1966 года, апрель: «Все пишешь, болван, все носишь куда-то – и все отказы, отказы...» .И еще через две страницы, в мае 1966 года: «Прозу не пишу – лишь мечтаю засесть всерьез за «Милелю». Страшно... Чувствую, что время настало работать не ребячливо, не с наскоку, вглубь. Мне 19-го [мая] исполнилось 36 лет» .

Молодому прозаику удалось победить свою апатию и хандру; творческая энергия забила ключом (недаром он воспевал подмосковную природу и живописный абрамцевский родник): «...Правлю, переписываю, вписываю большие новые куски «Милели». Получается длинно... Хочу, чтоб было о человеке и городе, о жертвенности, самоотдаче («как бы всем в даренье»), и об эгоистической сухости, о связи людей, их родстве, о корнях трав, живущих под новым камнем. В общем, много хочется втиснуть и многих: тетю Анюту, двоюродных, себя, отца, мать, [сестру] Валю, [Аракси, пьяниц хотьковского склада... Не роман ли это? Пишется не более трех часов в день: остальное время уходит на ремонтно-заготовительную работу, шлянье за рабочими, купанье в Воре (стоит, слава Богу, уже вторую неделю, теплынь с короткими, энергичными грозowymi вспрыскиваниями), на чтение (перечитал великого чеховского «Архиерея», первую любовь Тургенева, читаю дневники Толстого, начал первый том Канта). Собой недоволен, слишком часто и много думаю о себе».

Уже через два месяца писатель закончил перепечатку первого своего романа – о семье священника в до- и постреволюционной Москве, символом которой стала родная тетя писателя – Анна Дмитриевна (в романе «милая Леля» – так называли ее за деятельную любовь к ближнему).

Тогда же автор уточнил, что говорит о второй редакции его романа. В августе 1966 года он признался в дневнике: «Совсем непроходимо получилось», и в сентябре: «Пробить бы в печать».

К сожалению, даже дневник и записные книжки не раскрывают нам всех тайн. Лишь через полгода, в феврале 1967 года, мы узнаем новость о «Милеле».

7.11.67

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Сегодня я отправляю в издательство рецензию на Ваш роман «Милеша» [первоначальное название романа].

Задумана эта вещь у Вас очень интересно. Вы подняли в ней такие пласты жизненного материала, которых у нас никто не касался. Поэтому очень хочется, чтобы в ней было все на уровне замысла. Мне кажется, что Вам следует еще «прописать» некоторые куски, прояснить кое-что в характерах. Будет обидно, если «Милеша» прозвучит не в полную силу. А она может прозвучать сильно.

От всей души желаю Вам удачи, Ваш Н. Рыленков

По счастью, рецензия Н.И. Рыленкова сохранилась. Приведем из нее фрагмент:

«В образе главной героини Дмитрий Голубков показывает ту излюбленную русской литературой праведницу, без которой по народному поверью не стоит ни одно село, ни один город. Каждая эпоха создает свой тип праведника и праведницы. Роднит их только одно, что сами они не видят в своем ежедневном подвиге ничего праведного, ничего героического. Они просто не могут иначе жить».

Из дневника 1967 года: «Звонок: Наташа Ларина [журналист, впоследствии – искренний друг нашей семьи. – Здесь и далее примечания публикаторов] читает по телефону превосходную, безоговорочную рецензию на «Милелю» Рыленкова».

Дискуссия о первом романе молодого прозаика продолжилась и в пятом письме Н.И. Рыленкова, спустя девять месяцев, в течение которых автор скрупулезно переделывал роман, учитывая многочисленные замечания редакторов.

28.XI.67

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Мне искренне нравится Ваша «Милеля» (в ее новом варианте).

Вы подняли такой пласт жизни, которого почти никто из нас не касался. Говорю – «почти» только из осторожности.

В раздроблении этого пласта Вы, на мой взгляд, сделали все, что могли. Большого мне от Вас было требовать трудно. А я Вам благодарен и за то, что сделали. Мне глубоко симпатичен пафос Вашего романа. Пафос в лучшем смысле этого слова. Вот и все, что я могу сказать Вам.

Примите мой сердечный привет и самые добрые пожелания. Ваш Н. Рыленков.

Последним – шестым письмом Николая Ивановича Дмитрию Николаевичу стала новогодняя открытка от 1 января 1968 года, – в ответ на поздравление нашего отца и деда.

[1 января 1968 года]

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Сердечное спасибо за дружеский новогодний привет и добрые пожелания. Я также и от всей души желаю Вам всего, что Вы желаете себе сами. Будьте счастливы. Обнимаю. Ваш Н. Рыленков.

К сожалению, меньше чем через полгода – в июне 1969-го Н.И. Рыленкова не стало, и он так и не увидел изданной «Милели».

Рукопись томилась в издательстве два года. Из дневника Дмитрия Голубкова (декабрь 1968 года): «Сегодня должна сдаваться в производство «Милеля».

Мечта автора стала явью лишь в 1969 году, несмотря на кардинальную переработку романа, благожелательную рецензию Н.И. Рыленкова и его добрые слова о Дмитрии Голубкове на пленуме Союза писателей: «Очень хвалил меня (на Пленуме) Рыленков. В печати же – никто ни гу-гу».

Но иначе и быть не могло, ведь в ноябре того же года газета «Литературная Россия» напечатала крамольную статью Дмитрия Голубкова «Лирика Александра Твардовского» (авторское название, отвергнутое оглядчивыми редакторами «Он больше себя», – подробнее об этом смотри наш материал в сборнике «Твардовские чтения» за нынешний год).

Впереди у автора «Милели» будут еще повесть о поэте-бунтаре Александре Полежаеве «Пленный ирокезец» (в этом году исполняется 180 лет со дня его рождения), книги детских и взрослых рассказов «Мальчишке было скучно», «Человек, как звезда, рождается...», «Когда вернусь», «Белый свет», наконец, два романа – «Недуг бытия. Хроника дней Евгения Боратынского» и «Восторги» – о художественной интеллигенции времен культа личности.

Наш отец и дед, увы, уже никогда не увидит свои романы напечатанными и не услышит самых лестных отзывов известнейших сегодня писателей и критиков, ведь его не стало в 1972 году.

«Недуг бытия» выдержал четыре посмертных издания: впервые он был издан в 1973 году в журнале «Север», а потом трижды – в «Советском писателе» (1974, 1981 и в 1987 годах) Что касается «Восторгов», то они пришли к читателю еще позже, – в 1993 году в журнале «Дружба народов» и были высоко оценены членом Комиссии Союза писателей по литературному наследию Дмитрия Голубкова, Лауреатом Государственной премии РФ Фазилом Искандером...

Владимир МАКАРЕНКОВ

ВОЙНА ВСЕРЬЁЗ, ПОЭЗИЯ... ВСЕРЬЁЗ

Беседа редактора смоленского альманаха «Под часами» Владимира Макаренкова с Борисом Лукиным, редактором-составителем десятитомной антологии поэзии о Великой Отечественной войне

ВОЙНА И МИР. Антология: Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI веков/ Идея Дмитрия Мизгулина. Главный редактор, редактор-составитель Борис Лукин. Редактор-составитель Юрий Перминов. В десяти книгах. Кн. I – V (авторы до 1927 г.р.). – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2015–2016.

– Борис Иванович! Насколько я знаю, шестой том антологии современной литературы России «Наше время», составителем которой вы являетесь, ещё не издан. Казалось бы, нужно сыграть завершающий аккорд, а затем продолжить свою деятельность в литературе в этом направлении, пропагандируя и дальше творчество своих ровесников. Ведь уже немало вами написано о писателях вашего поколения, проведено презентаций. Фестиваль «Наше время» в Москве не первый год проводится. А в этом году даже на Красной площади в рамках Всероссийской книжной ярмарки вы представляли этот проект, по сути, уникальный и не имеющий в русской литературе аналогов.

И вдруг вы активно начинаете работать над антологией поэзии о Великой Отечественной войне, запланировав, как мне известно, к изданию целых десять томов, первые пять из которых уже вышли в свет в Тюмени. Как вы это все объясните?

– Во-первых, антология «Наше время» в работе, т.е. шестой том дорабатывается. А основную часть его составляют автографы авторов и дайджест критических статей об их творчестве. Это кроме биографических и библиографических сведений. Жаль, что пока есть проблемы с финансированием. Надеюсь, что и фестиваль современной литературы, театра и кино «Наше время» не прекратит своего существования. Начатая параллельно с изданием антологии «Наше время», велась и ведется моя работа по написанию критических работ, эссе, очерков о писателях, авторах «Нашего времени». Думаю, что знакомство с этой антологией и сподвигло автора идеи проекта антологии «Война и Мир» – поэта Дмитрия Мизгулина, предложить мне проект.

Еще в 2012 году мы начали разговор о «Войне и Мире». Я, понимая грандиозность задачи, не сразу согласился. Дмитрий предлагал проект от имени своего Литературного фонда «Дорога Жизни», президентом которого он является. Год почти мы общались и думали, каким проект должен быть. И лишь к лету 2013 года было принято решение о начале работы. А к осени мы пригласили к совместной работе Юрия Перминова – омского поэта и редактора прекрасных антологий, в частности: «Стихи о матери». В это же время он составлял книги о сибиряках, защитниках Сталинграда. Вот он и подключился для работы с авторами по Дальнему Востоку и Сибири. Мои контакты в этом регионе до

сих пор не настолько обширны. Поэтому на форзаце каждого тома есть обращение к читателям от имени трех поэтов – задумавших антологию, работавших над ее составлением и воплотивших витающую в воздухе идею в жизнь, где есть такие слова: *«Показать многоголосье, разноплановость в творчестве не только внутри одного поколения, но и в исторической перспективе – вот одна из задач, которую мы попробовали решить, вдохновляясь словами А.Т. Твардовского: «Война всерьез, поэзия... всерьез». Три поколения русской поэзии... Мы условно назвали авторов отцами, детьми и внуками...»*

– Откуда такое горячее желание и усердие? У вас из родственников кто-то воевал в ту страшную войну? А, может быть, кто-то из них писал стихи, и они остались неизвестными современниками?

– Известно, что в каждой семье кто-то воевал в те годы. У меня воевал папа, Иван Петрович, и его старший брат (он погиб в первые десантные выброски), мамин брат, который и повоевал, и в плену побывал, и посидел за это. Мама и папины родители участвовали в работе в тылу. Дед Петр Николаевич был награжден Орденом Ленина за доблестный труд в год смерти Сталина. Я сын ветерана Великой Отечественной, может быть, один из немногих, родившихся в 1960-е. Стихов в моей семье никто до меня не писал. И реакция семьи на моё поступление в Литературный институт им. А.М. Горького была неоднозначной. Случилось такое событие после окончания мною МВТУ им. Баумана и получения специальности инженера-конструктора. Это были последние годы существования СССР, надежды на успешное развитие моей литературной судьбы становились все призрачнее. О папе, его ветеранском поколении и о нас – поздних детях фронтовиков – есть у меня стихотворение «Реквием», начинающееся строками:

Нашим старым отцам было в радость, что мы молодые.
Что ровесников наших отцы им годятся в сыны.
Каждый год нашей жизни для них как листы наградные –
за отвагу, за храбрость, за веру в бессмертье страны!..

– *Всякий раз, когда встречаюсь с новостью об издании какой-либо антологии поэзии, я со страхом ловлю себя на мысли, что вот еще одна антология, которая вновь не будет востребована читателем, по той простой причине, что: во-первых, проекты самокупаемые и приносящие прибыль, как правило, издаются известными издательствами; во-вторых, за последние двадцать пять лет столько у нас издано всякого рода антологий произведений классиков и современных авторов, что о них, скорее всего, не знают даже и специалисты в области литературоведения.*

А если говорить о серьезном читателе – какой был в нашей юности, в семидесятые–восьмидесятые прошлого века, массовом, но ставшем ныне, наверное, реликтовым, – оставшимся еще живым в единичном количестве, то, если его спросить, какие он, читатель, знает антологии, пожалуй, в ответ назовет всего несколько, а то и одну, составленную Е.А. Евтушенко.

– Не знаю, какую из собранных им книг вы имеете в виду, но уверен, что книги эти под 2000 рублей за том доступны немногим, не из-за тиража. Да и междусобойчик получился у заслуженного советского поэта самый образцовый. Хотя и его книги я просматривал при работе над «Войной и Миром». Там были несколько неизвестных мне авто-

ров. Он основательно перекопал анналы еврейской русскоязычной литературы России и СССР.

– Это вы имеете в виду «Строфы века», не десять же веков русской поэзии?

– Да, конечно. Я продолжу. Если ответить на ваш вопрос совсем в точку, то скажу, что все антологии создаются, прежде всего, не для простого читателя, а для истории литературы. При подготовке к работе я собрал многие из вышедших за послевоенные годы книги.

– Наверняка, что-нибудь да пропустили.

– Почти все. В основном, это двухтомники, есть десятитомник, но основной объем – однотомники, собранные по тому или другому принципу, которые очень разнятся.

В районных библиотеках ныне вряд ли есть какие-либо полноценные сборники. Слишком много книг было списано по странному для библиотек, но понятному по нашему времени, обстоятельству – невостребованности за несколько последних лет. Таковы теперь библиотечные законы. Раньше книги просто консервировали в запасниках. А теперь списывают, т.е. уничтожают, в лучшем случае, во что очень хочется верить, сдают в макулатуру. Но подобные нашей антологии книги должны быть в библиотеке каждого учебного учреждения и города, хотя бы в одном экземпляре. Чтобы внуки победителей могли изучать не только стихи нескольких десятков широко известных авторов, но и своих земляков, по той или иной причине не приобретших всероссийской известности. Если учесть, что произведения почти 1100 авторов включены в первые пять томов «Войны и Мира», то станет понятно, что они жили (и некоторые живут сегодня рядом с нами) почти в каждом крае, области, республике. Сейчас много в школах занимаются краеведением. Такие антологии помогут учащимся найти своих земляков, рассказать о них, познакомиться с их творчеством на уроках. Я живу в селе Архангельское Рузского района Московской области. Здесь родился замечательный русский поэт Николай Дмитриев. Ему принадлежат бессмертные строки:

В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и все же
Я понимаю: все мы тоже
Вернувшиеся с той войны.

Эти стихи, конечно же, будут в последующем томе. Благодаря активности комиссии по творческому наследию нам удалось создать не только школьный музей, но и экспозицию в Рузском краеведческом. Проводятся и Дмитровские чтения у родного дома поэта. Если бы так было у всякого дома поэта в России! Думаю, что и это одна из целей издания «Войны и Мира».

А еще важно, чтобы тексты стали известны под авторским именем. Сегодня страшная ситуация наблюдается на фоне общей безграмотности. Например, несколько изданий районного масштаба – хорошо, что все они есть в Интернете – перепечатали одно и то же стихотворение к Дню Победы с разным авторством. При этом ни одному из них не принадлежит это стихотворение. А истинный, написавший и опубликовавший стихотворенье еще в 1960-е годы, уже умер. И, конечно, защитить свои права не может. Это я обнаружил во время работы. Бал плагиатства!

А недавно, на яснополянских литературных чтениях при общении с Елизаветой Емельяновой-Сенчиной, дочерью народного поэта Республики Тува, писателя-фронтовика Анатолия Фёдоровича Емельянова (1925–1991), услышал полный негодования рассказ примерно такого содержания. Ее пригласили на какой-то литературный конкурс, а там победил некий человек, читавший стихи ее отца, не называя автора их. Ему вручили диплом и приз как автору. Елизавета протестовала и объясняла, что это стихи ее отца. Но вопрос, так сказать, «замяли». Мол, какая разница, кто автор стихов, главное – мероприятие проведено успешно, стихи хорошие прочитаны. А стихи у А. Емельянова, и правда, достойны, чтобы их знал и помнил русский народ. Вот посмотрите, что он совсем юношей творил:

Когда-нибудь, в один из дней весенних,
А может быть, в один из зимних дней,
Войду я, наконец, в родные сени
И молча встану у родных дверей.

И я впервые правде не поверю
За столько лет, за столько трудных дней,
Когда услышу за знакомой дверью
Знакомый голос матери моей.

И я войду – и тут же, у порога,
Я поклонюсь тебе, родимый дом...
За дни войны мы испытали много –
Но как мы этот день переживем?

1944

– Задача, решаемая вами этим проектом – понятна. Ясно и назначение издания. Отсюда интересно узнать, каков тираж антологии и как она будет распространяться? Сможет ли ее приобрести обыкновенный читатель в частном порядке, например, купить в интернет-магазине или в книжном магазине, но тогда где, только в Москве?

– В выходных данных указано: издание некоммерческое. Т.е. распространяется бесплатно. Продаже не подлежит. Жаль только, что тираж ее для России (не говоря уже о необъятной территории бывшего СССР) слишком мал – 3000 экземпляров. Надеюсь, что после выхода антологии и положительной прессы, государство обратит внимание на непреходящее значение этого издания.

Мы надеемся, что каждый участник и наследник сможет получить свой авторский экземпляр с подборкой стихов.

Было бы великолепно, если журналы России начали общими усилиями перепечатывать нашу антологию – автора за автором. Пусть даже это будет продолжаться несколько лет. Может, это поднимет их подписку... И наш небольшой тираж обретет всероссийский масштаб. Тогда страна узнает всех своих поэтов. Ведь книги большинства из них почти невозможно сегодня найти.

Поводом для подражания редакторов должен бы послужить ваш пример и нескольких российских журналов и альманахов. Когда после выхода антологии «Наше время» в разных уголках страны стали из номера в номер издаваться произведения ее участников. Это была небольшая, но важная победа. Наше поколение, с легкой руки Игоря Михайлова названное «новые шестидесятники», начало планомерно занимать подобающее ему место.

– В прошлом году у меня состоялся разговор с Анатолием Анатольевичем Парпарой, в котором я сообщил ему о том, что вы работаете над антологией поэзии о ВОв, и, в частности, высказал ему, Борис Иванович, услышанное от вас мнение, что в XX веке в нашей литературе, в основном, публиковали стихи о войне что-то около 50 поэтов, а остальные талантливые авторы остались как бы в тени раскрученных столичной тусовочной пропагандой имён. В ответ на это Анатолий Анатольевич мне сказал, что это не так. Например, он сейчас работает над антологией поэзии о ВОв, которая охватывает творчество 150 поэтов-фронтовиков. Чем же отличается ваша антология? Например, Парпара стихи каждого поэта предваряет статьей о нем информационного характера, в том числе, дающей представление не только о биографии автора, но и об особенностях его творчества. По какому пути пошли вы? И, конечно, хотелось бы, чтобы вы вкратце познакомили нашего читателя с ее содержанием, чтобы заинтересовать его.

– Работу Парпары я знаю. Почти все он публикует в «Литературной газете». То, что он расширил список авторов до 150 – это грандиозно, но только для него. А не для русской литературы. Хотя, по его словам, он работает несколько десятилетий. Если бы он больше думал о славных своих предшественниках и современниках, то в этом списке было бы значительно больше имен. Примерно тем же, что и Анатолий Анатольевич занимается Сергей Федорович Дмитренко. Он даже успел издать свою версию антологии. Совсем небольшая, но полезная книга.

В свое время в 1960–1970-е годы были организованы, в частности, поэтом-фронтовиком Владимиром Кирилловичем Карпеко (1922–1993), несколько книжных серий «Пять обелисков», «Имена на поверке», «Строка, оборванная пулей», которые возвращали полузабытые имена поэтов. Почти все, что якобы находят нынешние исследователи, были тогда напечатано, исследовано, но из-за малых тиражей, накрепко забыто.

Вот одно из стихотворений В. Карпеко:

НА ПЕРЕПРАВЕ

Мы отходили... Дым пожаров
Стоял как черная стена.
Над ледяной осенней Нарой
Ругался хрипло старшина.

Он направлял угрюмо к броду
Всех уцелевших от огня...
Солдаты пробовали воду,
Погоду чертову кланя.

А немец бил без передышки,
К снаряду рядом клал снаряд!
Кромешный ад... Не тот, из книжки,
Уже не страшный Дантов ад!

Но адом ад, а там, за речкой,
Уж свой не сменишь гардероб –
Не баба ждет на теплой печке,
А тот же стылый ждет окоп.

И потому обмундировку
Несли, раздевшись донага,
Ремнями пристегнув к винтовке,
Приклад – вперед, штык – на врага.

Одной рукой держа вещички,
Сигали вниз из-под куста,
Другой, как в бане, по привычке
Прикрыв причинные места.

И старшина сказал со вздохом:
– Ну, энти фрица будут бить,
Коли в таком переполохе
Не забывают стыд прикрыть!

...Уже в Берлине, в сорок пятом,
Когда кончали мы войну,
Я вспомнил Нару, брод треклятый
И оптимиста старшину...

А Парапара... Пусть он думает обо мне, что хочет, но равнодушия Союза писателей, в котором он не последнее лицо, никуда не спрятать. Ни один СП на уровне руководства не помог нам. Помогали отдельные люди в разных городах, сотрудники журналов и газет, Интернет-порталов.

А он из поколения шестидесятников (родился в 1940 году), а эти наши коллеги-предшественники всегда заботились о себе, и не только учеников не оставили, но и предшественников не сильно тили.

Я принадлежу к другому поколению. Ни то, чтобы я какой-то особенный подвижник. Похвальба здесь ни к месту. Но, когда Дмитрию Мизгулин – автор идеи антологии – уговаривал меня взяться за этот проект, он приводил всего один довод, что мы обязаны это сделать – как дети и внуки победителей. На меня этот довод и сейчас действует словно допинг.

Еще одна особенность антологии: в нее включены стихи, посвященные только Великой Отечественной войне и памяти о ней в поколениях! Т.е. отбирались произведения, написанные с 1941 года по наше время.

Мы не включили по этой причине очень много стихов, известных ранее и остающихся на слуху, написанных по следам Финской зимней войны, Халхин-Гола, Испании и даже начала Второй Мировой. У тех же К. Симонова, И. Эренбурга, М. Цветаевой много произведений осталось за «бортом» нашего проекта.

Пришлось очень внимательно отнестись к датам, уточнять их. Некоторые произведения изымались уже из верстки. Но я уверен, что какие-то «ошибки» всё равно остались. Пусть читатель и филолог не будет слишком строг к нам. А заметив недочет, ошибку, подскажет нам о них.

– *Борис Иванович, так как построена антология?*

– Впервые творчество нескольких поколений поэтов страны, объединенное общей темой Великой Отечественной войны и памяти о ней, собрано и представлено столь широко и полно. Наша «Война и Мир» охватила весь XX век и заглянула даже в XXI. Великая Отечественная до сих пор живет в сердцах и памяти детей и внуков ветеранов. Поэтому самым сложным было в самом начале оценить объем нашей работы. Как делить поэтов по поколениям? ... Уже составляя подборки, стало ясно, что Отцами мы будем называть две группы авторов: до 1927 г.р. и с 1927 по 1945 г.р. Тех, кто, так или иначе, пережил войну. Оказалось, что родившихся до 1927 г. более тысячи человек. Уже при сверстанных первых томах оказалось, что авторы все обнаруживаются и обнаруживаются. Так, несомненно, по моей ошибке, подборка Владимира Александровича Луговского (1901–1957), например, не попала в свой том. Теперь и его, и других «опоздавших» подборки окажутся в Приложении в последующих томах.

С Владимиром Луговским ситуация анекдотическая. К нему с первых дней войны было несколько пренебрежительно-насмешливое отношение из-за пережитого стресса во время бомбежки. Ни в одной антологии не было ни одной его строчки. Я и сам купился на такую «черную метку». А потом, благодаря книге Захара Прилепина о поэте, в которой очень ярко показаны именно годы войны и роль их в судьбе писателя, решил перечитать-перелистать его собрание сочинений. И стихи-то о войне у него оказались какие! И в числе их одно из немногих в поэзии тех лет, написанное белым стихом «Москва. Бомбардировочные дни» (1943–1956)! Уверен, мало кто это стихотворение вообще читал. А оно удивительно лирично и трагично.

Вот отрывок из этой минипоэмы:

...Она стоит над утренней Москвой,
Вдыхая древний ветерок пожаров.
Вся подалась вперед, все изменилось
В балованном людьми большом ребенке.
Над сизолапым хмелем и вьюнками
Летит лицо, темнее темной тучи,
Угрюмо-волевое, и не знаю,
Какая мысль течет в таком лице.
От корпусов Иванова и Пресни,
От яростных ткачих, от забастовок,
Упрямства смертного, кержацкой воли
Раскольниковых неведомых скитов

Пришло лицо. А рожки завитые
И маникюр чертовский, красно-рыжий,
Шифон и туфли – все дождем сползло.
И только злость, водившая Россию
В години бед, застыла, словно слепок,
На смуглом и нерадостном лице.
Врагу не по душе лицо такое,
Не стоит на него глядеть бесстыдно –
От этих баб курганных смерть идет.
И что в тебе особенного было:
Десятилетку кончила, ломала
Танго на вечеринках мастеров,
Врала отцу и матери грубила,
Американские глотала фильмы,
А поглядишь – и потеплеет сердце.
Порода наша – нечего сказать!
Напрасно ты, раскосая, зубрила
Журналы мод варшавского издания,
И ловкая подружка-чистоплюйка
Тебя склоняла к хитростям своим.
Не ей тебя учить искусству гнева –
Мы в этом деле больше понимаем,
Ребенок, над рассветною Москвой.

Для меня важным было не разделять авторов по политическим пристрастиям. Если в годы войны и после были настоящие стихи про партбилет, комиссаров, то почему эти произведения должны быть забыты? Мало ли какие еще политические взгляды будут у будущих поколений. В любом случае потомки должны видеть истинную картину русской литературы прошедших десятилетий со всеми пристрастиями, слабостями и открытиями. Хотя бы потому, что почти ни одно собрание не обходится до сих пор без стихов Александра Межирова «Коммунисты, вперед!».

А еще было необходимо показать многонациональный состав той страны, которая победила; ее поэтов, прошедших войну и рассказавших о ней. Сегодня почти все антологии составлены из произведений русских и русскоязычных авторов, как будто не было удивительного разнонационального братства.

Подборки у всех разные по объему. У самых известных – приблизительно одинаковые. Но это не одно или два стихотворения, а полноценная картина творчества того или иного автора, произведения, во многих случаях написанные в разные годы их жизни. У мало знакомых широкому читателю писателей подборки обширнее, хотя принцип лучшего произведения стоял во главе угла! Потому некоторые в книге представлены одним стихотворением. Хотя и было такое, когда найти большее количество стихотворений оказалось невозможным из-за недоступности архивов или изданных книг.

Непросто было найти фотографии и биографии всех авторов. Но мы, общими усилиями, все же выполнили и эту неподъемную задачу.

Так что, перефразируя Владимира Карпеко, наша антология еще и попытка «стыд прикрыть» перед потомками. Не остаться в их памяти «Иванами родства не помнящими».

– Недавно в Смоленск приезжали представители русского Пен-центра, которые презентовали в областной библиотеке им. А.Т. Твардовского электронный проект двухтомной антологии произведений о ВОВ. Проект рассчитан в основном на библиотеки России. Как я понял, они ездят по регионам и проводят презентации в центральных библиотеках. Как составители антологии «Война и Мир» думают продвигать к читателю свой проект? Планируются ли презентации?

– Я не уверен, что работа с библиотеками сегодня может расширить круг познакомившихся с книгами. Сегодня лучше всего разместить антологию в свободном доступе в Интернете. Это принесет больше пользы читателям и литературоведам. А еще я бы провел презентации только в тех городах, где еще живут авторы-ветераны. Их осталось около сорока человек в стране и мире. И сделать это не из-за самого проекта и желания «посветиться». А для того, чтобы на этих удивительных людей еще раз обратили внимание их земляки. Есть такие люди и в Смоленске, и в Брянске, и в братской Беларуси...

Организацией рекламы проекта, думаю, будем заниматься не мы с Юрием Перминовым, а Литературный фонд «Дорога жизни» и Д.

– Спасибо за беседу, Борис Иванович. Светлой дороги антологии «Война и Мир» к сердцам читателей, к нашему народу! А вам, Дмитрию Мизгулину и Юрию Перминову – новых творческих задумок, стихов, статей и проектов!

P.S. Антология «Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI веков» имеется в Смоленской областной научной универсальной библиотеке им. А.Т. Твардовского, Центральной городской библиотеке г. Смоленска им. Клестова-Ангарского (подарена библиотекам Б.И. Лукиным на литературном вечере в Центральной городской библиотеке г. Смоленска им. Клестова-Ангарского в феврале 2018 года, посвященном Н.И. Рыленкову).

Александр АГЕЕВ

ЕГО КАМЕРТОН – ИСКРЕННОСТЬ

В предисловии к сборнику стихотворений Владимира Макаренкова «Камертон» известный российский поэт Борис Лукин объяснил, почему ему близка поэзия этого автора: «Он искренен перед собой и перед нами в своих стихах».

Эта фраза дала мне повод вспомнить, что искренность как принцип художественного творчества отстаивал наш выдающийся земляк А.Т. Твардовский. Общеизвестно, что он под конец своего первого редакторства в журнале «Новый мир» в декабре 1953 года опубликовал статью Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», где была высказана простая, но крамольная в те времена мысль, что писать нужно без оглядки на то, какая реакция последует «сверху».

Однако наше литературоведение до сих пор проходило мимо того факта, что приоритет в выдвижении принципа искренности в творчестве принадлежит тоже нашему земляку, одному из ведущих советских стиховедов профессору Борису Михайловичу Эйхенбауму. Как и Лукин, он написал об искренности в предисловии – к сборнику стихотворений юного выходца со Смоленщины, своего студента на филфаке Ленинградского университета Владимира Заводчикова. Искренность Б.М. Эйхенбаум полагал необходимым условием в отражении новых общественных процессов в стране. Высказано это было за четверть века до Померанцева, но в годы господства вульгарно-социологической критики, естественно, широкого резонанса не получило. Кстати, подлинник предисловия вместе с частью личного архива Заводчикова хранится в Рославльском историко-художественном музее.

Этот экскурс в прошлое, надеюсь, даст лучше понять не только то, что, перефразируя классика, «у смоленских собственная гордость», но и то, что Владимир Макаренков четко осознает свою включенность в общественные и литературные традиции: «Не отрекись, до смерти не забуду, || Что в новый век из прошлого пришел». Собственным стихам в «Камертоне» он предпослал стихотворение А.Т. Твардовского:

...Так что – какую тропюю
Ты по земле не ступил,
Знай, что перед тобою
Здесь уже кто-нибудь был.

Был Исаковский. У Макаренкова в стихотворении «Валенки» есть строка: «Без чуда сказочных калош» – и в ней, как в капле воды, отражается сходство в восприятии мира обоими поэтами. Чтобы пояснить это утверждение, расскажу, как в 1970 году, участвуя в подготовке подарка М.В. Исаковскому к его 70-летию от студентов Смоленского пединститута – альбома о его малой родине, я в селе Выходы записал рассказ одного из земляков Михаила Васильевича о том, как, приезжая в родные места, поэт любил ходить по грибы и каждый раз приносил полное лукошко. Когда его спросили, как ему с очень

слабым зрением это удается, он ответил: «А у меня калоши волшебные: там, где гриб растет, они оскользаются».

Был Николай Рыленков, у которого Макаренков учился среди прочего и искренности. Николай Иванович всю жизнь в своем творчестве полемизировал с Борисом Пастернаком, прекрасно понимая его значение в поэзии. Он очень переживал, что его подпись поставили без его согласия под письмом, осуждающим напечатание «Доктора Живаго» за границей, он был честен перед собой, проявил мужество и тогда, когда два года спустя выступил с прощальной речью на похоронах опального поэта.

Но главное – Н.И. Рыленков со схожими по творческой манере поэтами, такими как А. Яшин, был среди предтеч направления «тихой» лирики 60–70 годов прошлого века, которое противостояло «эстрадной» поэзии. Об этом я уже говорил в статье «Горький мед Рыленкова», напечатанной в «Смоленской газете» в 2009 году. Поэтику этого направления в значительной мере унаследовал Владимир Макаренков.

Одно из ярких отличий «эстрадников» от представителей «тихой» лирики – в характере используемых сравнений. Первые уподобляют живое вещам («Мой кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир» – А. Вознесенский), вторые – наоборот («Этот город деревянный на реке, // Словно палец безымянный на руке» – О. Чухонцев). Здесь кроется базисное мировоззренческое различие: стремление одухотворить или овеществить мир.

Можно любоваться, какими точными мазками рисует окружающее Владимир Макаренков: «Телевизор в доме вроде печки // Пламенем эпохи замерцал», «Жизнь смешная, непутевая моя. // Тротуар ее опутал, как змея», «На стене, как кожа, штукатурка // Вздуплась пучеглазым пузырем».

Однако В. Макаренков вступал в поэзию в 80-е годы прошлого века, когда два мощных направления в русской лирике уже исчерпали внутреннюю энергию, и их различия нивелировались и органически слились в творческой практике нового поколения поэтов. Макаренков, более тяготея к «тихой» лирике, воспринял и черты поэтики «эстрадников», и главная из них – полемичность, проявляющая себя в прямых обращениях к читателю, риторических вопросах и восклицательной интонации, антитезах, таких как «Тишь в деревеньке, а слышатся взрывы». Приведу еще пример значимого противопоставления омонимов:

Я не кладу доллары в банки!
У нас с процентов не живут.
Другие дороги мне банки –
Под консервации идут.

Частенько в ткань стиха проникают диалоги, прямая речь современников – и вспоминаешь «Василия Теркина».

Поэт и традиционен, и новаторски освежает привычные значения слов. В строке «Ударив по струнам игристым», например, создан яркий образ за счет расширения смысла слова: игристыми бывают и вина. В своей давней студенческой научной работе я применил к подобным случаям термин «мерцание смыслов». Такой прием повышает

смысловую емкость слова. У меня возникла не столь уж и неожиданная ассоциация по созвучию со стихами Б. Пастернака:

Сколько нужно отваги,
Чтоб играть на века,
Как играют овраги,
Как играет река,
Как играют алмазы,
Как играет вино.

Да, в восприятии читателя слово поэта разряжается, как конденсатор, и чем больший кусочек мира он осветит – тем ценнее текст стихотворения.

Есть у Макаренкова и слова, которые он создал сам – окказионализмы: «мимо олесившихся лугов», «шелкокрыло порхаю», «светохор», «думокрады» – тут нельзя не вспомнить об особенностях стиля А. Вознесенского.

Мастерство Владимира Макаренкова иногда проявляется явно: нельзя не заметить анаграмму слова «Искренность» в одноименном, одном из программных стихотворений сборника: «И глушит виски искривленное пространство». Фонологическая организация стиха у Макаренкова всегда связана со смыслом. В строке «От грез очнувшись, в сад смотрю с тоской», например, повтор «с» создает впечатление протяженности во времени, длительности действия. Иногда аллитерация на первый взгляд не заметна, и это тоже говорит об органичности текста:

Доверху наполнится корзина.
Колкая, как ёжик, не поднять.

Синтез «тихой» и «эстрадной» поэзии был неизбежен потому, что они оказались слишком односторонними, развивали каждая свою часть тенденций русского стихосложения, и потому, что они опирались на созданный предыдущими поколениями поэтов базис – тематический, образный, ритмический. Вспомним Твардовского: «Здесь уже кто-нибудь был».

Лишь один пример из области стиховой ритмики. В поэтическую практику давно вошел песенный народный размер знаменитой «Камаринской» – шестистопный хорей. В начале XIX века свою песню «Вдоль по улице метелица метет» создал Дмитрий Глебов в начале XX века стала хитом песня Евгения Веревки «Помню, я еще молодухой была» в исполнении Надежды Плевицкой. В это же время появилось стихотворение яркого представителя модернизма Иннокентия Анненского «Сиреневая мгла»:

Наша улица снегами залегла,
По снегам бежит сиреневая мгла...

А в 60-70 годы прошлого века произошел мощный всплеск в использовании этого стихотворного размера. В своей «Истории русской поэзии» В.С. Баевский приводит цен-

тон из строк, написанных этим размером. Среди авторов центона – и «тихие», и «эстрадные» поэты: здесь и цитировавшийся выше Олег Чухонцев, и Андрей Вознесенский:

...Она сядет, сигаретку разомнет,
«Мальчик, – скажет, – ах, какой у вас акцент!
Закажите мне мартини и абсент».

Шестистопный хорей имеет довольно четко выраженный экспрессивный ореол. Поэтому и стихи Владимира Макаренкова хорошо вписываются в традицию. Его строки

Провода, кусок дороги и дома,
Глыбы каменные, а не терема

могли бы предшествовать стихотворению И. Анненского, другие –

В синеву над синим лесом... Далеко...
Там дышать и думать вольно и легко

вполне могли бы войти в центон после строк этого поэта, а двустипшие

Жизнь смешная, непутевая моя,
Тротуар ее опутал, как змея

достойно продолжить отрывок из А. Вознесенского.

В «Камертоне» много сильных, первоклассных стихотворений. Взглянул для себя перечислять их – и не хочу переносить на бумагу: слишком длинным окажется список.

Иногда хочется поспорить с автором. Не вызывает сомнения искренность его религиозных чувств, но манифестация их во многих стихотворениях сборника вызывает впечатление навязчивости. Вспомним: у всех выдающихся русских поэтов упоминания о Боге единичны. И уж никак не могу согласиться с обобщением: «В Бога верят на передовой». Здесь я солидарен с нашим земляком, прошедшим ужасы войны писателем Борисом Васильевым, сказавшим во времена сплошного псевдовоцерковления, в 1997 году: «...воевавшие офицеры легко расстанутся с Богом, на личной судьбе испытав нестыковку постулатов с реальной жизнью». Впрочем, в мирное время нестыковок тоже предостаточно...

Несколько замечаний о рифмах Макаренкова. Изысканных типа «я – маньяк» или «домочадцы – стучатся» мало. Больше держащихся на минимуме созвучий. Стремление к опрощению рифмы вплоть до отказа от нее и перехода к белому стиху и верлибру – одна из тенденций поэзии двадцатого века. Даже мастера стиха не всегда осознавали это. М.В. Исаковский критиковал молодых поэтов за неточность, приблизительность рифмовки. Но известный стиховед М.Л. Гаспаров показал, что у него самого большинство рифм – из тех, что называют небогатыми. Недаром виртуоз стиха Андрей Вознесенский говорил: «Как нам нужна в поэзии | | Святая простота...» У В. Макаренкова встречаешь иногда рифмы типа «добро – тепло» или «бытия – себя», и удачными их нельзя назвать,

потому что это предел опрощения. Другая крайность – сравнительно частое употребление рифмовки слов, принадлежащих к одной части речи, причем в одинаковых формах: «лесок – сапог», «распахнуть – дотянуть». Все-таки рифма – это метроном ритма, и он должен быть достаточно громким, это граничный знак размера, и он должен быть достаточно заметным. Такая грамматическая рифмовка оправдана, если выполняет определенную художественную сверхзадачу. Так, мастер стиха Николай Глазков в одном из своих двустиший высказал вполне здравую мысль, что коммунизм лучше социализма. Но срифмовав эти два слова, он привнес в смысл высказывания долю иронии.

Впрочем, погрешностей в стихах из «Камертона» неизмеримо меньше, чем творческих достижений. Свой сборник Владимир Викторович завершил, как и начал, стихами Твардовского: «Я сам дознаюсь, доищусь // До всех своих просчетов». Хочется пожелать автору успехов в этом.

Борис ЛУКИН

ПОПОВ А.Г. Ловцы человек. Стихи. – Сыктывкар:
Союз писателей Республики Коми, 2014.– 192 с.

ЧЕТЫРЕ. ДЕВЯТНАДЦАТЬ. ДВАДЦАТЬ ДВА

Республика Коми славится своим книгоизданием. Правда, русскоязычную поэзию как-то странно чтят. Национальная упертость не позволяет признать возможность адекватного перевода на чужой русский их национальных авторов. Так случилось с изданием книги билингва Александра Лужикова. В которой от почти двадцати поэтов-переводчиков со всей России (которые не первый десяток лет занимаются этим, известны своими работами всей стране) осталось человек пять, а половина объема была срочно сделана местным автором. Тут Лужикову повезло – этим автором оказался Андрей Попов. Это сильно скрасило поведение местных националистов – выбрали достойного. Попов – прекрасный поэт и переводчик.

Но, может из-за этакой упертости, как такового института редактора-составителя в Сыктывкаре сегодня нет. Авторские книги чаще всего выходят в виде сборников стихов. В которых стихи из прежних книг дополняются «до объема». Такой сборник сейчас перед нами.

Как говорит прозаик Ильдар Абузяров: «Когда читатель протягивает руки к приглянувшемуся корешку, навстречу ему уже тянет две руки с книгой Бог. Ну, или бес...».

Вот и захотелось разобраться, от кого же подарок. Собирался сначала сделать небольшой отзыв, но материал оказался слишком серьезным для поверхностного разговора. Если читатель ждет от меня построчного разбора, разговора о тропах и открытиях в поэтической форме, то – разочарую: задача моя иная. Разговор куда глобальнее, обобщеннее – о поэте и его творчестве. А литературоведческие филологические изыскания оставим университетским работникам.

О ТОМ, ЧТО ДУША МОЖЕТ ЖИТЬ БЕЗ ТЕЛА

Читателей у поэта Андрея Попова с каждым годом будет все меньше. Потому что его читатель – не просто любитель поэзии, а человек или уже верующий или ищущий свою веру. А по всем статистическим данным в России православных чуть больше 6,5 %. Тех, кто не только изредка посещают храм, но и исповедуются и причащаются, читают Евангелие, Жития Святых, молятся. А значит – их меньшинство. А сколько из них читают настоящую поэзию? Единицы, особенно после издания всяческих «несвятых святых»...

Тут бы надо создать очередное сообщество меньшинства. Начинать защищать права человека на уровне всяких международных организации.

Но мы просто начнем разговор о поэзии. Так как и поэты сегодня относятся к меньшинствам. А верующие поэты, а не версификаторы-филологи-словоблуды, не неофиты, не литераторы-монахи-священники – в еще большем меньшинстве.

Внимательный читатель здесь воскликнет: «Ах, вот почему у него такое странное название статьи!..» Это он их посчитал. И по-своему окажется прав. Посчитал...

Хотя дело, конечно, не в математике... И цифры тут совсем по другой причине. Андрей Попов поставил в название слова из Евангелия от Матфея, и слова эти из стиха 4.19.22.

Поэт, таким образом, выносит не просто в эпиграф, а в заглавие, в лозунг мысль: «Читайте мои стихи, внимайте им, я не от себя говорю...»

Строки эти – прелюдия к другим, которые тоже в Евангелии: «Идите за мной». Но никаких пророческих речей далее вы не услышите. Поэт просто живет с Книгой в руках, с душой – внимающей Слову. А посланное Свыше – говорил Другой. Вот только слушать сегодня хотят (или могут?) единицы.

Есть ли в мыслях А. Попова еретические помыслы? Не знаю. Есть гордыня? Может быть... но не больше, чем у выходящих на сцену получать литературную премию из рук Патриарха.

А значит, мы можем относиться к написанному А. Поповым с не меньшим доверием, чем к любым прочим сочинениям, обращенным к душе читателя.

Во все века бытовые потребности люди могли удовлетворить сами. А восполнять духовную жажду им помогали если не сами Апостолы, то люди творческие, одухотворенные. И про это у Попова есть пара строк:

Мы стоим на горе, где стоят города,
Светим миру... Точнее, горим – от стыда...

Это отправная точка нашего рассуждения над книгой. Так и хочется процитировать здесь строчки почти забытого ныне Николая Асеева: *«Читатель стой! Здесь окрик и граница:// Здесь вход и форт, не конченный еще;// Со следующей он открыт страницы// И только – грудью защищен!»*

Хотя и форт и граница у Асеева были совсем другие...

ПОСТРАНИЧНАЯ СУДЬБА

«Я давно не читала такую книгу стихотворений. А, может, никогда. «Ловцы человек» Андрея Попова – событие не только в литературной жизни Республики Коми, но и в литературной жизни России, как и, вообще, в жизни сегодняшнего общества, – отмечает народный поэт Республики Коми Надежда Мирошниченко. – Книгу надо читать целиком, ибо это не просто исповедь автора, чем всегда является творчество настоящего поэта, а цельная Судьба Человека, по высокой собственной потребности взявшего на

себя служение высшим духовным ценностям, почти утраченным сегодня большинством из нас. Поэта, с самой юности и до сегодняшнего дня вставшего на тернистый путь Истины и возвращения к Богу, возвращения в духовное поле православной России, объединившей в своем трудолюбивом поиске все ценности, которые мы называем сегодня Русским миром».

Вот так – ни больше ни меньше Н. Мирошниченко отозвалась о труде своего коллеги А. Попова. Очень громкое заявление во многом «общими», отпугивающими от книги словами. Особенно вторая его часть. Но, зная эмоциональность Мирошниченко, следует понимать как поэтическую экспрессию все сказанное после слов «цельная Судьба Человека...».

Вот так у нас писателей всегда. Или мы переживаем, перехваливаем, или совсем не замечаем и замалчиваем. А поэту, такому, особенно, как Андрей Попов, и при той, и при этой ситуации совсем не сладко приходится. Ждет автор серьезного разговора, а его нет. Нет собеседника. Да и откуда взяться ему в коми-пермяцкой стороне.

И все-таки, и это не странно, Мирошниченко почти во всем права.

А уж она и почитала, и повидала в современной литературе немало. А к тому же и сама – писатель талантливый и уважаемый. Я хорошо запомнил ее «Белую сотню», книгу удивительную по целостности не только стихового строя, но, в первую очередь, авторской выстроенности и, конечно, эмоциональности.

Произнесли – «Судьба поэта»... Но говорим ли мы сегодня в прессе, на телевидении о судьбе поэта? О его роли в мире? Если укрупнить – о роли писателя? Роли – вообще!..

Чаще всего подразумеваем, но стараемся не дразнить либеральных критиков и умалчиваем о существовании такой роли. Оставаясь в тени авторов, которые на первом месте ставят развлечение читателя, отвлечение от повседневности, упразднение из сознания каких-либо мыслей на вечные темы.

Книга «Ловцы человек» разделена на четыре части: «Время света», «Молитва русских», «Нелетное поле», «Тень апостола». Этакая постраничная судьба...

Каждое из названий главок отсылает к одноименным стихотворениям.

Если каждый период жизни может рассказать о себе очень много, то и глава настоящей книги – очень разговорчивый собеседник. Что же мы узнаем?

«**Время света**». И главу, и само стихотворение пишет человек, осмелившийся в толпе безгрешных современников сказать (выстрадав это признание) о себе и о нас, т.е. и обо мне:

Как много их – святых и строгих,
 Познавших души и успех!
 А мы с тобой грешнее многих,
 А мы с тобой грешнее всех...

Поэт, знающий *«Как становится светло, Когда уже темнее быть не может»* повествует нам о том, что мы обычно за суетой не замечаем – о промелькнувшей жизни, ежечастной, ежедневно... в которой *«все предвещало// Лишь простые счастливые дни»*

Всем предвещало! Всем героям книги. Всем спутникам жизни поэта: выжившему в аварии деду Василию... и пешеходу, провалившемуся до самого дна во время хождения по водам, и другому, умирающему в канаве и ждущему самаритянина... и бесноватому, «живущему где-то во гробах»... и химере-демону, которого герой изгоняет из храма единственно возможным способом: смирением и словами *«А ты бы шел. Тебе неинтересно. И в храме нашем тесно. Ты бы шел...»*

Такая тихая обыденность не предвещала... смерть сына. Смерть – вызвавшую у автора к жизни философские стихи о многом, что, при привычной бытийности, старается быть забытым. Например, забывается такой простой смысл: *«Судьба – это путь»*. Путь – в финале которого нас может ждать Свет, если нам это очень будет надо, если мы об этом будем не просто молиться, а страстно требовать этого:

И спросят с нас! А для ответа
Какой у нас с тобой расчет?! –
Мы ждем упрямо время света,
И значит, к нам оно придет.

Придет – нам это просто надо
Сильней, чем строгим и святым...
Христос поднимется из ада.
И мы поднимемся за Ним.

Поэтому стихотворение «По электронной почте» – совсем про меня, поэта из деревни, пишущего про сенокос, навоз и все такое, что на «городских, хмельных и тонкокожих» так действует в селе. Но главное здесь в другом – в выводе, который очень долго был непонятен и поэту, и герою – автору письма, лечущемуся деревенской работой: *«Уже не повторяю: жизнь – навоз, Хоть жизнь навоз. Но легче стало что-то»*.

И мне этот вывод был долго жизненно непонятен. Я это понимание почти параллельно с Поповым прочувствовал. Высудьбил! Выстрадал! Нарботал! Высказал: *«Здесь жили предки лет пятьсот.// Здесь вызывает все восторг,// Когда навоз отчистишь...»*

Если правильно понять стихотворение «Исход», то становится ясно, в деревеньке врать некому, не перед кем форсится и рисоваться «выдуманными чувствами», не перед курами и коровами же... И тогда приходит время оглянуться на свою жизнь не просто трезвым взором, а честным совестливым взглядом. А эта честность и сподвигнет к молитве. А без нее никак этот взгляд не обретается:

...когда неприступную даль я вижу,
...когда гляжу на Небесный свет,
Бог становится рядом, подходит ближе –
Никого в пути ближе Бога нет.

А в книге молитва подведет нас к следующей главе – «Молитва русских». Тут нельзя не вспомнить уже навязшее в зубах стихотворение-анекдот Николая Зиновьева про молящихся перед боем русских. Попов этот же смысл, похожий сюжет, передает нам не через притчево-анекдотно-кузнецовскую манеру, а сквозь зеркало исторической ситуации – утра перед Бородинским сражением.

Он напоминает нам, что Наполеон шел освобождать Россию не от крепостного права, а от церковной власти, т.е. христианской веры, которая, по его мнению, была дикарской. Революция во Франции и ее «наимудрейшие» – не свободу дали, а отменили обязанность, а с ней и сделали стыдным само право человека верить в Бога и помнить про Совесть.

Как модны ныне чувства корсиканца! —
Привычно усмехнуться:
разве может
помочь нам пенье церкви?
(«Молитва русских»)

«Человек, обращающий другого к праведности, назван мудрым, и он будет сиять во век», – сказано в книге Притч. Ох, уж эти «мудрецы» и их либерально-демократическая «праведность»! Как далеко все это от Книги Притч...

Нашел я в одной из своих заметок о предыдущей книге А. Попова такие слова: «Я слышал, как автор читает свои стихи. Зал всегда ждет его несколько ироничную манеру мудрого собеседника. И хотя ирония его вовсе не смешит, хотя и вызывает порой грустную улыбку, все же это единственный случай в моей жизни, когда я принимаю ее. Да и ирония ли это, если сердцевина ее – искренность: *«Хотел написать: Я никогда не буду счастлив. Но испугался – стихи так часто сбываются».*

В послании к Римлянам (1-я глава) апостол Павел вторит Божьей мудрости: «Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам...»

В этом отрывке нам следует видеть тот смысл, который понял поэт Андрей Попов. Главное для него не «готов благовествовать», а в словах «я должен». Не гордого человека слова – а человека служащего своему таланту.

Позже, в том же послании к Римлянам, в 9-ой главе, Павел говорит: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим.9:1-3).

Благовестие было тяжелым грузом на сердце Павла, это известно.

А слагание стихов, пронизанных житейской болью за ближнего (а и свою-то осилить едва сил хватает) – стало почти невыносимым крестом в судьбе Андрея Попова.

Из стихотворения в стихотворение поэт по-новому осмысливает Евангельские Притчи, вскрывая для себя и нас какие-то прежде непонятные ему (и мне тоже) нюансы,

Хотя бы потому непонятные, что не все из нас читают Толкования, не все стараются погрузиться глубже и глубже в бездонность смысла Святого Писания. А из этих размышлений поэт формулирует кратко самое важное, чтобы запомнилось и всплывало в памяти в нужный момент.

Всплывала молитва и понимание – зачем молитва нужна.

Да вот за этим:

Разделят и нас при кончине времен,
А, может, и выбросят – мелочь земную.
(«Тайна невода»)

Молитва... В дневниках последнего года жизни Л.Н. Толстого очень часто встречаются слова о постоянной «внутренней молитве», особенно во время выхода на люди и общения с окружающими. Об этом он думает постоянно, повторяя из дня в день слово «стыдно».

И это делает человек, исторгнутый из лона Церкви.

А Попов почти вторит ему:

Повторяю Отцу покаянные речи:
Виноват, виноват, виноват...

Попов по сравнению с Толстым совсем незаметен и для государства, и для Церкви. Если не считать последнего скандала с Сыктывкарским Владыкой, вдруг ставшим членом Союза писателей, вопреки мнению писателей той земли...

Но, думаю, что Бог слышит стихи как раз А. Попова, а не местного Высокопреосвященства – самонадеянного пиита.

Для Попова жизнь в поэзии – Служение. И ни на какое другое Служение он и не держит. Этого одного: кровного, судьбинного достаточно:

Дождем Твоим время стерло,
Но ветром вернешь снова.
Грехом мне сдавило горло.
А в горле, как кость, слово –

За то, что искал другую
Жизнь без дождя и ветра.
Но что, кроме слова, могу я
Тебе принести в жертву?

Есть еще и жизнь... Но об этом потом.

Но А. Попов, как каждый мирянин с начальным богословским всеведением срывается с «правильности» на самом простом – на отношении к миру:

Хочу возненавидеть мир,
Тем избежать печали,
Чтоб чувства и дела мои
Судьбы не замечали –

Не замечали дней и стран,
Смиряться понемножку...
Смотреть на мировой туман,
А видеть свет в окошке.

(«Монах»)

Тут уж простор для критики мирского поэта. Стоит попасть этой книге в руки вспыхивающего священнослужителя – и он камня на камне от нее не оставит. Но бояться этого не стоит. Пушкина поучали, Толстого – поучали... А недавно еще и Валентина Курбатова журили в одной из Епархий, запретив к тому же к продаже его книгу «Батюшки мои», за которую, кстати, Патриарх вручил ему свою премию. Так что Попов в отличной компании. С отличными стихами:

Не знаю, сколько мне осталось дней,
Но надо все простить,
Молиться чаще...
Стихи выходят – становлюсь сильней
Дожей и смерти.
Чем-то настоящим.

(«Сплошная осень – лета ни следа...»)

И вот тут опять показалось бы, что слова «условны», образы «придуманы», чувства – для красоты. Если бы в этой главе не оказалось еще много очень болезненных стихотворений, посвященных сыну. Единственному сыну... Убиенному сыну. Их я обсуждать не берусь. Хотя они будут близки всем людям, кто хоть раз в жизни внезапно потерял дорогого, а что еще страшнее – единственного – человека.

Ключевым в этой теме я бы поставил это стихотворение:

Представлю, что там не дома, а чертоги –
В благорастворении райских высот,
И нет ни унынья, ни даже изжоги,
И жизнь бесконечно и плавно течет.

Прощенные души о нас пожалеют,
Словам подбирая молитвенный лад...
И сын мой убитый по дивным аллеям
Гуляет, и ангелы с ним говорят.

И он улыбается жизни и свету,
Небесному счастью –
На каждом шагу!
Я так представляю. И плачу при этом.
Чего же я слезы унять не могу?!

А не может слезы унять, потому что на **«Нелетном поле»** никому ничем помочь уже нельзя. Тут обычные уставшие люди. И даже поэт почти разуверился в своих силах, что он другую жизнь вести должен. Он пьет, тоскует, бедует.

Птиц что-то нет – комары кругом,
Нет куликов для болот.
Ворона каркает ни о чем,
Думая, что поет.

Нет суматох над родным гнездом,
Утро, туман и быт.
К горлу неба подкатит гром,
Думая, что молчит.

И не укроет птенцов крылом
Черный, как грач, вертолет.
И время молится ни о чем,
Думая, что идет.

(«Нелетное поле»)

Некуда ему идти – *этому времени*.

Если это и не поле даже – а кладбище. Тут только «Мертвецы»:

Им Блок сказал: – Не лязгайте костями!
Не лязгайте костями, господа!
Но не лежится им в могильной яме,
Они встанут до Страшного Суда.

Они встанут, чтоб с нами поделиться
Познанием своим житейских драм,
Что ни к чему молитва и жар-птица,
Да и любовь к отческим гробам...

(«Мертвецы»)

Нет тут тех, за кого искренне молились. Здесь только самые искренние враги жизни и «летного поля».

Некуда идти по жизни?

Им некуда! А поэт дорожку свою знает. Еще в прошлых главах протоптал. Он находит в них еще одну – пусть маленькую зацепку – искренность, – и призывает себя продолжать молиться за врагов этих, «живых» и мертвых. Чтобы иссякло это время, которому некуда идти. Иссякло! Этого последнего часа иссякания поэт именно поэтому и не боится. Чего же тут терять в этаким безвременье, безголосье, немоте?

Те, за которых мы от души молились,
Мыслями о них наполняли храм –
Велика Твоя, Господи правый, милость –
Стали искренними врагами нам.

Могли бы выдумывать добрые лица,
Желать машинально «Господь храни»...
Надо теперь сильнее о них молиться,
Остаться искренними, как они.

Будем в молитве своей искренни, как они – в ненависти! Сильно сказано!

Но куда мы денемся с этого «нелетного поля», коли нас сюда судьбина занесла? Так и будем киснуть по пивным, трудовым коллективам, в самолетах и поездах, в личных автомобилях, на пляжах, на Луне и на Марсе... даже когда там будем – все равно поле останется нелетным.

Ну, куда ты полетишь, коли крыльев у тебя быть не может? Ползучие мы твари, но и нас любить можно, нужно даже. И поэт любит. Стараются полюбить. Потому и стихи иной раз ироничны. Опять же иронизирует он над собой, своей, на внешний взгляд, правильностью. Иронизирует, чтобы умники нелетно-залетные не укорили, не обвинили, не опозлили. Да и не боится он этого... Важнее, чтобы душу его не огадили. Пусть внешние атрибуты ее лицезреют. Нет у них инструмента такого, через который они душу поэта могут увидеть. Значит, так Господь им судил. Пусть такими уродцами и живут дальше. А Попов – поэт Андрей Попов – их пожалеет, даже поименно почти перечислит. Одного же Отца мы все дети. Даже те, кто не признается в этом. А стало быть, братья и сестры – ближние. А как их не любить...

Не так уж мало – повторять кафизмы...
Мой юный сын,
Не так уж это мало.

(Не так уж мало – верить и молиться)

ПРОСТИТЕ НАМ...

Надо помнить, что «Ловцы человеков» по Евангелию навсегда призваны совершать великое дело Благовестия – т.е. дело спасения утопающих в море греха от неизбежной гибели на рифах ада. И это величайшая Божья забота.

– Наставниче! – Симон сказал в ответ. –
Всю ночь трудились, а улов – трава и ветер.
Нет рыбы в море. Видно, рыбы нет...
Но я по слову Твоему закину сети...

Наставниче! Не покидает страх,
Всю жизнь трудились – а не стали, словно дети.
Как уловить любовь в делах, стихах?..
Но я по слову Твоему закину сети...
(«Ловцы человеков»)

Как входят в окно, я смотреть хотел,
Лес и небесная ширь.
И постигать за пределом предел –
И кротко читать псалтырь.

Вот небо и лес. И псалом второй.
И ветер поет строку.
И как мне вдруг тяжек предел земной –
Дальше читать не могу.

Я в зимний день без всякой цели вышел,
И был я рад, что снова одинок,
И свет дневной все тише был и тише...
Храни вас Бог.

Я шел без цели, но небесным знакам
Необратимо подступает срок –
И я учился понимать и плакать...
Храни вас Бог.

(«Тихий свет»)

И этот человек, столько переживший – не олигарх, не министр, не чинуша от литературы... всего мирского, что называется «в шоколаде», и не перечить. Этот человек скажет самое важное для каждого живущего. А точнее повторит за Ним, через всю свою судьбину пронеся, чтобы понять, выплакать и обратиться с простыми словами к своему современнику и читателю:

Прости меня, что я еще живой,
Что жизнь моя мне слаще винограда.

А почти 150 лет до нашего года Ф.М. Достоевский в одном из своих романов задавал те же самые вопросы и отвечал на них в чем-то похоже, а где-то и неожиданно:

«...До свидания! Ну, хорошо, ну, скажите мне сами, ну, как по-вашему: как мне всего лучше умереть? Чтобы вышло как можно... добродетельнее, то есть? Ну, говорите!

– Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье! – проговорил князь тихим голосом...»

Так, поживя со стихами, с мыслями при чтении, хотелось бы побольше цитировать. Но и так огромная статья получилась. Какому читателю терпения хватит?

И все же, жаль, что стихи эти не читаются в школах, на концертах в филармониях, не обсуждаются на семинарах в университетах, не критикуются на богословских факультетах... Восторга современный читатель хочет от жизни – легкости.

Эта книга способна дать и то и другое!

Но сначала надо научиться читать...

Страдать и прощать, правда, придется научиться раньше. Для того и живем!

2016, ноябрь–декабрь

Азáренков Антон Александрович – молодой поэт. Родился в 1992 году в г. Рославле Смоленской области. Окончил филфак СмоленГУ. Кандидат наук, участник смоленского литературного объединения «Персона». В 2017 году вышла дебютная книга стихов «***» (лонг-лист Международной Волошинской Премии в номинации «Лучшая поэтическая книга 2017»). Шорт-листер литературной премии «Лицей» имени Александра Пушкина (2018). Участник XXV Фестиваля свободного стиха (Москва), 18-го Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (2018). Публиковался в журнале «Знамя» (10, 2018). Преполагает литературу и журналистику в родном вузе. Живет в Смоленске.

Агеев Александр Александрович – поэт, литературный критик. Родился 10 апреля 1952 года в городе Рославле. Стихи пишет с 1972 года. Автор сборников стихов «Дебют» (1996), «Междувечье» (2005). Участник антологий «Современная поэзия России», «Великая Победа». Лауреат и дипломант нескольких литературных конкурсов. Руководитель литературного объединения «Истоки» (г. Рославль). Печатался в альманахах и коллективных сборниках, опубликовал в областной прессе более 30 рецензий и статей на литературные темы.

Алешков Николай Петрович – поэт. Родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. После службы в армии работал литсотрудником газеты Московского округа ПВО «На боевом посту». В 1972 году вернулся на родину. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей». В настоящее время – главный редактор литературного журнала «Аргмак. Татарстан». В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор десяти книг стихов, изданных в Москве, в Казани и Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г.Р. Державина и Всероссийской литературной премии «Ладога» имени Александра Прокофьева, премии им. Н.И. Рыленкова. Заслуженный деятель искусств РТ, почетный

гражданин города Набережные Челны. Живет в Набережных Челнах.

Бартфельд Борис Нухимович – родился в 1956 году в пос. Новостроево Калининградской области. Окончил университет по специализации «Теоретическая физика».

Автор восьми книг. Стихи и рассказы переводились на литовский, польский, немецкий и латышский языки. В 2013 году за просветительскую деятельность стал лауреатом премии Калининградской области «Сопричастность». Лауреат премии города Калининграда «Вдохновение» за лучшую художественную книгу 2012 года – сборник стихов «Пределы». Член Союза российских писателей. С 2010 года председатель Калининградской областной писательской организации.

Борохов Эдуард Александрович – афорист, поэт. Родился в 1948 году в Смоленске. Автор девяти книг афоризмов на все случаи жизни. Автор-составитель самой большой российской энциклопедии афоризмов («Энциклопедия афоризмов» в четырех томах) и пяти сборников афоризмов. Публиковался в сборниках, изданных в России, Украине, Литве, газетах и журналах. Афоризмы цитируются на десятках сайтов в Интернете, включены в Википедию и в Антологию современной отечественной афористики звучат в радиопередачах и спектаклях. Живет в Смоленске.

Брагин Никита – член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов. Доктор геолого-минералогических наук. Член литературного экспертного совета журнала «Северомуйские огни», г. Москва.

Голубкова Марина Дмитриевна – филолог, редактор, биограф Д.Н. Голубкова и исследователь его творчества, секретарь Комиссии Союза писателей по литературному наследию Д.Н. Голубкова, созданной в 1990 году. Составитель и издатель мемориального сборника «Дмитрий Голубков. Это было совсем не в Италии...» (ISBN 978-5-91146-771-5, Москва, Маска, 2013, 660 стр. с илл. в переплете). Автор многочисленных статей о различных аспектах творчества своего отца и подборок из его литературного наследия в российской и московской прессе и периодике («Наше наследие», Литературная газета, «Дружба народов», «Согласие», «Кольцо А», «Музыка и время», «Новый мир», итальянский журнал «Mosca oggi» и др.). Преподаватель итальянского языка.

Гонцов Сергей Александрович – Гонцов Сергей Александрович – поэт. Родился в 1954 году на озере Большое Белое в Южном Зауралье. Учился в Уральском государственном университете и Литературном институте. Работал в редакциях газет, журналов, в книжных издательствах. Один из наиболее значительных русских поэтов средне-старшего поколения из ныне работающих в нашей литературе. Его поэзия восходит к условной линии «Тютчев-Баратынский-Полонский-Анненский-Ходасевич-Заболоцкий» – практически нигде не соприкасаясь с «главенствующей» линией, – судя по тому, как уже почти столетие трактуется история русской словесности (и русской поэзии, в частности). Автор книги

«Исчезновение героя» Москва, изд. «Современник» 1991 год, Ethos (Преобладающая черта) Челябинск 1998, «Как ловить единорога» (Челябинск 2004 год, Издательство «Первый век»), «Есть безысходность в красоте» (Москва, «Рубежи XXI века») 2007 год. Стихотворения публиковались в антологиях «Час России» (составитель Виктор Астафьев), «Крым в русской поэзии» (составитель Владимир Коробов), «Русская поэзия XXI век» (составитель Геннадий Красников), «Лед и пламень» (издательство СРП), «Во имя Матери» (издание фонда «Возрождение Тобольска»), «Стихи о монголах» Бурятия, составитель Виктор Балдоржиев, «Строфы нового века» (русские поэты в переводах на грузинский язык), в изданиях: Литературная Россия, Журналах: «Юность» «Русская провинция» (Новгород-Псков-Тверь), «Литературная учеба» (Премия «Лучшая публикация года» за книжку в журнале – 1991 год, «У» (Москва) книжка в журнале, «Тамыр» г. Алматы (философия, поэзия, проза) Восточные мотивы (книжка в журнале), «Дон» (Ростов на Дону), «Ковчег» (Ростов на Дону), «Урал» (Екатеринбург), «Байкал», «Балотика» (Калининград), «Византийский ангел» (Киев), «Уральская новь» (Челябинск), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Человек на Земле» Москва, «Московский вестник», Цикл статей о литературе в «Независимой газете» и «Литературной России»; в альманахах: «Поэзия», «День православной поэзии», «Бийский вестник» 2004 год, «Как мир привык, как Бог велит» 2007 год, «Из белого света, из божественной тьмы» – книжки в Международные альманахи «Голоса Сибири» (Кемерово), «Просторы» (София, Болгария) стихотворения в

переводе на болгарский язык, «Морски свят» (Варна, Болгария). Лауреат российских литературных премий: Тютчевской, имени братьев Киреевских, Горьковской. Награжден Грамотой Министерства культуры. Член Союза российских писателей, руководитель Тверского регионального представительства. Живет в г. Старица Тверской области.

Горбунов Анатолий – член Союза писателей России. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского с вручением медали (за книгу стихов «Чудница», 1975), Всероссийского конкурса, посвященного 200-летию со дня рождения Г.-Х. Андерсена (грамота Королевского посольства Дании и Фонда «НСА-2005»), премии Международного конкурса детской и юношеской книги им. А. Н. Толстого. Награжден Знаком Министерства культуры РФ «За достижения в культуре», дважды лауреат премии журнала СП России «Сибирь». Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни», г. Иркутск.

Глыбина Юлия (псевдоним – Цепеліна) – поэтесса. Родилась в Орле, с 18 лет живет в Смоленске. Врач-ординатор кафедры анестезиологии и реаниматологии. Лауреат смоленского областного поэтического конкурса «Библиопарнас». В составе творческого объединения «Двойное Дно» выступает на площадках г. Смоленска, также участник смоленского проекта «Живые поэты».

Грачев Владимир-младший – лингвист-переводчик; перевел многие рассказы деда на английский язык, пять из которых вошли в сборник «Дмитрий Голубков. Это было совсем не в Италии...» с 2010 года соавтор публикаций и статей о Д.Н. Голубкове. Занимается также оцифровкой архива деда.

Гуренко Александр Владимирович – художник-декоратор. Родился в 1962 году в г. Златоуст. Окончил педагогический институт в Златоусте, отделение художественно-графическое. Работает в Смоленском Камерном театре художником-декоратором. Изданы книги стихов: «Фортуны взгляд» – 2009 год, «Стихи и поэмы» – 2013 год.

Дорогань Олег Иванович – поэт, критик-эссеист, афорист. Родился в 1956 году в городе Черкассы. Учился во Львовском военно-политическом училище, Военно-политической академии, служил в: Забайкальский военный округ (Монголия), Прикарпатский ВО (Ивано-

Франковск), Среднеазиатский ВО (Караганда), Северо-Западная группа войск (Таллин), Московский ВО (Ельня), подполковник в отставке. Член Союза писателей России, с 2013 года – секретарь Союза писателей России, председатель Смоленской областной организации Союза писателей России. Автор поэтических книг «Не гасите вечные огни!» (1997), «Аисты прилетели» (1998), «Хмелиада, или Исповедь скомороха на заданную тему» (2006), «Русь непреходящая» (2011), литературно-критических книг «Непобедимые русские смыслы» (2008), «Между истиной и откровением» (2010), «Россию надо заслужить» (2013). Лауреат литературной премии «Имперская культура» им. Э. Володина (2009), литературной премии им. А.Т. Твардовского (2015). Живет в Смоленске.

Дробот Василий Леонидович – украинский русскоязычный поэт, переводчик. Родился в 1942 году в Оренбургской области РСФСР. Образование высшее: 1972 год – Киевский гос. университет (филос. фак.), 1980 год – Киевский политехнический институт (спецкурс). Работал перед уходом на пенсию в учреждении Национальной Академии наук Украины на должности ученого секретаря. С мая 2007 года – пенсионер. Родители были живописцами. Член Национального Союза писателей Украины с 1995 года, член Совета русской литературы Союза писателей, руководитель творческого объединения русских поэтов Украины «Восход» при НСП Украины, член Правления Киевской организации НСПУ. Лауреат литературной премии им. Николая Ушакова за лучшую поэтическую книгу на русском языке Национального Союза писателей Украины за 2004 год. Лауреат литературной премии им. А.С. Грибоедова «За честь и веру» с вручением медали А.С. Грибоедова Союза писателей России за 2010 год. Лауреат лит. премии «Планета поэта» им. Леонида Вышеславского в 2015 году за книгу «Лирика» (2013). Автор 18 поэтических книг, нескольких книг переводов стихов, составитель сборников стихов на русском языке украинских поэтов, участник антологий: «Киевская Русь», – Толстовское общество, Дюссельдорф, 2002, «Киев. Русская поэзия XX век», Киев, Юг, – 2003, «Земляки», Москва – 2009, «Песни южных славян» Макеевка, – 2009, участник многих коллективных сборников поэзии. С конца 1943 года живет в г. Киев.

Ермаков Олег Николаевич – прозаик, публицист. Родился 20 февраля 1961 года в городе Смоленск. Член Союза писателей РСФСР с 1989 года, а с 1992 – Союза российских писателей. С 2011 года входит в состав Первого жюри Международной премии имени О. Генри «Дары волхвов» (Нью-Йорк). Удостоен премий: журналов «Знамя» (1995), «Нева» (2010), «Новый мир», имени Ю. Казакова (рассказ «Легкий поток») (2009), «Ясной поляны» в номинации «Выбор читателей» (роман «Песнь Тунгуса»), национальной премии «Большая книга» (2018), роман «Радуга и свирель»). Произведения: «Афганские рассказы», роман «Знак зверя», повесть «Фрески города Гороухши», роман «Свирель вселенной», повесть «Вариации», повесть «Возвращение в Кандагар», роман «Холст», роман «Иван-чай-сутра», роман «С той стороны дерева», рассказы «Арифметика войны», «Вокруг света. Походная книга», «Покинутые, или Безумцы» и др. Произведения переведены на английский, венгерский, нидерландский, датский, итальянский, китайский, немецкий, финский, французский языки.

Канова Татьяна Алексеевна – поэт. Родилась в д. Кольель Сысольского района Коми АССР. Окончила с отличием физико-математический факультет КГПИ. Работает учителем математики в Межадорской школе. Публиковалась в журналах «Арт», «Войвыв кодзув» («Северная звезда»), «Север», «Двина», «Невский альманах», «На любителя» (Атланта, США), «Наш современник», «Глаголь» (Париж, Франция). Автор сборников стихов «Осиновая осень», «Немногословие души». Лауреат литературной премии имени А. Ванеева. Член Союза писателей России. Живет в д. Кольель.

Каретникова Наталия – член МГО СП России, член комиссии по творческому наследию С.А. Клычкова. Председатель музыкально-литературного объединения «Талисман». Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни», г. Москва.

Кобелев Александр – член Иркутской областной писательской организации. Автор 3 книг стихов. Лауреат-победитель международного поэтического конкурса «Звезда полей-2012». Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни», г. Новонкутск, Иркутская обл.

Коровин Андрей Юрьевич – поэт. Родился в п. Первомайский г. Щекино Тульской области (1971). Окончил Юридический институт МВД

РФ, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (семинар поэзии Ю.П. Кузнецова). Журналист, работает в сфере СМИ. Автор восьми поэтических книг. Стихи публикуются в поэтических антологиях, журналах «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь» и других изданиях, переведены на английский, немецкий, польский, литовский, армянский, грузинский и другие языки. Руководитель Международного культурного проекта «Волошинский сентябрь», литературного салона в Театре-музее «Булгаковский Дом» (Москва) и других культурных проектов. Лауреат премий литературных журналов, Кавалер Золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина» (2010). Живет в г. Подольск Московской области.

Котова Марина Ананьевна – поэт. Родилась в г. Дзержинске Нижегородской области. Окончила филологический факультет Нижегородского университета и Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького. Печаталась в журналах «Наш современник», «Москва», в «Литературной газете» и др. Автор четырех книг стихов. Лауреат Всероссийской премии «Традиция», журнала «Москва» за цикл стихов «И что мне тишь медлительная вод», Всероссийской литературной православной премии им. св. блг. кн. Ал. Невского, IV Международного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» в номинации «Философское стихотворение» (2-я Премия). Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Кокшаров Александр Геннадьевич – поэт. Родился в 1964 году в г. Смоленске. Стихи писать начал очень рано, а осознанно – лет с двадцати. Первая публикация – в коллективном сборнике молодых смоленских поэтов «Старая крепость» (1996, автор и участник проекта). Публиковался в альманахах «Под часами», «Блонье», в московских сборниках поэтов хайку. Автор стихотворных книг «Виноватость фраз» (Смоленск, Шеремет, 2001), «Пепел времени» (Смоленск, Свиток, Библиотечка «Под часами», 2015). Живет в Смоленске.

Кузнецов Виталий – учредитель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, Россия). Член Европейского конгресса литераторов. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (номинация «Для детей и юношества», Торонто, 2015), Северомуйск, Бурятия.

Кузьмин Леонид Алексеевич – поэт, переводчик. Родился в 1947 году в Москве. Автор поэтических книг: «Я к жизни прикоснулся нежно» (1997), «Ускользящее время» (1999), «Транзит судьбы» (2002), «Дорога» (2004), «Мой мед последний» (2005), «Такая осень» (2006), «Избранное» (2007), «Все еще впереди» (2007), «Колодцы» (2011). М. Фейнсон «Смоленск под властью Советов» (1995) – перевод с английского. Участник коллективных сборников. Его стихи переведены на болгарский язык. Живет в Смоленске.

Кудрявцев Виктор Васильевич – поэт, журналист. Родился в 1958 году в д. Капустино Руднянского района Смоленской области. Автор книги стихов «Тварь беззащитная» (2001; 2004; 2007; 2016). Составитель антологий: «Невод» (русская поэтическая миниатюра; в 2 томах), «Круговая чаша» (в 5 томах), «Белая лира», «Дальние берега», «Кипарисовый ларец», а также поэтической библиофильской серии «Серебряный пепел» (в 30 томах). Печатался в журналах «Новый мир», «Арион», «Юность», антологии «Лучшие стихи 2013 года». Лауреат литературных премий им. М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского. Руководитель литературного объединения «Современник» (г. Рудня) с 1996 года. Живет в городе Рудне Смоленской области.

Леонова Полина – начинающая поэтесса. Родилась в 1997 году. Студентка филологического факультета Смоленского государственного университета. Участница «Русских рифм» 2017, «Зимней школы поэтов» 2018 и Школы писательского мастерства молодых писателей центрального федерального округа России 2018. Участница литобъединения «Персона».

Лукин Борис Иванович – русский поэт, критик и переводчик. Родился в Нижнем Новгороде (г. Горький). Отучившись в Литературном институте им. А.М. Горького, в бурные девяностые растил детей, работал сторожем, преподавателем русского и литературы, продавцом, журналистом в московских многотиражках. В новом веке редакторствовал в отделе литературы «Литературной газеты» и во МХАТ им. А.М. Горького. Его произведения постоянно публикуются в российских и зарубежных периодических изданиях. Стихи из книг «Понятие о прямом пути» (1995), «Междуречь» (2007), «Долгота времени» (2008), «Поединок» (2010), «LeLь» (2012) переведены на многие языки мира. Автор-со-

ставитель пятитомной Антологии современной литературы России «Наше время» и много-томной Антологии русской поэзии о Великой Отечественной войне «Война и Мир». Лауреат Большой литературной премии России. Живет с семьей в подмосковной деревне. Его стихам присущи необычные фантазмагорийные сюжеты, яркость метафор и неожиданность сравнений, а образу жизни – подвижничество.

Макаренко Владимир Викторович – поэт, песенник, публицист. Родился в 1960 году в Смоленске. В 1983 году окончил МЭИ. Полковник внутренней службы в отставке. Автор семи поэтических книг, книги статей, очерков и интервью «Тюремные записки» (Смоленск, 2007), аудио-альбома «Я родом из шестидесятых» (Смоленск, 2015, стихи, поэма, песни). Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и др. периодических изданиях, автор проекта и участник книги «Перо Гамаюна» (Смоленск, 2013), автор стихов песен спектакля «Ежик и медвежонок», мюзикла «Дюймовочка» (режиссер Надежда Бизина, Омский ТЮЗ), автор песни «Русское сердце», ставшей лейтмотивом документального фильма «Патриарх Кирилл. Годы служения на Смоленщине» (2016). Лауреат литературных премий: им. А.Т. Твардовского, им. М.В. Исаковского, им. Н.И. Рыленкова (Тюнинская премия), лауреат (шорт-лист) Южно-Уральской литературной премии 2017 (книга стихов «Камертон»). Награжден медалями: «100 лет А.Т. Твардовскому», «Василий Шукшин», «За вклад в военную литературу», с 2004 года – председатель Смоленского отделения Союза российских писателей, составитель альманаха «Под часами». Живет в Смоленске.

Новиков Андрей Вячеславович – поэт. Родился в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. Первая серьезная публикация состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Стихи публиковались в газетах: «Литературная газета», «Московский комсомолец»; в журналах «Сибирские огни», «Байкал», «Крым», «Сибирь», «Симбирск», «Литературная учеба», «Дружба», «Литературная Киргизия», «Петровский мост», «Зинзивер», «Молодая гвардия», «Российский колокол», «Подъем», «Метаморфозы»; в альманахах: «Истоки», «Поэзия», «День поэзии», «Академия поэзии», «Московский Парнас», «Тверской бульвар, 25». Автор пяти книг. Член Союза

писателей России, председатель Липецкой организации писателей СПР. Живет в г. Липецке.

Обрезкова Нина Александровна – поэт, прозаик, переводчик. Родилась 11 марта 1965 года в селе Кослан Удорского района Республики Коми. В 1989 году окончила коми отделение филологического факультета Сыктывкарского государственного университета. С 1993 года заведовала литературной частью в Республиканском театре фольклора. Работала учителем русского языка и литературы в Сыктывкарской школе № 38, литературным редактором в журнале «Арт», преподавателем кафедры коми языка, коми фольклора и литературы СыктГУ, модератором литературной рубрики ЛОГОС Финно-угорского культурного центра РФ. Пишет на коми. Автор нескольких поэтических сборников. Ее стихи и проза переведены на многие финно-угорские языки: финский, эстонский, венгерский, удмуртский, мордовский, марийский, а также на английский, французский, немецкий, русский, болгарский. По пьесе Нины Обрезковой в 2007 году в Академическом театре драмы им. В. Савина поставлен спектакль «Утренняя гостя». Нина Обрезкова – переводчик произведений финно-угорских поэтов на коми язык: Р. Орловой, А. Ивановой, М. Нади, М. Вершмарти, Ш. Петефи, М. Радноти, Я. Пилински, Л. Нады, а также русских поэтов: В. Кушманова, А. Попова. Посол Венгрии в России Янош Балла от имени Правительства Венгрии наградил Нину Обрезкову орденом Венгрии Рыцарским Крестом за подвижнический труд по переводу произведений венгерских писателей и поэтов на коми язык. Лауреат премии Правительства Республики Коми (в составе группы) за создание диска «В. Савин «Наследие» (2009), награждена Почетной грамотой Главы Республики Коми. Участник проекта Антология современной литературы России «Наше время». Член Союза писателей России. Живет в г. Сыктывкар.

Орлов Максим – член Союза писателей России. Автор четырех книг стихов. Член литературного экспертного совета журнала «Северомуйские огни», г. Братск, Иркутская обл.

Подольский Сергей Викторович – поэт. Родился в 1950 году в Башкирии. Стихи начал писать со школы, издаваться с 2009 года в Ленинградской области. Печатался в газетах и альманахах «Под часами», «Блонье». Автор книг: «И в шутку, и всерьез» (2009), «Опять вес-

на на белом свете» (2009), «Берега» (2010), «Такая долгая зима» (2011), «Апрельская радуга» (2013), «Обратный отсчет». (2015). Член Союза российских писателей. Живет в Смоленске и Башкирии.

Протоиерей Алексей Лисняк (Лисняк Алексей Александрович) родился в 1975 году в Воронежской области. Окончил Воронежскую духовную семинарию. Служил в армии. С 1993 года служил диаконом, а затем священником в Троицком храме города Обояня Курской области. С 1999 года по сей день является настоятелем Богоявленского храма села Орлово Воронежской области. Прозаик. Печатался в журналах «Подъем», «Наш современник», «Сибирские огни», «Москва», «День литературы», «Бельские просторы» (лауреат 2011 года), «Фома», «Русский дом», «Иван-да-Марья», церковной и светской периодике. Автор книг рассказов «Праздник жизни», «Зимнее тепло», «Бананы на березе», «Сашина философия и другие рассказы» (М. 2014), «Через речку быструю» (М. 2016). В 2018 году Народный артист России А. Панкратов-Чёрный, записал аудиокнигу Лисняка «Кровная родня». Рассказы из книг о. Алексия неоднократно выходили в столичных и региональных коллективных сборниках. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член секции писателей «ПРОФИ» – профессионалы против профанации.

Рожнова Полина Константиновна – автор поэтических книг: «Разрыв-трава», «Красная горка», «Дорога в родные края», «Сердца святых», «Берегиня», «Моя Вологодчина», «Просинец», «Бохтюжские напевы», «Русский короб» – избранные стихи и проза, а также книг, связанных с народной культурой: «Радоница», «Святочные рассказы», «Русский народный календарь», «Сказ о Кирилле Белозерском», «Артем, сказочная Птица Струфикамила и чудище Карачун». Редактор и составитель альманахов: «Синева на крылах», «Небеса любви», «Детство. Волшебная страна», «Литературные россыпи», «Венок Некрасову», «Эпоха поля Куликова», «Со скоростью света прямо к Солнцу, в Солнце...», «Светись, светись, далекая звезда...». Член Высшего Творческого Совета МГО СП России, Президент литературного Клуба Писательниц при ЦДЛ «Московитянка».

Романова Евгения – кандидат филологических наук, автор научных работ по культуре, литературе и языку Индонезии, участник между-

народных научных конференций по проблемам литератур Востока. Пишет стихи и рассказы. Член Международного союза творческих сил «Озарение». Призер Международного фестиваля славянской письменности и культуры «Славянский мир». Редактор отдела прозы журнала «Северо-Муйские огни», г. Санкт-Петербург.

Румянцев Андрей – член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор более двадцати книг стихов и эссе, в том числе пятитомного собрания произведений, вышедшего в Иркутске в 2008–2010 годах. Печатался в журналах «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Юность» и др., в поэтических антологиях в России и за рубежом. Стихи А. Румянцева переведены на французский, монгольский, эстонский и другие языки. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни», г. Москва.

Самарцева Анастасия Сергеевна (псевдоним: Стася Брик) – начинающая поэтесса. Родилась в 1998 году, учится в Смоленском государственном университете. Живет в г. Смоленск.

Смирнова Екатерина – начинающий поэт и прозаик. Родилась в 1995 году. Выпускница филфака Смоленского государственного университета. Участница фестиваля «Русские рифмы» (2017), лауреат фестиваля «Великий праздник молодости чудной» (Овстуг Брянской области, усадьба Ф.И. Тютчева) (2017). Участница литобъединения «Персона».

Скворцов Константин Васильевич – русский писатель, мастер драматической поэзии. Родился в 1939 году в городе Туле. Автор двадцати пьес, опубликованных и шедших в различных театрах России. Его произведения отличаются глубиной исторической памяти, смелой трактовкой исторических событий, афористичностью языка. Яркий пример тому пьесы: «Ущелье Крылатых Коней», «Отечество мы не меняем», «Ванька Каин», «Россияне», «Царские игры», «Георгий Победоносец», «Иоанн Златоуст», «Константин Великий» и др. Лауреат Всероссийских литературных премий: им. А.И. Фатьянова (1986), им. М.Ю. Лермонтова (2000), им. Э.Ф. Володина (2002), им. М.Н. Алексеева (2005), м. Д.Н. Мамина-Сибиряка (2009), им. А.Т. Твардовского (2010), им. С.Т. Аксакова (2010), им. Антона Дельвига (2016), лауреат

Форума «Общественное признание» (2001), лауреат народной премии «Светлое прошлое» (2004), Большой литературной премии России за лучшее произведение 2004 года. (2005), премии Славянского форума искусств «Золотой Витязь» за книгу «Ущелье Крылатых Коней» (2011), премии общественного движения «За сбережение народа» (2014), обладатель диплома Всероссийской литературной премии «Александр Невский» (2007). Награжден орденами «Знак Почета» (1976, «За развитие польской культуры») (1989), медалью «За развитие русской мысли» им. И.А. Ильина (2008) и др. В Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве установлены Щит и Меч Победы, на которых в золоте выгравированы стихи К. Скворцова:

Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь – только умереть!..

Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Скиф Владимир – секретарь правления Союза писателей России. Председатель Иркутского регионального отделения СП России. Лауреат Всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова (2013), Международной премии «Имперская культура» (2014), Всероссийской литературной премии имени Николая Клюева (2014), премии издательского дома «Российский писатель» (2014), ежегодной премии журнала «Наш современник» (2014), Международной литературной премии «Югра» (2015, за перевод «Слова о полку Игореве»). Советник губернатора по культуре Иркутской области. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни», г. Иркутск.

Рыленков Николай Иванович (1909–1969) – классик XX века, поэт, прозаик, критик. Родился в д. Алексеевка на Смоленщине, в крестьянской семье. В 1926 году окончил школу в г. Рославле, тогда же опубликованы его первые стихи. Работал сельским учителем. Окончил факультет литературы и языка Смоленского педагогического института (1933), в том же году вышел первый сборник стихов. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945. Член правления СП РСФСР с 1958 года, секретариата СП РСФСР с 1965 года. Печатался

с 1926 года. Первая книга стихов – «Мои герои» (1933). Лирика тяготеет к классическим и фольклорным традициям. Автор стихотворного пересказа «Слова о полку Игореве» (завершен в 1962 году, опубликован в 1963 году в газете «Литературная Россия», в 1966 году вышел отдельной книжкой и затем неоднократно переиздавался). Автор песен, рассказов, очерков, автобиографических и исторических повестей (более 50 книги, три издания). Издал сборник статей «Традиции и новаторство» (1962). Награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного знамени. В Смоленске одна из больших улиц названа имени поэта. У входа в Сквер героев в центре города на мраморе выгравированы стихи поэта:

Товарищ, помни: здесь погребены
Твоей Отчизны верные сыны,
Что за неё не пожалели жизни.
Они свой долг исполнили сполна,
Прочти и повтори их имена,
И, как они, учись служить Отчизне.

Похоронен в Смоленске на Братском кладбище.

Рыленкова Ирина Николаевна – дочь писателя Н.И. Рыленкова. Родилась в г. Смоленске. С отличием окончила Смоленский государственный педагогический институт, где и проработала 52 года: лаборантом, преподавателем, доцентом на кафедре химии. Автор более 40 публикаций в местной и республиканской печати. Составитель трех книг Н.И. Рыленкова, две из которых изданы в Смоленске: «Возвращение к истокам» (Маджента, 2006), «Живая связь времен» (Свиток, 2013), книги воспоминаний «Земная стезя» (Свиток, 2018) изданной в серии «Библиотечка альманаха «Под часами». Статьи воспоминаний о Н.И. Рыленкове печатались в журналах: «Юность», «Аргатак», «Вертикаль. XXI век», альманахе «Под часами».

Трифоновна Анастасия Владимировна – поэт. Родилась в 1987 году. Кандидат филологических наук, работает учителем. Участница литературной студии «Персона» при Смоленском государственном университете; публиковалась в альманахах «Персона» (Смоленск), «Блонье» (Смоленск), «День открытых окон» (Москва), в журнале «Юность»; неоднократно участвовала в ежегодном Московском фестивале университетской поэзии. Подборки стихотворений вошли в лонг-лист открытого Международного

литературного Волошинского конкурса (2015, 2016), в шорт-лист Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыслящий тростник» (2017). Автор книги «Стихи другого человека» (2017). Живет в Смоленске.

Федоскин Андрей – начинающий поэт. Родился в 1995 году. Окончил филологический факультет Смоленского государственного университета. Участник литобъединения «Персона».

Чистякова (Мазолецкая) Наталья Дмитриевна – поэт. Родилась в Вологде. По окончании Вологодского Политехнического института уехала к месту военной службы мужа на Украину. Служили в Москве, в Костроме, в Калужской области. Работала на заводе, в проектном институте, в учебном вузе, на летно-испытательной базе им. В. Гризодубовой, в в/части, в Вологодском земльчестве. Прошла действительную двухгодичную военную службу в РВСН. Член СП России, Комиссии по поэзии МГО СПР, Культурного Центра им. А.И.Фатьянова, вице-президент Клуба московских писательниц «Московитянка» при Центральном Доме литераторов. Автор пяти поэтических книг, редактор-составитель поэтических сборников. Автор ряда литературных статей. Публиковалась в зарубежных изданиях. Автор уникального проекта Антологии восьмистиший современной лирики «БЕСКОНЕЧНЫЙ СВЕТ» (вышли две книги серии – 2011, 2015 г., третья в работе). Автор проекта поэтического сборника «ИВАН» (130 поэтов России и ближнего зарубежья). В числе наград: лауреат Всероссийской Фатьяновской премии «Соловьи, соловьи...», лауреат премии журнала «Московский вестник» за 2017 год, медаль «Литературный Олимп» Лиги писателей Евразии. В настоящее время живет в г. Балашиха Московской области.

Ягодинцева Нина Александровна Ягодинцева – выпускница Литературного института имени А. М. Горького, кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры, секретарь Союза писателей России. Автор более 30 изданий: стихов,

цикла учебников литературного творчества, монографий, вышедших в России и Германии, электронной книги литературной критики, переводов с азербайджанского и башкирского языков, аудиодисков со стихами и песнями, а также более 700 публикаций в литературной и научной периодике России, Испании и США. Лауреат Всероссийских и Международных премий в области литературы и литературной критики, художественного перевода, научных исследований и творческой педагогики. Живет в г. Челябинск.

Якунина Галина Павловна – поэт. Родилась во Владивостоке, окончила филологический факультет Дальневосточного государственного университета. Работала преподавателем литературы во Владивостокском морском колледже, главным специалистом управления социальной защиты администрации города Владивостока, шеф-редактором Информационного центра Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского. В настоящее время – ведущий специалист Центра патриотического воспитания Морского университета. Автор семи книг поэзии, прозы и критики: «Грешна и счастлива», «Городская сумасшедшая», «Космический возраст», «Не отрекусь», «Держава», «Волны времени и берег памяти», «Опыт счастья». Печаталась в региональных, центральных и зарубежных изданиях: «Москва», «Литературен свят» (Болгария), «Хиляда луни» (Болгария), «Подъем», «Дружба народов», «Дальний Восток», «День и ночь», «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Рухс» (Северная Осетия), «Огни Кузбасса» и других. Лауреат дальневосточной региональной литературной премии им. Петра Комарова и II Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Член Союза российских писателей. С 2009 по 2013 годы – председатель Приморского отделения СРП. Член редакционной коллегии двух российских литературных журналов: «Дальний Восток» и «Подъем». Живет во Владивостоке.

Альманах

Редакционная коллегия: О.Н. Ермаков, В.В. Макаренков

Составитель тома: В.В. Макаренков

ПОД ЧАСАМИ

Книга 1 № 17

Тексты печатаются в авторской редакции

Выпускающий редактор *И.А. Флиманкова*
Технический редактор *М.В. Алейник*
Корректор *Т.С. Дурново*
Фото на обложке *О.Н. Ермаков*

Альманах «Под часами»
размещен на национальном цифровом ресурсе Rucont.ru
в коллекции региональных цифровых ресурсов
«Смоленский цифровой ресурс» <http://rucont.ru/collection/318>

ООО «Свиток»
Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216
Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано к печати 10.10.2018 г.
Формат 70x108 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Franklin».
Печ. л. 53. Тираж 200 экз. Заказ №